

УСАМА ИБН МУНКЫЗ

• КНИГА •

НАЗИДАНИЯ

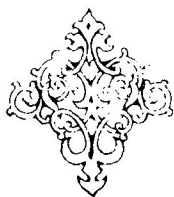

ИЗДАТЕЛЬСТВО

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Tyulemissov Madi مەدی ابو اصل

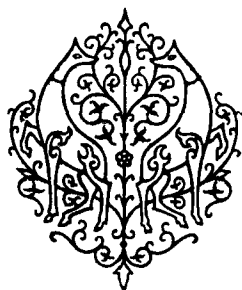
tmadi1@gmail.com

كتاب الاعتبار

لأسامة بن منقذ

УСАМА ИБН МУНКЫЗ
КНИГА
НАЗИДАНИЯ

Перевод М. А. Салве

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА · 1958

Под редакцией и с примечаниями
И. Ю. КРАЧКОВСКОГО

Вступительные статьи
И. Ю. КРАЧКОВСКОГО и Е. А. БЕЛЯЕВА

ВЕК УСАМЫ

К концу XI века, когда родился автор «Книги назидания», феодальные отношения в странах Ближнего и Среднего Востока достигли полного развития. Крепостное население сел и деревень обеспечивало упорным трудом относительно высокий уровень сельскохозяйственного производства. В средневековой Сирии, на родине Усамы, неутомимые земледельцы выращивали на плодородной почве своей страны, на залитых солнцем полях и в тенистых садах богатые урожаи злаков, фруктов и волокнистых растений. Но урожай, получаемые в результате огромного труда, только частично поступали в распоряжение тех, кто выращивал и собирал их. Над каждым земледельцем стоял жадный, прожорливый феодал, окруженный многочисленными домочадцами, дружиной и челядью.

Требования феодала не ограничивались емкостью его желудка и аппетитами его семьи, дружинников и слуг. Уже в раннем средневековье в странах Востока в отличие от Западной Европы (где преобладало натуральное хозяйство) были значительно развиты денежные отношения и в обращении находилось большое количество серебряной и золотой монеты. Восточные (в том числе и сирийские) феодалы, жившие обычно не в поместьях, а в городах, покупали не только высококачественные изделия местных ремесленников, но и дорогие заморские товары, которые привозили купеческие караваны и корабли из Индии, Юго-Восточной Азии и стран Дальнего Востока. На это требо-

валось изрядное количество звонкой монеты, большую часть которой феодал взимал с подвластных ему деревенских и городских труженников, а частично добывал посредством военного грабежа. Свои военные предприятия, сопровождавшиеся в случае успеха захватом добычи, сирийские феодалы осуществляли с помощью иноземных воинов-наемников, состоявших на жалованье.

В XI веке наблюдался временный спад антифеодального движения, потрясавшего Багдадский халифат в предшествующие два столетия. Протест наиболее обездоленного и угнетенного слоя трудящихся против феодального гнета в это время зачастую выражался в разбое и бродяжничестве. Некоторые крестьяне, доведенные до отчаяния нуждой, скрывались в лесах и на горах и нападали на путников или, объединяясь в шайки, грабили караваны.

Власть и богатство феодалов, составлявших господствующий класс общества, основывались на их собственности на землю и воду. В средневековье в странах мусульманского Востока все обрабатываемые и орошаемые земли теоретически считались собственностью государства. Однако на практике допускалось также личное и наследственное землевладение, а в последние века халифата распространились и земельные пожалования, которые халиф давал правителям или военачальникам при условии несения военной службы. Эти пожалования, которые назывались *икта*, иногда отождествляют с западноевропейскими бенефициями. Владельцами этих земель были феодалы, эксплуатировавшие крестьян, которые проживали на территории *икта*.

Военно-ленная система вполне установилась в странах Ближнего и Среднего Востока в X—XI веках, после распада Багдадского халифата. В результате усиления местных феодалов Сирия, Ливан и Палестина оказались раздробленными на мелкие феодальные владения. В других странах Передней Азии в конце XI века наблюдалась такая же картина.

Огромный Сельджукский султанат, образовавшийся в результате завоеваний, начатых среднеазиатскими тюрками в 40-х годах XI века, и простиравшийся от Афганистана до Средиземного моря, стал распадаться уже в период этих завоеваний.

После захвата Ирана и Багдада (1055 г.) полчища тюрок-сельджуков устремились в Закавказье, Малую Азию и Сирию. В последней из этих стран они появились около 1070 года. Их

военачальники захватили некоторые области и города и сделали их своими владениями. В других городах остались местные, арабские феодалы, которые признали себя вассалами сельджукского султана. Сирия осталась раздробленной: не только каждый более или менее значительный город с его областью или районом являлся наследственным владением независимого арабского или тюркского эмира, но и многие мелкие населенные пункты были резиденциями феодалов, каждый из которых стремился основать самостоятельную местную династию.

К числу сирийских владетельных феодалов среднего достатка и ограниченного политического значения принадлежали Мункызиды, сородичи Усамы. Город Шейзар, тогда еще не защищенный крепостными стенами, дед Усамы получил около середины XI века от местного христианского епископа, который был временным правителем города после ухода из него византийцев. Не всем членам рода Бену Мункыз удавалось жить в их родном городе, пользуясь плодами труда зависимого от них окрестного сельского населения. Усама вместе со своим братом был вытеснен из Шейзара дядей, затем ограблен своим сыном, превратился в типичного арабо-мусульманского рыцаря и служил у крупных феодалов в Сирии, Египте и Месопотамии.

Преобладающей силой в Сирии в то время были тюркские феодалы, вассалы Сельджукидов. В 1070 году сельджукский военачальник Атсыз взял Иерусалим, а через пять лет—Дамаск. В Сирии образовалось два сельджукских султаната, считавшихся вассальными владениями «великих» сельджукских султанов. В Алеппо правил султан Рудван, а в Дамаске—его брат Дукак, опекуном (атабеком) которого был тюркский военачальник Тугтегин. Захватив верховную власть в 1104 году, этот военачальник основал дамаскую тюркскую династию Буридов, которая просуществовала до 1154 года, когда Дамаск перешел под власть Нур ад-Дина.

За обладание богатыми городами в Сирии и Палестине сельджукам приходилось вести борьбу с египетскими Фатымидами, наместники которых правили в этих городах накануне сельджукского нашествия.

Египет в отличие от стран Передней Азии был в то время сильным государством, в котором сохранилась централизованная система управления. Династия шиитских халифов Фатымидов, правившая там с 969 года, располагала значительными мате-

риальными ресурсами, имела сильное наемное войско и большой флот.

Не желая уступать новым завоевателям свои азиатские владения, из которых в египетскую казну поступали подати и торговые пошлины, фатимидское военное командование в 1098 году восстановило власть халифского наместника в Иерусалиме, а за несколько лет до того (в 1089 г.) египетский флот вновь захватил некоторые портовые города на сиро-палестинском побережье.

Таким образом, в самом конце XI века, когда в Сирии и в соседних с нею Ливане и Палестине появились первые отряды крестоносцев, эти страны оказались неспособными к отражению западноевропейских завоевателей. В этих феодально раздробленных странах шла почти непрерывная междоусобная борьба, которая не прекратилась даже при появлении иноземных врагов. Так, два крупных сирийских феодала: Рудван, сельджукский султан Алеппо, и аль-Ягсыяни, владетель Антиохии, о чрезмерной жестокости которого сообщает Усама, получили первое известие о появлении крестоносцев в то время, когда их войска находились под Шейзаром в походе против враждебного им эмира Хомса. Тревожная весть не побудила их ни к прекращению враждебных действий против хомсского эмира, ни к совместному выступлению против новых противников, вторгшихся в пределы их страны.

На пришельцев из неведомой Западной Европы сирийские феодалы смотрели так же, как они привыкли смотреть на византийцев и сельджуков: видели в них не столько врагов, сколько возможных союзников, с помощью которых можно будет вести более успешную борьбу против своих местных, сирийских противников. Даже эмиры богатых и хорошо укрепленных портовых городов Триполи и Бейрута прислали в лагерь крестоносцев ценные подарки и много продовольствия, не проявляя намерения вступать в борьбу с неожиданно появившимися заморскими завоевателями. Оба эти эмира выразили через своих послов готовность признать себя вассалами предводителей крестоносного войска, если оно сумеет взять Иерусалим.

Сирийские крестьяне и горожане относились безучастно к борьбе арабских, тюркских, византийских и египетских феодалов, вооруженные наемники которых сражались, чтобы обеспечить своим предводителям наибольшие возможности для эксплуатации трудящегося населения. Они знали по собственно-

му опыту, что смена феодальных господ не влечет за собой никаких изменений в тяжелом положении закрепощенных труженников.

Такое же безразличие они проявили и на этот раз, когда на смену арабским и тюркским эмирам пришли европейские крестоносцы.

Благодаря межфеодальной борьбе и отсутствию сопротивления местного населения крестоносцы во время первого крестового похода, начавшегося в 1096 году, сравнительно легко, а местами и совершенно беспрепятственно, продвигались по Сирии и Палестине. Войско Балдуина, брата Готфрида Бульонского, захватило Эдессу (Урфу), находившуюся к востоку от Евфрата. Этот старинный город стал центром Эдесского графства, первого государства крестоносцев на Востоке. 3 июня 1098 года, после семимесячной осады, войска крестоносцев взяли Антиохию, владение уже известного нам аль-Ягъсыяни, которая стала с этого времени столицей второго государства крестоносцев на Востоке — Антиохийского княжества.

После этого крупного военного успеха основные силы крестоносцев двинулись в направлении на Иерусалим. Немного не дойдя до Шейзара, где тогда слушал сказки своей няни трехлетний Усама, крестоносное войско повернуло на запад, к морю. 7 июня 1099 года оно подошло к Иерусалиму, священному городу трех религий — иудейской, христианской и мусульманской. Под палящими лучами слишком горячего для европейцев южного солнца крестоносное войско, в рядах которого насчитывалось около 40 тыс. воинов, разбило свои палатки и приступило к осаде города, считавшегося заветной целью всего похода. Когда рассеялась суеверная надежда крестоносцев, что укрепления этой мусульманской твердыни рухнут при одном их приближении, они стали сооружать осадные и штурмовые орудия.

Под командованием египетского коменданта Иерусалима находилось не более одной тысячи бойцов. Этого было явно недостаточно, чтобы оборонять довольно протяженную линию ветхих укреплений. Однако, несмотря на большое количество осадных орудий и численное превосходство противника, иерусалимский гарнизон выдержал пятидневную осаду и отбил несколько штурмов. Только 15 июля 1099 года крестоносцы водрузили свое знамя на одной из стен города. Взяв этот священный для них город, крестоносцы учинили еврейский погром и принялись истреблять мусульман, одновременно грабя жителей

независимо от их веры (в Иерусалиме жили не только мусульмане и евреи, но и христиане).

На другой год после этой победы крестоносцы создали Иерусалимское королевство. Это было типичное феодальное децентрализованное государство, которое могло существовать только по соседству с Сирией — страной раздробленной и охваченной хроническими усобицами. При своем возникновении Иерусалимское королевство состояло из трех феодальных государств: 1) «владения короны» (или королевский домен) и владения вассалов короля, 2) княжество Антиохийское и 3) графство Эдесское. В 1109 году, после взятия Триполи, который крестоносцы осаждали десять лет, было образовано четвертое государство — графство Триполийское. Каждое из этих государств в свою очередь распадалось на несколько вассальных владений. Так, на территории «владений короны» находились земли четырех крупных баронов и с дюжину более мелких ленов, владельцы которых были вассалами иерусалимского короля; ему же непосредственно принадлежали некоторые города и прежде всего Иерусалим.

В Иерусалимском королевстве большую политическую роль играло многочисленное католическое духовенство, прибывшее на Восток с войсками крестоносцев. Епископы, аббаты и другие церковные сановники быстро создали себе солидную материальную базу, захватив земли и весьма доходные объекты христианского культа.

После взятия Иерусалима завоевательные стремления крестоносцев направились на богатые города побережья. Эти города могли оказывать длительное сопротивление, так как получали по морю помощь из Египта. Правители некоторых городов предпочитали не враждовать с крестоносцами и предлагали им значительные суммы в качестве отступного. Крестоносные предводители, как правило, не отказывались от денег, а через некоторое время, при изменившихся обстоятельствах, брали эти города измором или штурмом. Успех крестоносцев на побережье стал возможным только после того, как у сиропалестинских берегов появились флоты итальянских торговых городов, отогнавшие египетские корабли. Блокированные с моря генуэзскими и пизанскими кораблями Бейрут и Сайда сдались в 1110 году, а Тир продержался до 1124 года. Последним приобретением крестоносцев в Сирии был город Баниас (к юго-западу от Дамаска), перешедший в их владение в 1129 году.

Территория Иерусалимского королевства простиралась от верхнего течения Евфрата и Киликии, включала узкую полосу земель Ливана и западной Сирии, а на юге, расширяясь, обнимала всю Палестину и часть Заиордания вплоть до порта Акаба (Айла) на Красном море, а также часть Синайского полуострова с его старыми христианскими монастырями. В Сирии неопределенная, никем никогда не устанавливавшаяся восточная граница королевства проходила западнее долины Оронта. Большие города внутренней Сирии—Алеппо, Хама, Хомс и Дамаск—никогда в состав королевства не входили.

Неоднократные попытки взять Дамаск завершались для крестоносцев неудачей. В 1125 году войско иерусалимского короля было вынуждено поспешно отступить от этого города, оставив противнику даже свою походную церковь. Через несколько лет крестоносцы опять появились под стенами Дамаска, но скоро ушли, получив от его жителей 20 тыс. золотых монет и обязательство платить ежегодную дань иерусалимскому королю.

Крестоносцев, поселившихся на Востоке, местные жители называли франками. Под таким названием в средневековой арабской географии были известны все народы Западной Европы, о которых на Ближнем Востоке до крестовых походов имелись только очень ограниченные сведения. Цивилизованные сирийские арабы (как это видно и из «Книги назидания») бывали поражены и обескуражены грубостью, невежеством, алчностью и вероломством франков, особенно тех, которые прибыли недавно. В культурном и моральном отношении эти пришельцы из отсталой Западной Европы были неизмеримо ниже арабских феодалов, среди которых образованные люди (вроде Усамы) вовсе не являлись исключением. В то время рядовой европейский рыцарь кичился своей неграмотностью и заполнял свой досуг, пьянствуя, обжираясь и развратничая. А шейзарский эмир, отец Усамы, в свободное от походов, сражений и охоты время не только переписывал Коран каллиграфическим почерком, но и писал на него комментарии, для чего требовалось известное образование. Его сын был не только писателем, но и большим любителем книг, владельцем библиотеки в четыре тысячи томов.

Но, резко различаясь по культурному уровню, и восточные и западные феодалы, будучи людьми одного класса, непрестанно вели борьбу друг с другом ради экономических и

политических выгод. Раздоры и интриги при дележе добычи и распределении ленов никогда не прекращались в лагере крестоносцев. Так, еще до взятия Антиохии, когда крестоносцы беспомощно стояли под ее стенами, разгорелась ожесточенная борьба за власть над этим городом между многими феодалами, особенно между норманским авантюристом Боэмундом Тарентским и Раймундом Тулузским. А когда франкские бароны снаряжались в поход на Дамаск, многие претенденты на это весьма соблазнительное владение не только перессорились, но и передрались. Редко кто в Иерусалимском королевстве получал лен без борьбы и владел им, не возбуждая ничьей зависти. При таких взаимоотношениях европейские рыцари всех рангов нередко обращались к мусульманским феодалам за помощью против своих единоверцев.

В обстановке полного разброда, постоянных столкновений личных корыстных интересов и самолюбий, при отсутствии дисциплины и господстве своеволия и самоуправства в среде франкских феодалов на Востоке единственной организованной и относительно дисциплинированной вооруженной силой в Иерусалимском королевстве являлись духовно-рыцарские ордена. Это были тамплиеры, или храмовники, орден которых был основан в 1119 году, и госпитальеры, или иоанниты. В конце XII века был организован тевтонский орден. Эти рыцарские организации, созданные по образцу католических монашеских орденов, скоро стали очень крупными землевладельцами, имевшими земли и замки на Востоке и в Европе и пользовавшимися весьма существенными привилегиями. Их земельные владения были освобождены от всех видов обложений, они подчинялись непосредственно римскому папе и пользовались его неизменным благоволением. Своей деятельностью и своим поведением они возбудили всеобщую ненависть к себе. Мусульмане ненавидели этих католических рыцарей-монахов за их крайнюю нетерпимость, жестокость, своекорыстие и жадность. Еще более ненавидели их франкские сеньоры и рыцари за то, что они вели себя исключительно надменно, умели захватывать лучшую добычу и занимались ростовщичеством, разоряя многих мелких рыцарей.

Выступая освободителями «гроба господня» и «святой земли» от власти мусульман, крестоносцы встретились на Востоке не только с последователями ислама, но и со своими единоверцами-христианами. Помимо мусульман (ортодоксального направления и различных сектантов), в Сирии, Ливане и Палестине

проживало немало христиан из коренного населения. Они принадлежали к различным местным церквам. Численно преобладали среди местного христианского населения последователи греко-православной церкви, неприязненно относившиеся к католикам, особенно после «разделения церквей», происшедшего в 1054 году. Другую крупную христианскую церковь местного происхождения составляли марониты; римские папы особенно рассчитывали подчинить их своей верховной власти. К числу значительных христианских меньшинств принадлежали армяно-григориане, яковиты, несториане. Все эти христиане (равно как и иудеи) в арабских странах не подвергались преследованию и имели полную возможность исповедовать свои верования и отправлять свои религиозные культы. Исключительным фактом было гонение на христиан и иудеев, учиненное в начале XI века сумасшедшим фатымидским халифом Хакимом. Вообще же мусульманские власти проявляли веротерпимость по отношению к своим немусульманским подданным.

В Иерусалимском королевстве местные христиане испытывали высокомерное и презрительное отношение к себе со стороны пришлого католического духовенства, которое смотрело на них как на схизматиков-раскольников и даже как на еретиков и пыталось обратить их в католичество. Экономическое положение местных крестьян и ремесленников христианского вероисповедания, попавших в крепостную зависимость от франкских сеньоров и их вассалов, было отнюдь не лучше, чем положение крепостных-мусульман. В тяжелом положении оказались и крепостные-вилланы, пришедшие на Восток под знаком креста и занявшие там привычным им трудом земледельца.

Франкские и разноплеменные мусульманские феодалы воевали, заключали перемирия, вели дипломатические переговоры, вступали в соглашения одни с другими, а крестьяне и ремесленники (как мусульмане, так и христиане) страдали не только от высоких оброков и тяжелой барщины, но и от опустошения полей и разрушения деревень в ходе военных действий.

В 1144 году произошло очень важное событие: 25 декабря, в день рождества, после осады, длившейся 28 дней, войско мосульского эмира Зенги взяло Эдессу. Для Иерусалимского королевства это было очень крупной потерей вследствие важного стратегического положения этого города. В Западной Европе этот успех мусульман послужил весьма подходящим поводом для усиления агитации в пользу нового крестового похода.

Второй крестовый поход начался в 1147 году. В нем приняли участие не только рыцари, но и два государя: французский король Людовик VII и германский император Конрад III. В этом походе участвовало много крестьян, особенно из районов, где в то время свирепствовал голод. Все эти крестьяне, безжалостно оставленные феодалами при трудном переходе через Малую Азию, погибли от голода, жажды, болезней и сельджукского оружия далеко от границ Иерусалимского королевства. Войско французского короля тоже очень сильно пострадало от лишений и боев с малоазиатскими турками. Остатки этого войска соединились в Палестине с отрядами германского императора, которые прибыли морем. Вновь прибывшие решили предпринять поход на Дамаск, хотя против этого решительно возражали многие франкские бароны (старожила Иерусалимского королевства). Предпочитая сохранять мирные отношения с дамасскими эмирами, эти бароны, по некоторым сведениям, вступили в переговоры с ними, чтобы совместно действовать против новоявленных крестоносцев. Последние все-таки вступили в Гуту, большой оазис под Дамаском, и расположились на отдых в тамошних густых садах. Предпринятая затем кратковременная осада Дамаска закончилась полной неудачей. Чувствуя неприязненное отношение к себе со стороны франкских феодалов, для которых в то время был выгоден мир с мусульманскими эмирами, оба венценосных крестоносца незамедлительно отплыли обратно в Европу.

После потери Эдессы и полного провала второго крестового похода преимущество в борьбе явно оказалось на стороне мусульман, которые могли располагать гораздо большими силами и средствами. Попытка иерусалимского короля получить помощь от византийского императора успеха не имела. Крупную неудачу на севере иерусалимский король и его бароны попытались уравновесить путем наступления на Египет. В 1153 году франки взяли Аскалон (в южной Палестине), но вторгнуться в долину Нила оказались не в состоянии.

Нехватка вооруженных сил и несовершенство организации Иерусалимского королевства, в котором преобладали центробежные тенденции, становились все более опасными для господства франков на Востоке по мере объединения сил во вражеском (мусульманском) лагере. Первым серьезным противником франков выступил Зенги, атабек Мосула, — сын турка-раба, принадлежавшего сельджукскому султану Мелик-шаху. Зенги, опираясь

на силы Мосула, подчинил своей власти Алеппо и Харран, а в 1144 году, как уже упоминалось, его войско взяло Эдессу. Через два года после этого крупного успеха он умер, оставив власть и владения своему сыну Нур ад-Дину. Продолжая наступательную политику своего отца, этот энергичный и предприимчивый военачальник нанес франкам несколько чувствительных ударов. Прежде всего в 1151 году он направил свое войско для ликвидации остатков Эдесского графства. Слабые франкские отряды были разбиты и вытеснены из западных районов этого графства, а последний граф эдесский Жоселен II попал в плен. Затем Нур ад-Дин сумел в 1154 году без кровопролития установить свою власть в Дамаске, эмиры которого тщетно надеялись на помощь иерусалимского короля и некоторых его вассалов. В 1164 году войско Нур ад-Дина завоевало часть территории Антиохийского княжества и захватило в плен князя антиохийского Бозмунда III и его союзника, графа триполитского Раймунда III.

В наемном войске Нур ад-Дина большую роль стали играть курды; некоторые военачальники из них достигали высокого служебного положения.

В то время, после укрепления власти Нур ад-Дина в Дамаске, молодой иерусалимский король Амари I (1162—1174) носился с неосуществимым проектом завоевания Египта. Этот проект явно отражал интересы итальянских торговых городов, купцы которых имели свои колонии в портовых городах Иерусалимского королевства. В случае захвата портов Нижнего Египта итальянские купцы стали бы монопольными поставщиками восточных товаров в Западную Европу, что сулило им небывало высокие торговые прибыли.

Тогдашний Египет казался очень легкой добычей. Развитие системы икта имело своим последствием быстрое усиление феодалов в провинциях, ослабление центральной власти и уменьшение податных поступлений в халифскую казну. В Каире участились бунты гвардейцев, вербовавшихся из наемников и рабов. Эти мятежи (столь картинно описанные Усамой, наблюдавшим их в 40-х и 50-х годах XII века) приводили к смене везиров и военачальников, делали политику центрального правительства неуверенной и неустойчивой и снижали обороноспособность страны. Но вождения темпераментного иерусалимского короля и его алчных вассалов в отношении Египта не могли быть удовлетворены вследствие недостатка сил. Грозная опасность надвигалась

галась на франков с востока, где Нур ад-Дин стремился объединить разрозненные силы мусульманских эмиров, чтобы вести наступление на Иерусалимское королевство.

Возможно, Нур ад-Дин считал нападение франков на Египет осуществимым, после того как в 1153 году они взяли Аскалон. Правда, ближние подступы к Египту защищала сильная крепость Газа. Как бы там ни было, Нур ад-Дин усиленно стремился установить свое постоянное влияние в Каире. Как полагают, он ставил перед собой двойную цель: привлечь египетские силы для борьбы с франками в Азии и предотвратить маловероятное, но все же возможное вторжение франков в Дельту.

Исполнителем своих намерений Нур ад-Дин сделал энергичного, опытного и преданного ему курдского военачальника Ширкуха. Последний несколько раз ездил в Египет с определенными военными и политическими заданиями своего сюзерена. Дважды в этих поездках Ширкуха сопровождал его племянник Салах ад-Дин, приобретший впоследствии громкую известность у европейцев под именем Саладина.

В смутной обстановке военных мятежей и феодальной междоусобицы Ширкух сумел занять руководящее положение в Египте, став великим везиром. После его смерти в 1169 году Салах ад-Дин занял этот высокий пост, а через два года (в 1171 г.) положил конец династии Фатимидов, устранив от власти родственников умершего тогда халифа Адыда (наступление смерти которого он, возможно, ускорил). Приняв титул султана, Салах ад-Дин стал основателем династии Айюбидов, получившей такое название от имени его отца Айюба.

Основной заботой Салах ад-Дина и его военачальников, получивших хорошие поместья в Египте, являлось обуздание прежней фатимидской гвардии, сформированной из суданских негров. Это была своевольная, распущенная и мятежная сила, приобретающая опасную привычку вмешиваться в дела государственного управления и ставшая особенно опасной, когда ее командиры вступили в тайные сношения с иерусалимским королем Амари. Салах ад-Дин противопоставил им свои более боеспособные и дисциплинированные отряды, сформированные из курдов, тюрок и сирийцев. Лишенная милостей султана и утратившая свое бывшее политическое значение, негритянская гвардия быстро распалась.

Опираясь на преданное ему войско, которое своевременно получало хорошее жалованье и довольствие, новый египетский

султан провел административные и финансовые мероприятия в целях централизации управления страной и повышения доходов государственной казны. Большое политическое значение имело также то, что Салах ад-Дин выступил защитником ортодоксального (суннитского) ислама и признал багдадского халифа, формально стоявшего во главе мусульманской феодальной иерархии, своим сюзереном. В ответ на это халиф прислал султану диплом, предоставлявший ему право на управление Египтом и некоторыми соседними странами. Так захват верховной власти Салах ад-Дином был освящен от имени Аллаха мусульманским первосвященником, а это имело очень большое значение в глазах верующего мусульманского населения.

После смерти Нур ад-Дина в 1174 году Салах ад-Дин во главе своего войска вступил в Сирию под предлогом защиты сыновей умершего сирийского властителя. В Сирии Салах ад-Дин сразу же стал первостепенной политической фигурой. Он проявил себя как выдающийся военачальник и очень выдержанный дипломат. Кроме того, он приобрел славу благородного и великодушного человека, и не только на арабском Востоке, но и среди европейцев. Не один старик Усама, впавший в нужду, восхвалял щедрость этого славного султана, который умел привлекать сердца людей. Популярность Саладина в Европе сохраняется до сих пор благодаря увлекательным романам Вальтера Скотта, дающим, правда, сильно приукрашенное изображение средневековья.

Салах ад-Дин учитывал происходившее на его глазах быстрое ослабление Иерусалимского королевства, во главе которого франкские бароны в 1174 году, после смерти короля Амари I, поставили его 13-летнего сына, Балдуина IV, несчастного мальчика, больного проказой.

Салах ад-Дин, нарочито выказывавший свою верность и преданность багдадскому халифу как своему духовному сюзерену, призывал сирийских феодалов по примеру Нур ад-Дина на священную войну (джихад), чтобы освободить мусульманские страны от господства франков-иноверцев. Но для сирийских и месопотамских феодалов собственные классовые и политические интересы были гораздо важнее их религиозного долга. Да и сам Салах ад-Дин, вынужденный подчинять владетельных феодалов силой оружия, ради своих политических целей неоднократно заключал перемирие с иерусалимским королем и его вассалами.

Многие мусульманские эмиры предпочитали прелесть реальной жизни загробным райским наслаждениям, которые их религия обещала им за подвиги и смерть в священной войне. Так, например, в 1176 году войско Салах ад-Дина нанесло решительное поражение объединенным силам алеппского и мосульского эмиров и обратило их в бегство. В лагере мосульского войска в числе весьма разнообразной и ценной добычи были захвачены коллекции вин, наборы струнных и духовых музыкальных инструментов и толпы музыкантов, певцов и левиц, плясунов и балерин. Захваченные в том же лагере клетки с голубями, соловьями и попугаями Салах ад-Дин приказал отослать по принадлежности мосульскому эмиру и преподал ему совет развлекаться в обществе этих пернатых и не помышлять о возобновлении военных действий.

Не имея возможности освободиться от власти могущественного Салах ад-Дина ни военными, ни дипломатическими средствами, его наиболее яростные противники решили убить его, обратившись для этого к помощи ассасинов.

Под этим названием приобрели грозную славу (как на Востоке, так и в Западной Европе) члены террористического ордена, основанного в самом конце XI века частью исмаилитов. Секта исмаилитов, возникшая еще во второй половине VIII века, имела немало активных приверженцев во всех мусульманских странах. Ассасины были боевой организацией, или орденом, идеологией которого был исмаилизм. Поэтому многие, в том числе и Усама, называли членов этого ордена просто исмаилитами.

Во главе ордена ассасинов стояли феодалы, пострадавшие от сельджукских завоеваний и крайне недовольные сельджукским господством. Они захватили несколько крепостей и замков в горных районах северо-западного Ирана и сделали их своими опорными пунктами. В качестве излюбленных приемов политической борьбы орден ассасинов применял террор и шантаж. Против своих жертв ассасинские руководители направляли хорошо вытренированных убийц. Последних вербовали из молодых и здоровых людей; как говорили, их одурманивали гашишем. От названия этого наркотического средства производят название членов ордена—хашшашин (европейская форма этого слова — ассасин).

Существовала легенда, переданная Марко Поло, согласно которой будущим убийцам предоставляли возможность предва-

рительно вкусить райские наслаждения в особом саду, населенном весьма привлекательными девушками.

Низшие члены ордена, из которых в случае надобности выбирали убийц, называвшихся *фидаями*, были обязаны слепо повиноваться приказу шейха — главы ордена, пребывавшего в недоступном замке Аламуте в отрогах гор Эльбурса.

К ассасинам примыкала и некоторая часть крестьянства и горожан, увлеченных исмаилитской пропагандой. Характерно, что тетка Усамы, жена феодала, относилась к этим «исмаилитам» с презрением, называя их «мужиками», и была готова убить свою дочь, чтобы она не попала в их руки.

В Сирии ассасины появились в начале XII века, когда создавалось Иерусалимское королевство. Сирийские ассасины, сначала признававшие власть аламутского шейха, а потом ставшие независимыми от него, захватили силой и хитростью несколько замков и крепостей. Так, в 1126 году они овладели Банниасом, но через три года сдали его франкским рыцарям. В 1141 году они взяли горную крепость Масияф в Ансарийских горах и сделали ее местопребыванием своего верховного шейха-руководителя. Франки называли его «старцем горы». Ассасины владели еще несколькими замками, откуда предпринимали нападения на владения мусульманских и франкских феодалов, а также на купеческие караваны. Они внушали страх и жителям Шейзара.

Деятельно участвуя в межфеодальной борьбе, ассасинские феодалы не проявляли нетерпимости к франкам. Нередко они заключали военно-политические соглашения с последними и даже участвовали в их военных предприятиях против мусульман. Затем они легко переходили на сторону мусульман и вели борьбу против франков. От кинжалов ассасинских фидаев погибали как мусульмане, так и христиане.

Салах ад-Дин дважды подвергался нападению фидаев, но оба покушения оказались безрезультатными. Чтобы не стать объектом успешного покушения, он спал в переносной деревянной башне. Но после похода войска Салах ад-Дина на Масияф «старец горы» гарантировал ему неприкосновенность.

Обезопасив себя от ассасинов и подчинив своей власти большинство феодалов, Салах ад-Дин, владевший Сирией и Египтом, возглавил решительное наступление на франков. 3 июля 1187 года при Хиттине, или Тивериадском озере, соединенные франкские войска, собранные со всего Иерусалимского королевства (численностью около 20 тыс.), были окружены вой-

ском под командованием Салах ад-Дина и отнесены в безводный район песчаных холмов. Истомленные жарой и жаждой франки на другой день капитулировали. Пленниками мусульман стали иерусалимский король и почти все боеспособное рыцарство его королевства. Салах ад-Дин милостиво обошелся с королем, владетельными феодалами и рыцарями. Но, разделяя общую ненависть к тамплиерам и госпитальерам, он приказал публично казнить этих недостойных противников.

2 октября того же года войско победоносного султана вступило в Иерусалим. Франки еще более столетия держались в городах побережья и в крепких замках, построенных у горных перевалов и ущелий. Несмотря на неоднократное прибытие новых крестоносных войск, франки уступали один пункт за другим наступающим на них силам арабского Востока.

Известия о победе при Хиттине и о взятии Иерусалима дошли до слуха уже дряхлого Усамы. Вероятно, это были последние сильные и радостные впечатления в жизни этого человека, который так непосредственно и правдиво описал в «Книге назидания» жизнь своего времени и своего общества.

Эта книга — не только художественное произведение, но и важный исторический источник, дающий яркое представление о многообразной жизни средневекового арабского Востока.

Можно надеяться, что второе издание «Книги назидания», перевод которой заново отредактирован ее переводчиком М. А. Салье (в соответствии с последним изданием арабского текста¹), будет интересно и полезно для наших читателей, испытывающих неизменные чувства дружбы и симпатии к арабским народам.

---

¹ Usamah's memoirs entitled *Kitab al-I'tibar* by Usamah ibn-Munqidh. Ed. by Philip K. Hitti. Princeton, Princeton University Press, 1930.

Е. А. Беляев

И. Ю. Крачковский

УСАМА ИБН МУНКЫЗ

И ЕГО

ВОСПОМИНАНИЯ

1

Европейцы до сих пор знакомы с крестовыми походами только по одной стороне. Как и в эпоху своего движения на восток, так и теперь, через много столетий, западные народы все еще не узнали того Востока, куда их влекла неодолимая сила, не оценили своего врага, не задумались над тем, нельзя ли видеть в нем своего собрата, с которым может быть общая цель, уничтожающая вражду. Восток молчал, потому что немymi казались для европейца его памятники, его литература. Знакомство с историческими произведениями арабов не всегда позволяло проникнуть в самую жизнь тех людей, поработать или умерщвлять которых стремились с далекого Запада крестосносцы. Конечно, исследователи этих произведений скоро должны были увидеть, на чьей стороне — у Востока или Запада — было тогда больше действительно исторического чувства, больше политического понимания, больше вкуса в форме и искусства в изложении. Однако здесь читатель встречал знакомые ему по средневековой Европе произведения. Полуофициальные летописи-хроники излагали деяния правителей, войну и походы, междоусобия и смуты, иногда превращались в панегирик герою века, иногда служили только канвой для риторических блесков, рассыпанных талантом автора, которого чаровало его собственное красноречие, который был влюблен в изящество слов. Народ в этих произведениях «безмолвствовал»; среднего человека здесь не было видно, и даже будничная жизнь тех самых правителей

и великих людей, о которых повествовали хроники, проходила где-то за сценой, оставалась недоступной взору зрителя. Мало и в арабской литературе таких памятников, которые позволяют проникнуть за кулисы этой показной жизни, но их скудость искупается той неожиданной картиной, которая при этом открывается. Невольно делается грустно и даже жутко, когда обнаруживается вся глубина рокового непонимания, точно вызванного какой-то трагической ошибкой. Оказывается, что этот неведомый Восток пытливо присматривался к Западу и понимал его гораздо лучше, чем можно было ожидать, оказывается — нужно сказать с сознанием своей прошлой вины — он не был его врагом по существу. Больно думать, какие перспективы могли бы открыться перед человечеством, если бы Запад в эпоху крестовых походов шел на Восток не с одним только оружием, а хотя бы с той долей желанья понять, с которой встречал врага на своей родине Восток. Мало произведений вскрывает эту картину, и одно из первых мест, если только не первое, занимают воспоминания сирийского эмира Усамы.

Сорок лет прошло с тех пор, как европейский ученый в буквальном смысле слова открыл их в Эскуриале, среди пачек с разрозненными листками арабских рукописей, но и теперь хочется повторить слова, вырвавшиеся при первом знакомстве с текстом у проф. В. Р. Розена, крупнейшего из русских знатоков арабской литературы: «Значение их... в том, что они дают живую, выхваченную из действительности картину духа и быта этой эпохи. Я не знаю ни одного арабского историка времен крестовых походов, полный перевод которого мог бы представить столько любопытного для исследователя-неориенталиста. Масса мелких бытовых черт, превосходно рисующих жизнь современных автору сирийских, египетских и месопотамских эмиров, султанов и воевод, равно как и отношения их к крестоносцам и крестоносцев к ним, разбросана по всей книге, и почти невозможно отмечать отдельные места, как наиболее интересные».

Казалось, что сама судьба предназначает этого эмира быть современником первого крестового похода и всех переворотов, вызванных им на его родине. Меньше чем за полгода до того, как папа Урбан II выступил в Клермоне 26 ноября 1095 года с проповедью этого похода, в маленьком сирийском городке Шейзаре у брата правившего эмира родился 4 июня сын Усама. Грозные события пронесли над его ранним детством: 3 июня

1098 года была взята Антиохия, а через год — 16 июня 1099 года — Иерусалим. Для мусульман наступило, казалось, тяжелое время, но Аллах послал Усаме долгую жизнь, и вот, еще за год до его смерти, великий Саладин разбил крестоносцев у Хиттина, и Иерусалим снова перешел к единоверцам Усамы. Латинскому королевству наступил конец; созданное на заре жизни Усамы, оно как бы вместе с ним сошло в могилу.

Как деятель Усама был только рядовым современником первого крестового похода, одним из мелких камешков той сложной мозаики, которую в эту эпоху представлял собой мусульманский Восток. Былого единства славной эпохи халифата давно уже не существовало; от прежнего величия багдадского двора осталось одно воспоминание, и только призрак духовной власти правоверных аббасидских халифов осенял давно лишенную светского могущества династию. На сцену как раз около этого времени, с половины XI века, выступает свежая сила вливается более энергичный молодой элемент в лице сельджуков, племени тюркского происхождения. Их династия создает эпоху в истории восточной части халифата, и сельджукские султаны с резиденцией в Исфахане, еще признавая духовный авторитет аббасидских халифов, являются уже фактическими вершителями судеб Месопотамии и Сирии. Они выступают передовыми бойцами с крестоносцами, выдвигая целый ряд талантливых наместников — атабеков — в разных областях.

Судьбу правоверного халифата в Багдаде разделяет его былой соперник по блеску — шиитский халифат Фатимидов в Египте. Величайшая из средневековых египетских династий, утвердившаяся здесь с половины X века, теряет всякие следы своего влияния в Сирии с подчинением Иерусалима крестоносцам. Еще живы воспоминания о торжественном выезде Фатимидов, о их сокровищнице, затмившей аббасидскую, еще и теперь любимец халифа получает в подарок серебряные блюда с золотыми динарами или десятки породистых лошадей с полной запряжкой, но чувствуется, что это все, что осталось в утешение халифу — пешке в руках своих войск или своих везиров. Его смещают, его убивают, возводят на трон малолетнего ребенка, и «даже две козы не сшибутся из-за этого рогами», по образному выражению Усамы. Аббасиды и Фатимиды теперь — тени прошлого.

Судьбой правят другие звезды, и в Египте начинается путь великого Саладина, полагающего конец династии Фатимидов

в 1171 году. И в Сирии ему удается создать известное единство, но это совершается уже на склоне дней Усамы. Вся жизнь его протекает еще на калейдоскопическом фоне крупных и мелких династий, князьков и правителей. Трудно сказать, на чьей стороне — у христиан или мусульман — здесь поражает большее разнообразие и эфемерность. Иерусалимское королевство, Антиохийское княжество, Триполийское графство хорошо известны Усаме; с другой стороны — пестрой толпой проходят эмиры Алеппо и Дамаска, атабеки Мосула, мелкие правители Хомса или Хама, таинственная религиозно-политическая секта исмаилитов, перешедших в европейскую литературу с грозным именем ассасинов.

Едва ли не одним из самых мелких феодальных родов в этом конгломерате оказываются Мункызиды, к которым принадлежал наш герой-писатель.

2

Родина Усамы — маленький городок Шейзар — Sisara крестоносцев, Цезарея древних, нынешняя деревушка Сейджар. Расположен он в области Алеппо, к северу от Хама (древней Эпифании), в двадцати километрах к югу от Апамен. Река Оронт — этот вечный «бунтовщик» (аль-Асы), как его звали арабы, омывает Шейзар с трех сторон. Самый поселок лежит у подножия холма, на котором высится замок; через Оронт здесь перекинут мост с предмостным укреплением, в названии которого *Gistrup*, сохраненном латинскими хрониками, нетрудно узнать арабское слово *аль-Джиср* (мост)¹. Шейзар разделял бурную жизнь Сирии в эту эпоху и в разное время видел себя во власти разных владык. В конце первого тысячелетия нашей эры он принадлежал египетским Фатымидам, в 20-х годах XI века подчинился мелкой алеппской династии Мирдасидов, с 1081 года перешел в ленное владение деда Усамы, который и был основателем могущества династии Мункызидов, если можно считать могучим один из многочисленных феодальных родов в Сирии. Хотя этот дед умер уже в 1082 году, однако ему удалось не столько военными подвигами, сколько тонкой политикой дипломата-авантюриста расширить область влияния до гавани Латакии на Средиземном море. При его сыне и преемнике Насре

¹ О развалинах его см. René Dussaud, *La Mission du peintre Jean Ch. Duval en Syrie* (1924). «*Syria*», t. VIII, Paris, 1927, p. 250, tab. LIX.

(1062—1098) Мункызидам пришлось отдать львиную долю своих владений сельджуку Мелик-шаху, и вся их область ограничилась почти исключительно одним Шейзаром с соседними деревнями. Маленькое княжество не привлекало больше ничьих завистливых взоров, оно казалось слишком ничтожной добычей, и его властители могли сравнительно спокойно вести обычную жизнь мелких эмиров того времени. Много неудобств вызывало только географическое положение — на большой дороге в Алеппо и Дамаск; приходилось постоянно заискивать перед разными, более могучими, соседями и пришлыми завоевателями. Мункызиды справлялись с этой задачей успешно и, не смущаясь, вступали в союз то с одними, то с другими, впоследствии то с крестоносцами, то с мусульманами.

Преемником Насра явился другой его брат, Абу-ль-Асакир-султан. По праву власть должна была перейти к отцу Усамы, Муршиду (1068—1137), однако он отказался в пользу своего младшего брата. Оба князя ярко выступают в воспоминаниях Усамы. Особенной симпатией овеван образ отца. Страстный охотник и хладнокровный воин, он по этическим соображениям не принял власти, боясь, что она в некоторых случаях заставит его поступать не согласно с книгой Аллаха — Кораном. Не только вояка, но и поэт, все свободное время он посвящал переписыванию книги божией со всеми ухищрениями каллиграфического искусства. И уже через много лет, в середине XII века, уроженец среднеазиатского Мерва историк ас-Самани среди виденных им в Багдаде достопримечательностей вспоминает про Коран, написанный рукой Муршида Мункызиды. Самая смерть его связана с легендой, трогательно венчающей благочестивую жизнь. Услыхав вести о том, что царь румов (византийцев) в союзе с франками (европейцами) готовит поход в Сирию, Муршид обратился к Аллаху с молитвой взять его к себе, если врагу суждено унижить его родину. И он умер за год до осады Шейзара Иоанном Комненом. Почти вся жизнь его протекла в родном городе и протекла, если применять понятия того времени, достаточно мирно: ведь война была таким же обыденным и очередным занятием той эпохи, как и охота.

Воине и охоте была посвящена жизнь его сына Усамы, но протекла она очень бурно и разнообразно. На перевале жизни он должен был забыть про свою родину, куда больше не суждено ему было вернуться. В воспоминаниях, причудливо свивающих в одну нить события самых разнообразных периодов, наря-

ду с Шейзаром, мелькают Дамаск, Каир, Палестина, Месопотамия и другие этапы его жизни. Старческая память, любовно всматриваясь в прошлое, комбинирует рассказы по редко понятным нам ассоциациям. Нужна руководящая хронологическая нить, чтобы найти путь в лабиринте этих воспоминаний; только неослабное внимание к ней позволит отчетливо представить ту обстановку, в которой происходит отдельный случай.

«Глазами любви» созерцает Усама свое детство и вообще весь период жизни в Шейзаре. Поэтому, несмотря на вечную войну, постоянные стычки, здесь так много мягких тонов. Отчетливо вырисовываются женские фигуры, только здесь ярко очерченные: мудрая бабушка, своим острым умом проникающая в замковые интриги лучше, чем неустрашимый, но неопытный внук; энергичная мать и сестра, предпочитающие смерть позору; тетка, которая в минуту опасности может взяться за меч лучше любого мужчины,— все женщины, которых смело можно назвать, по примеру арабов, «матерями мужей», мастерские контуры которых так далеки от наших обычных представлений о мусульманках. Здесь же появляется и бессмертный тип нянюшки, выходявшей три поколения. Добродушно над ней подтрунивает Усама, но в обращении «моя матушка» сквозит та глубина чувства, на которую были способны эти сарацины. Проходят перед нами и фигуры учителей Усамы, этих людей книги, далеких от военных интересов той среды, в которой они живут: не смущаясь, они доказывают своим покровителям, что участвовать в бою может только человек, лишившийся рассудка, или во время охоты обращаются к Аллаху с трогательно звучащей молитвой спасти куропатку, которую преследует ястреб. Но главных учителей у Усамы два: в военном деле — его дядя, который с искусством тонкого психолога приучает племянника, не дрогнув, смотреть в глаза опасности, а в охоте — отец, ценивший эту забаву не меньше ратного дела.

Скоро начинается и школа жизни. Уже пятнадцати лет он участвует в боях, когда Танкред с войском Антиохии делает попытку взять Шейзар (в 1110 г.). Видит тогда Усама и войска сельджукского султана Мухаммед-шаха, посланные против Танкреда. Через три года исмаилиты покушаются на Шейзар, тоже безуспешно. В 1119 году Усама руководит уже очень ответственной экспедицией — в том самом году, когда крестоносцы понесли такое сильное поражение у аль-Балата, где был убит Рожер антиохийский. Проходит еще десять лет, и — вольно или

невольню — Усама все чаще начинает покидать родной город. Почти девять лет (1129—1138) проводит он в свите у грозы крестоносцев — мосульского атабека Зенги. Во многих предприятиях последнего он принимает участие, и до стен Багдада заносит его военный жребий. Пока жив отец, Усама имеет в Шейзаре родной дом и часто туда наезжает. Но вот умирает Муршид, и дядя, воспитавший в племяннике героя, чувствует, что его присутствие дает повод для невыгодных сравнений с собственными детьми. Проницательная бабушка оказывается права: Усама с матерью и всеми братьями должен покинуть Шейзар, покинуть навсегда. Начинается его скитальческая жизнь по дворам властителей; с места на место гонят его судьба и люди, десять лет — обычный срок, дольше которого ему нигде не удастся обосноваться.

Первый этап новой жизни — Дамаск (1138—1144). Там, при дворе мелкой династии Буридов, он находит покровителя в лице главного везира. Зенги недоволен поселением Усамы здесь, и не без основания. Через два года, чувствуя опасность для самостоятельности Дамаска, Буриды заключают союз с иерусалимским королем против Зенги, и Усама принимает деятельное участие в посольствах и переговорах. Ему не представляется случая применить свои военные познания; только охотой он продолжает развлекаться по-прежнему, но зато ближе знакомится с франками в мирной обстановке — во время поездок по Палестине в 1140—1143 годах. Среди иерусалимских храмовников он приобретает друзей. Между тем в Дамаске усиливается партия, недовольная влиянием чужестранца Усамы на правительственные дела, положение обостряется, и ему приходится поспешно покинуть город, лишившись всего своего состояния.

Второй этап — Египет (1144—1154), где Усама ищет убежища, быть может, потому, что здесь живет один его дядя. Целый ряд дворцовых переворотов, военных мятежей приходится ему пережить. По-видимому, он и сам оказывается втянутым в интриги разных партий, и хотя в воспоминаниях затушевывает свою роль, но в других источниках она представляется не в особенно благоприятном свете. Быть может, жизненная школа не прошла даром, и тот наивный Усама, которого бабушка должна была предупреждать о готовящейся интриге, теперь стал опытным политиком. И в Египте он приобретает влияние. Около 1150 года по просьбе везира Усама едет с посольством в Сирию; однако конец пребывания здесь таков же, как и в Дамаске:

надо спастись бегством, пробиваясь среди бедуинов и франков вооруженной силой. Второй раз Усама теряет свое состояние, разграбленное в пути при участии иерусалимского короля, небреговавшего ремеслом пирата.

Опять Дамаск на десять лет (1154—1164) видит в своих стенах Усаму. Обстоятельства переменились: Буридов уже нет у власти, правит знаменитый Нур ад-Дин, такой же враг крестоносцев, как и его умерший к этому времени отец, мосульский атабек Зенги. Надежда когда-нибудь вернуться в Шейзар у Усамы окончательно пропадает: в 1157 году страшное землетрясение разрушает город, погребая под развалинами всех Мункызидов, собравшихся на семейное торжество. Из Дамаска Усама совершает паломничество в Мекку, пользуясь случаем проехать через Месопотамию (1160). Годы не ослабляют его военной энергии — в 1162 и 1164 годах он участвует с Нур ад-Дином в осаде и взятии принадлежавшей крестоносцам антиохийской крепости Харим. Там он, по-видимому, знакомится с властителем небольшого замка Кайфа, в области Диярбекра в Верхней Месопотамии.

Гостем этого эмира Усама проводит еще десять лет своей жизни (1164—1174). Годы берут свое: реже мы слышим про участие в сражениях, хотя охота по-прежнему влечет старца. На смену войне выступают другие интересы: свой досуг Усама посвящает теперь литературным трудам. Старость и мысли о вечном покое настойчиво направляют внимание к «людям Аллаха» — святым и анахоретам. Рассказы о них пестрят за этот период. Однако в основе характер Усамы не переменился, он все тоскует о былой шумной жизни, о войне, может быть, и о придворных интригах. Когда на горизонте восходит новая звезда, мечты начинают настойчиво влечь Усаму к засиявшему светилу. Великий Саладин, родственник дамасского покровителя Усамы Нур ад-Дина, начинает свое шествие с Египта. Там он в 1169 году появляется еще только везиром, но в 1171 году уже низлагает последнего фатымидского халифа и, признав номинально духовную власть Аббасидов, фактически является правителем Египта. Через три года он объединяет под своей властью Сирию и, утвердившись в Дамаске, проходит всю страну до Евфрата. Усама не в силах больше ждать. При дворе Саладина находится его любимый сын Мурхаф. Через него Усама добивается разрешения переселиться в Дамаск — в третий раз в своей жизни — и проводит там последние годы (1174—1188).

Нерадостно, по-видимому, проходит у него остаток дней. «Нечего делать со стариком эмирам» — чувствует он сам, и действительно, великий Саладин, развлекшись немного стихами и воспоминаниями бывалого героя, скоро про него забывает. Кроме того, он возвращается в Египет, и только за год до смерти Усамы окончательная победа его над крестоносцами и взятие Иерусалима еще раз вдохновляют старого поэта-героя. Девяноста трех лет от роду он находит в себе силы обратиться с панегириком к герою мусульман. В 1188 году Усамы уже нет в живых; через сто лет на его могиле у подножия горы Касьюн, в Дамаске, за душу великого эмира из Шейзара молится знаменитый историк Ибн Халликан.

3

Причудливо извивается нить жизни Усамы, богата канва, на которой она выткана. Рядом с ним встают крупнейшие фигуры первого крестового похода: атабек Зенги, сын его Нур ад-Дин, великий Саладин; на втором плане группируются эмиры, богатыри, ученые, медики, анахореты. Отчетливее всех вырисовывается все же фигура автора со всеми ее достоинствами и недостатками, симпатичными и неприятными сторонами, фигура живая, как в фокусе отразившая в себе не какую-нибудь выдающуюся, исключительную личность, а частый тип мусульманского рыцаря. В этом особая ценность воспоминаний.

Рисунок, по-видимому, не прикрашен. Повествуя о своих ратных подвигах. Усама не без иронии над самим собой рассказывает, как однажды его вместе с другим всадником обратил в бегство один пехотинец. Только в рассказе о египетских мятежах он, кажется, немного расходится с историей, затушевывая свою собственную роль: «так много совершилось в то время гнусного», по его выражению. Хотелось бы нам не слышать и таких воспоминаний, как про убийство уже в десятилетнем возрасте одного слуги, где Усаму более всего поразила только слабость раненого. Плохо с нашими представлениями вяжется и бесплодная жестокость, когда Усама отрубает головы утонувших франков. Черты эти и важны тем, что дают облик живого человека, быть может, что-нибудь позабывшего по «наследственной от праотца Адама слабости», но не сознательно изменившего картину.

...В общем тона этой картины мягки. Глубокое чувство сквозит в воспоминаниях о семье, благоговение перед памятью отца,

на которого он смотрел «глазами любви», что не мешало, однако, подмечать и слабости (вроде увлечения астрологией). Даже против дяди, лишившего Усаму родины, не вырывается резкого слова — наоборот, подчеркивается сделанное им добро в военном воспитании племянника. Все превратности судьбы смягчаются тем, что «жизненного срока не изменить», но эта глубокая вера в судьбу, проникающая едва ли не каждый рассказ, не носит мрачного, подавляющего характера: ведь «когда люди твердо решат что-нибудь сделать, они достигают этого». Единственный раз вера в фатум, в моральную законность происшедшего колеблется: повторная утрата имущества только отмечается несколькими фразами, но гибель собранных в Египте книг остается раной в сердце на всю жизнь. Один этот штрих сразу открывает душу Усамы, внутреннюю истинную культуру этого мусульманского «всадника», поднимая его на большую высоту сравнительно с теми франкскими рыцарями, которых он так близко знал и справедливо оценивал.

С первого взгляда в воспоминаниях легко найти опору шаблонному мнению о фанатизме мусульман. Самое упоминание франков сопровождается традиционной фразой: «да проклянет их Аллах», «да покинет их Аллах», но часто в эпитете «дьяволы»-франки сквозит известное уважение перед их военной доблестью — единственным качеством, которое признает за франками Усама. Это нужно подчеркнуть, потому что его представление сложилось не только благодаря войне, но и мирным сношениям. Самая возможность последних обнаруживает, что фанатичные фразы — только традиционная формула, которой и говорящий не придает внутреннего содержания. Она не относится к христианам вообще, и для нее нельзя было бы подыскать религиозную основу: не надо забывать, что среди придворной челяди Усамы много христиан, и не только охотничьих или стремянных; врачи той эпохи — почти исключительно христиане, и все они мирно живут при дворе мусульманских князей как раз во время ожесточенной борьбы их с крестоносцами.

Первое пребывание в Дамаске дает Усаме возможность близко узнать франков в их обыденной обстановке. Иерусалимские тамплиеры становятся его «друзьями», как он сам называет этих франков, забывая теперь про титул «дьяволы»; какой-то рыцарь предлагает взять его сына в Европу для настоящего рыцарского воспитания. В общем жизненный опыт накапливает у него в этой области скорее горькие картины: коварство иеруса-

лимского короля, не останавливающегося перед грабежом беззащитных женщин, для которых им самим была дана охранная грамота; жестокость Танкреда, приказывающего выколоть пленному герою не левый, а правый глаз, чтобы он в сражении не мог ничего видеть, если придется закрываться щитом; торгашество рыцарей при выкупе пленных — все суровые примеры жестоких нравов могли бы составить и более мрачную характеристику франков, чем та, которую дает Усама. В полном противоречии с его здравыми понятиями оказывается «божий суд», грубые развлечения, дикое невежество в медицине, и он тонко подмечает, что только те франки становятся воспитаннее, культурнее, которые дольше живут в мусульманской стране. Этот вывод нам кажется странным: мы вспоминаем, что мусульмане нисколько не уступают в жестокости и коварстве своим христианским противникам, что примеры такого рода легко было бы подобрать в тех же самых воспоминаниях. Только одна черта проводит резкую грань между Востоком и Западом: эта грань настолько ясна, что сразу можно разглядеть, где в эту эпоху культура выше — в Европе или Азии. Черта эта — культура ума, потребность в ней и органическая связь ее с жизнью. Отец Усамы, этот вояка и охотник, ночи посвящает каллиграфии, переписывая Коран; он, кроме того, поэт; сын его не только поэт, он литератор, историк и богослов, для которого самая тяжелая утрата в жизни — потеря книг. И это не единицы: такова вся среда. Нас не удивляет, что «дом мудрости» существовал в Багдаде, а «дом науки» в Каире — этих центрах тогдашней образованности, но из воспоминаний Усамы мы узнаем, что «дом знания» был и в маленьком городке Триполи. И вот, когда Триполи был взят крестоносцами, два соседних эмира, сейчас же едут к ним выкупать не драгоценности, не святыни, не женщин, наконец, а двух человек — ученого и каллиграфа. Едва ли пришедшие с Запада люди знали, что двигало душу их восточных собратьев, а если и знали, то едва ли могли понять.

Благодаря воспоминаниям Усамы мы ближе знакомимся с типом мусульманского рыцаря; мы знаем его теперь лучше, чем знали его современники в средние века, чем знала его масса крестоносцев. Мы видим отчетливо обе стороны, и невольно нас охватывает глубокое сострадание. Невольно кажется, что народы сделали бы лучше, если бы меньше сражались и больше старались понять друг друга. Нас поражает громадный раз-

мах войн, которые велись тогда, и ничтожество достигнутых результатов. Крестоносцы не могли усмотреть, что у мусульман культура стояла выше, была более тонкой, более блестящей; под влиянием ее христианская цивилизация средних веков могла бы окрепнуть и очеловечиться, могла бы подойти ближе к тому синтезу, который и теперь далеким идеалом мерцает перед взорами людей. Этого не случилось, и, конечно, пути истории имеют свою разумность. Заслуга воспоминаний Усама в том, что они показывают, как могла зародиться взаимная симпатия между отдельными представителями мусульман и христиан, Востока и Запада. Самая возможность этой симпатии в такое время и в такой обстановке служит лучшим доказательством возможности ее существования и между целыми народами, целыми культурами.

4

Историческая важность воспоминаний Усама бросается сразу в глаза, и невольно хочется говорить о ней еще и еще. Она заслоняет другие стороны произведения, и до сих пор исследователи не обратили внимания на то, что «Книга назидания» совершенно своеобразный памятник литературы, притом стоящий особняком среди других арабских книг.

Как и большинство крупных деятелей своего времени, Усама был человеком литературно образованным. Собирая воедино мелкие черточки, разбросанные по разным местам воспоминаний, можно составить достаточно ясное представление и об этой стороне его личности. Не столько имена его учителей, сколько попутно оброненные характеристики вводят нас в обстановку книжной жизни той эпохи. На первом плане стояло, конечно, изучение Корана: сам отец, специалист в этой области, следит за сыновьями и даже во время охоты иногда производит своеобразную проверку. Грамматике и языку уделено не меньшее место: десять лет посвятил им Усама. В последнее понятие, как всегда у арабов, входили и поэзия, и история, и теория литературы — словом, полное гуманитарное образование того времени. Другими учителями Усама были книги: библиотека в четыре тысячи томов, погибшая при переезде из Египта, — одна эта цифра достаточно ярко говорит о широте его интересов. Любовь к книге не была простой страстью к коллекционированию со стороны знатного эмира: книга органически входила в его

жизнь, и в горьком возгласе об их утрате чувствуется непритворная боль сердца. Усама не был каллиграфом, как его отец, не внешность привлекала его, а содержание. Он составил себе имя как литератор и поэт. Не менее десятка сочинений, помимо сборника стихов, упоминаются в разных источниках, и два из них дошли до нас. В первом мы встречаем теорию поэтического стиля, детально разработанную, со строгой системой и классификацией, любовно подсчитывающую всевозможные категории, число которых здесь доведено до девяноста пяти. Во всей работе чувствуется культ родного слова, то преклонение перед родным языком как самодовлеющей ценностью, которое часто у арабов заслоняло реальную обстановку жизни даже изучаемого слова. Длинной цепью, начиная с сочинения однодневного халифа Ибн аль-Му'тазза (убит в 908 г.), проходят эти риторики и поэтики; Усама, конечно, целиком обязан трудам своих предшественников. Ничего оригинального в его произведении нет: та же идея, те же приемы, и только более детальный анализ и новые примеры обнаруживают самостоятельную работу.

Аналогичный по своей традиционности характер носит и второе дошедшее до нас произведение Усамы — «Книга о посохе». Оно посвящено рассказам о всяких знаменитых в легенде, истории и литературе посохах, начиная с жезла Моисеева и кончая палкой, на которую опирался в старости сам эмир. Исторические рассказы и анекдоты переплетаются с цитатами стихов, и в целом получается излюбленная форма антологии, в которой арабы любили нанизывать самый разнообразный материал на самые разнообразные темы. Может быть, в сюжете Усама и явился более или менее оригинальным, но построение трактата вылилось в готовую форму. И здесь мы имеем дело с продуктом чисто ученого, кабинетного творчества, питающегося не столько соками жизни, сколько традиционным книжным материалом.

Не поражают оригинальностью и стихи Усамы, сохранившиеся не только в отрывках, но даже и в довольно большом сборнике. Все они возвращаются в формах классической поэзии, воспринимают по традиции те же сюжеты и приемы. Владение языком и стихом сказывается, конечно, в полной мере, но оно было вообще необходимым свойством всякого араба, получившего книжное образование. Известный поэт в кругу современников и потомков, Усама для нас является одним из сотен слагавших стихи и не поднимается выше среднего уровня.

Мы не знаем непосредственно других, известных только по именам, сочинений Усамы; по аналогии с указанными можно предполагать, что и они носили тот же литературно-кабинетный характер¹. Не эти произведения дают ему право на внимание со стороны европейского читателя, а «Книга назидания» — его собственные записки.

Автобиографией в обычном смысле ее нельзя считать: для этого она слишком мозаична; однако к другому роду литературы отнести ее мы тоже не можем. Стержнем, на котором вращается рассказ, является личная жизнь автора. Если в Европе к XIV веку мы находим не только попытки теоретического обоснования автобиографии в *Convivio* Данте, но и такие развитые формы ее, как хронику Фра Салимбене, то для арабов в их литературе эта идея всегда оставалась чуждой. Отдельные случайные явления, конечно, встречались: можно было бы сюда отнести исповедь известного философа аль-Газали (умер в 1111 г.), но она скорее входит в область психологии. Книга Усамы по своей идее настолько необычна, что как-то невольно хочется искать ей параллелей, если нельзя найти первоисточника. И характерно, что как раз около этого времени — в XII веке — мы встречаем несколько примеров, подходящих, с известными оговорками, правда; под ту же категорию. Один деятель той же эпохи родом из Йемена, погибший во время заговора против Саладина в 1175 году, по имени 'Омара, в предисловии к своей книге о египетских везирах говорит и о своем собственном детстве. Однако, если в основной части рассказ служит только иллюстрацией к стихам автора, посвященным тому или иному сановнику, то и во вступлении нет почти ни одной страницы о самом авторе, а лишь о его выдающихся родственниках. Самая манера изложения ничем не отличается от обычных книжных произведений, так что обычную параллель Усаме можно видеть лишь в идее рассказа о современных автору событиях. Из другой точки зрения, преимущественно дидактической, исходил один богослов и полигистор по имени Ибн аль-Джаузи (умер в 1201 г.). Хотя он был младшим современником Усамы, но знакомство последнего с некоторыми его трактатами несом-

---

¹ В последнее время в Азиатском музее Российской Академии наук обнаружен автограф еще одного, неизвестного в Европе, сочинения Усамы — «Книги стоянок и жилищ». Сообщение о нем — в томе XXVI «Записок Восточного Отделения Русского Археологического Общества».

ненно. В одном небольшом сочинении, желая наставить сына на правый путь, Ибн аль-Джаузи рисует перед ним картину своей трудовой жизни в молодости — картину, не лишенную интереса в культурном отношении, хотя напоминающую только миниатюру по сравнению с книгой Усамы. Некоторые данные позволяют предполагать, что «Книга назидания» была посвящена Усамой тоже сыну, но если в основе ее и лежала дидактическая мысль, то по существу на первый план выступил бесхитростный рассказ; «рассказы цепляются за рассказы», и словоохотливый эмир часто забывает про тенденцию, если она только была.

В этой непосредственности рассказа — главная прелесть воспоминаний, резко выделяющая их среди прочих произведений не только Усамы, но и вообще исторической литературы арабов. В них совсем нет той книжности, той традиционности, которая по десятку произведений позволяет судить о сотнях. Если основная идея и была заимствована Усамой, на что все же у нас нет никаких определенных указаний, то манера изложения во всяком случае представляет его собственное достоинство.

Возможно, что у автора существовал определенный план и определенная идея; судить об этом нам трудно, так как первые двадцать листов утрачены и рассказ начинается на полуслове. В первой части видна еще некоторая хронологическая последовательность, чувствуется она и во втором приложении, посвященном охоте. Во всем же остальном распределение материала вызывается простой ассоциацией, которая иногда нам ясна, а иногда и не совсем понятна. Мудрое слово сказал Усама: «рассказы цепляются за рассказы» — и он, не смущаясь, вводит новый сюжет фразой: «этот случай напомнил мне другой»... «я видел похожее на это»... «если уж упоминать о лошадях, так вот еще случай»... Иногда он теряет нить, и ему нужно вставить: «возвращаюсь к рассказу»... «продолжаю»; иногда, как бы стесняясь, оправдывается: «не место было здесь говорить о соколах», «этот рассказ не вызывается необходимостью». Но это только минутное колебание, воспоминания опять увлекают старика, и опять мы слышим равномерный и спокойный голос деда, рассказывающего про свою долгую жизнь взрослым внукам. «Книга назидания», несомненно, старческое произведение Усамы. Если в точности хронологических данных, в мелких деталях видно, что отдельные записи производились им довольно рано, может быть, еще в Египте, то основное ядро создано во время

длительного отдыха в крепости Кайфа, а последняя дата относится к 1182 году, за шесть лет до смерти.

Вся книга — один сплошной рассказ, местами более живой, местами более спокойный, но именно рассказ-импровизация, а не результат книжной кабинетной обработки. Только в заключительной части — в панегирике Саладину — чувствуется прежний Усама-литератор: появляется рифмованная проза, появляются оды и стихи. В остальных же отделах редко-редко проскользнет, что это говорит поэт-ученый. Необычайно редко для арабского автора приводятся собственные стихи, очень мало экскурсов в древность и цитат из произведений других поэтов. Даже самый язык мог бы вызвать строгие нарекания критиков-пуристов: он далеко не «литературен», он приближается к обычной разговорной речи со всей ее неприятельностью и простотой. Особенно в диалоге чувствуется иногда эта живость, совершенно несвойственная обычным литературным произведениям.

Если по всей структуре и стилю «Книга назидания» не может затеряться в богатой арабской литературе, то по одной черте для нее еще труднее найти параллели у арабских писателей: это пробивающееся местами чувство юмора. Оно сказывается и в отдельных словах и фразах, и в целых картинах. Иногда маленький штрих точно оживляет весь рассказ, идет ли речь о людях или о животных: и леопард — «борец за веру», и сокол, который «охотился по долгу службы», и лев, «струсивший, как ловчий Николай»; а с другой стороны, тот эмир, который был страшно вынослив, а «ел еще больше», и бывший волк, который стал «стар, как протертый бурдюк, и не мог даже прогонять мышей от своего фуража», и бедуины, которые боятся чумы, хоть «их жизнь хуже всякой чумы», и войско одного эмира, которое разграбило крепость так, «как грабят только византийцы», — все это яркие образы, очерченные одним мазком. Иногда воспроизводится целая картина действительного случая, но в таком тоне, который указывает на присущее Усаме тонкое восприятие смешного. Осел, который хотел погубить мешок с деньгами, вызывает не меньшую улыбку, чем лев, спасавшийся бегством от ягненка вокруг бассейна на дворе. Хороши старухи, которые должны были бежать взапуски на приз в виде живого кабана, или ведьма верхом на палке, скачущая ночью по кладбищу. Бессмертный образ представляет тот ученый, который, поехав с эмиром на охоту, сел вместо этого на пригорке и молил Аллаха, чтобы он спас куропатку от сокола. Много еще

можно привести таких примеров, но они не исчерпают содержания самой книги.

Вся она складывается из отдельных картин, то смешных, то грустных, то ужасных. На читателя «Книга назидания» может производить сначала впечатление мозаики, лишенной общей идеи и руководящей нити. Но мало-помалу пристальный взор откроет, что все части этой мозаичной картины объединены личностью автора-эмира, пластично выступающей с плотью и кровью на ярко обрисованном фоне действительности, и если эта мозаика лишена общей идеи, то не в большей мере, чем всякая человеческая жизнь.

Много можно говорить еще о герое нашей книги и о книге героя; однако лучше всего скажет сама книга, которую мы открываем¹.

---

¹ В интересах русского читателя сплошной текст Усамы разбит на отделы, которым даны отсутствующие в оригинале заглавия.

Петроград.

Октябрь 1920 г.

К Н И Г А
Н А З И Д А Н И Я

БИТВА ПРИ КЫННЕСРИНЕ ¹

(Атабек Зенги)...² узнал, что битва была не очень кровопролитной для мусульман. К нему прибыл Ибн Бишр—посланец от имама ар-Рашида ибн Мустаршида-биллаха ³, да помилует их обоих Аллах, который призывал его к себе. Он принял участие в этой битве, надев позолоченный панцирь; его поразил копьем в грудь франкский ⁴ рыцарь по имени Ибн ад-Дакак ⁵, так что копье прошло через спину, да помилует его Аллах. Зато было перебито большое число франков, и атабек, да помилует его Аллах, приказал собрать головы на поле против крепости; оказалось их числом три тысячи голов.

¹ В рукописи арабского оригинала утрачены первые двадцать страниц, и рассказ начинается с середины фразы; речь идет о сражении между мусульманами и крестоносцами в сентябре 1135 года около Кыннесрина, к юго-западу от Алеппо. В этом сражении принимал участие и Усама.

² *Имад ад-Дин Зенги*—атабек Мосула (1127—1146).

³ Аббасидский халиф ар-Рашид, сын аль-Мустаршида (1135—1136).

⁴ *Франки*—общее наименование европейцев у мусульман; им противопоставляются *румы*—представители Восточной Римской империи—греко-византийцы.

⁵ *Ибн ад-Дакак*, собственно, значит «сын муки». Возможно, что за этим именем кроется европейское имя Бенедикт.

ОСАДА ШЕЙЗАРА ВИЗАНТИЙЦАМИ И ФРАНКАМИ

Потом царь румов¹ снова выступил против нашей страны в 532 году². Он заключил соглашение с франками, да покинет их Аллах, и они сговорились двинуться на Шейзар³ и обложить его. И сказал мне Салах ад-Дин⁴: «Посмотри-ка, что сделал мой сын, которого я оставил наместником». (Он подразумевал своего сына Шихаб ад-Дина Ахмеда.) «Что же он сделал?» — спросил я. Салах ад-Дин ответил: «Он прислал мне сказать: «Посмотри-ка, кому бы поручить управление твоей страной». — «А что же ты сделал?» — спросил я. Салах ад-Дин сказал: «Я послал передать атабеку: займи опять свое место». — «Плохо ты сделал, — воскликнул я. — Теперь атабек тебе скажет: «Пока это было мясо, он его ел, а когда стало костью, он бросил его мне». Салах ад-Дин спросил: «Что же мне делать?» — «Я засяду в городе, — сказал я, — и если Аллах, да будет он превознесен, сохранит его, это случится благодаря твоему счастью, и лицо твое останется белым перед твоим господином; а если местность будет взята, а мы

¹ Византийский император Иоанн Комнен (1118 — 1143).

² 532 год по мусульманскому летосчислению продолжался от 19 сентября 1137 года до 7 сентября 1138 года.

³ *Шейзар* — родной город Усамы (между Алеппо и Хама).

⁴ *Салах ад-Дин Мухаммед* — наместник Зенги в Хама. Его не следует смешивать со знаменитым Саладином.

убиты, это произойдет во исполнение наших жизненных пределов, и ты не заслужишь упрека». — «Никто мне не говорил таких слов, кроме тебя»,—сказал он. Я полагал, что он так и сделает, и собрал скот, много муки, топленого масла и всего, что нам было нужно, чтобы выдержать осаду. Я находился в своем доме в западной части, когда ко мне прибыл гонец от него и сказал: «Салах ад-Дин передает тебе: «Мы послезавтра отправляемся в Мосул⁵. Сделай твои приготовления к походу!» И постигла из-за этого мое сердце большая забота. Я говорил себе: «Оставлю своих друзей, братьев и жен в осажденной крепости, а сам отправлюсь в Мосул!» Наутро я поехал к Салах ад-Дину, который был в палатке, и попросил у него разрешения съездить в Шейзар, чтобы захватить деньги и припасы, нужные в дороге. Он не удерживал меня и сказал: «Не мешкай». Я сел на коня и отправился в Шейзар. То, что представилось мне там, глубоко опечалило мое сердце. Мой сын храбро сражался, потом сошел с коня и проник в мой дом. Он взял оттуда, сколько там ни было палаток, оружия, седел, и принял на себя заботу о моих милых. Мои товарищи продолжали непрерывно битву, и была она страшным, ужасающим несчастьем.

---

⁵ В Мосуле в это время находился атабек Зенги.

ПЕРВОЕ ПРЕБЫВАНИЕ УСАМЫ В ДАМАСКЕ

Затем обстоятельства потребовали моего приезда в Дамаск. Гонцы от атабека являлись к владельцу Дамаска один за другим, требуя меня. Я провел в этом городе восемь лет и участвовал во многих битвах. Владелец его¹, да помилует его Аллах, наделил меня дарами и поместьями и отличил меня, приблизив и почтив. К этому присоединилась благосклонность ко мне эмира Му'ин ад-Дина², да помилует его Аллах, моя дружба с ним и его внимательность к моим нуждам. Затем, однако, возникли причины, сделавшие необходимой мою поездку в Миср³. Из оружия и обстановки моего дома пропало многое, чего я не мог взять с собой, и это было другим несчастьем для меня: я совсем обеднел. Но за всем этим эмир Му'ин ад-Дин, да помилует его Аллах, делал мне добро и благодетельствовал. Он был очень опечален, расставаясь со мной, но сознавал свое бессилие в моем деле. Он прислал ко мне своего секре-

¹ *Шихаб ад-Дин Махмуд* — атабек Дамаска из рода Буридов, правил в 1135—1139 годах.

² *Эмир Му'ин ад-Дин Анар* — первый буридский везир. Умер в 1149 году.

³ *Миср* — название как страны (Египет), так и ее столицы (Каир); последнюю Усама иногда называет определенно: *аль-Кахира*, почему термин *Миср* мы обычно оставляем без перевода.

таря, хаджиба⁴ Махмуда аль-Мустаршиди, да помилует его Аллах, со словами: «Клянусь Аллахом, если бы была у меня половина моих людей, я, наверное, разбил бы с ними другую половину, а если бы была со мной только одна треть их, я бы разбил остальные две трети и не расстался бы с тобой. Но все люди соединились против меня, и у меня уже нет над ними никакой власти. Но где бы ты ни был, дружба, возникающая у нас, останется в самом лучшем положении». Я сказал по этому поводу следующие стихи:

Му'ин ад-Дин, сколько почетных ожерелий, похожих на ожерелья голубей, возложено тобою на мою шею!

Благодетель делает меня твоим добровольным рабом, в благодетельности же — рабство великодушных людей.

Только к моей дружбе с тобой буду я возводить свою родословную, как бы ни был я велик и славен.

А разве не знаешь ты, что каждый стрелок целит мне в сердце за то, что я возвел свое происхождение до тебя?

Если бы не ты, мой дурной нрав никогда не подчинился бы принуждению, не уничтожив его мечом.

Но я страшился огня, зажженного против тебя врагами, и стал гасить пламя.

---

⁴ *Хаджиб* — придворный титул, по первоначальному значению — «привратник», потом — «камергер»

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ УСАМЫ В ЕГИПТЕ

Мое прибытие в Миср состоялось в четверг второго числа второй джумады 539 года¹. Аль-Хафиз ли-дин-Аллах² сейчас же по прибытии моем послал за мной и велел облечь меня в своем присутствии в почетное одеяние. Он дал мне перемену платья и сто динаров³ и разрешил мне пойти в собственную баню. Он поселил меня в великолепном доме аль-Афдаля — сына «эмира войск»⁴. Там были циновки, ковры и полное домашнее обзаведение с медной утварью; все оставалось в полной исправности. Я провел в этом доме некоторое время, пользуясь почетом, уважением и постоянным благоволением и получая доходы от цветущего поместья.

Среди негров, которых было здесь великое множество⁵, возникли злоба и раздор между райханитами,

¹ 30 ноября 1144 года.

² *Аль-Хафиз ли-дин-Аллах* (хранитель религии Аллаха) — титул фатимидского халифа Абд аль-Меджида (1130—1149).

³ *Динар* — золотая монета стоимостью около пяти рублей золотом.

⁴ *Аль-Афдаль* — сын Бедра аль-Джемалия, по прозвищу «эмир войск» (*эмир аль-джуюш*) — всемогущий везир трех фатимидских халифов. Убит по приказу аль-Хакима в 1121 году. Его сказочные богатства и дворцы были конфискованы.

⁵ Негры в эту эпоху составляли основную часть войска и дворцовой стражи. Дальше Усама указывает определенно на отдельные племена, игравшие главную роль.

рабами аль-Хафиза, и джююшитами⁶, александрийцами и фарихитами. Райханиты были с одной стороны, а все остальные — с другой — соединились против них. К джююшитам присоединилось несколько человек из гвардии. В той и в другой партии оказалось много народу. Аль-Хафиз не мог с ним совладать. Его гонцы сменяли друг друга, и он усиленно старался примирить врагов, но они не соглашались на это и расположились около него на одной из окраин города. Наутро произошло столкновение в Каире⁷. Джююшиты и их приверженцы победили райханитов, и они оставили на маленьком рынке «эмира войск»⁸ тысячу человек убитыми, так что вся площадь была завалена трупами. Мы проводили ночи и дни вооруженными, страшась нападения на нас джююшитов, которые совершали такие дела еще до моего приезда в Миср⁹. После избиения райханитов люди полагали, что аль-Хафиз не одобрит этого и строго накажет убийц. Но он был смертельно болен и умер через два дня¹⁰, да помилует его Аллах; не нашлось даже двух коз, которые стали бы бодаться из-за этого¹¹.

После него сел на престол аз-Зафир би-амриллах¹², младший из его сыновей. Он назначил везиром Наджм ад-Дина ибн Масалья, уже глубокого старика. Эмир Сейф ад-Дин Али ибн ас-Саллар, да помилует его Аллах, был в то время в своем наместничестве. Он собрал и снарядил войско и направился в Каир. Прибыв туда, он проник в свой дом. Между тем аз-Зафир би-амриллах собрал эмиров в зале заседания везиров и послал управляющего дворцами сказать им: «О эмиры, этот Наджм ад-Дин — мой везир и заместитель.

⁶ Т. е. сторонниками Бедра аль-Джемалия.

⁷ Открытое столкновение произошло 23 сентября 1149 года.

⁸ Одна из каирских площадей, названная по имени Бедра аль-Джемалия.

⁹ Намек на события 1134 года, когда произошло кровавое столкновение между райханитами и джююшитами по поводу назначения наследника халифа.

¹⁰ 10 октября 1149 года.

¹¹ Старая арабская пословица, применяемая к событиям, не обращающим на себя ничего внимания.

¹² «Победитель велением Аллаха» — титул халифа Абу Мансура Исмаила (1149—1154), которому в это время было только восемнадцать лет.

Кто повинуется мне, пусть повинуется и ему и следует его приказаниям». Эмиры сказали: «Мы рабы нашего господина, послушные и покорные».

Управитель возвратился с этим ответом, но один из эмиров, старец по имени Лакрун, сказал тогда: «О эмиры, позволим ли мы убить Али ибн ас-Саллара?» — «Нет, клянемся Аллахом», — воскликнули эмиры. «Тогда поднимайтесь», — сказал он. Они все бегом бежали из дворца, оседлали своих лошадей и мулов и двинулись на помощь Сейф ад-Дину ибн ас-Саллару. Когда аз-Зафир увидел это, то, не будучи в состоянии удержать эмиров, он дал Наджм ад-Дину ибн Масалью много денег и сказал ему: «Отправляйся в Хауф¹³, собери и снаряди там войско, затем раздели деньги между воинами и отрази Ибн ас-Саллара».

Наджм ад-Дин уехал, чтобы исполнить это, а Ибн ас-Саллар выступил в Каир и вошел во дворец везирата. Воины единодушно изъявили ему покорность, и он хорошо обошелся с ними. Он приказал мне, а также моим товарищам пребывать в его доме и отвел мне помещение, где я должен был жить.

Между тем Ибн Масаль собрал в Хауфе множество лаватидов¹⁴, воинов Мисра — негров и бедуинов. Наср ад-Дин Аббас, пасынок Али ибн ас-Саллара¹⁵, выступил в поход и разбил свои палатки в окрестностях Каира. Утром отряд лаватидов с родственником Ибн Масалья двинулся на лагерь Аббаса, большинство солдат из Мисра разбежалось перед ним, а сам он вместе со своими слугами и теми воинами, которые остались ему верны, держался всю ночь, оспаривая у противника победу.

Весть об этом дошла до Ибн ас-Саллара. Он позвал меня вечером, а я был у него в доме, и сказал: «Эти собаки (воины Мисра) развлекали эмира (он разумел Аббаса) разными забавами, пока несколько лаватидов вплавь не приблизились к нему; тогда они убежали от него, а некоторые из них вернулись в свои дома

---

¹³ Местность в Египте (около Дамьетты).

¹⁴ *Лавата*—одно из берберских племен.

¹⁵ Мать Аббаса — Балляра — во втором браке была замужем за Ибн ас-Салларом.

в Каире, хотя эмир их останавливал». — «О господин мой,— сказал я,— сядем с зарей на коней и поедем к ним. Еще не засияет день, как мы покончим с ними, если захочет того Аллах всевышний». — «Хорошо,— сказал эмир,— поезжай пораньше». Мы выступили против них с утра, и никто из них не спасся, кроме тех, чьи лошади переплыли Нил, неся своих всадников на спине. При этом был захвачен родственник Ибн Масалья, и ему отрубили голову.

Все войско присоединилось к Аббасу, и он двинул его против Ибн Масалья. Встреча произошла у Даляса¹⁶. Войско Ибн Масалья было разбито, а самого его убили. Негров и других было перебито семнадцать тысяч человек. Голову Ибн Масалья привезли в Каир, и не осталось никого, кто бы противодействовал Сейф ад-Дину и не повиновался ему. Аз-Зафир возложил на него почетное одеяние и обязанность везира, даровал ему титул «аль-Малик аль-Адиль»¹⁷ и поручил управление делами, но, несмотря на это, он питал к нему отвращение и нерасположение. Он затаил против него злобу и замышлял его убить. Он сговорился с несколькими молодцами из стражи и другими, которых расположил к себе и одарил деньгами, что они нападут на дом Сейф ад-Дина и убьют его. Был месяц рамадан¹⁸, и все эти люди собрались в доме близ дворца аль-Малика аль-Адила, ожидая, когда наступит полночь и друзья аль-Адила разойдутся. В этот вечер я был у него.

Когда люди кончили ужин и разошлись, Сейф ад-Дин, до которого уже дошла через одного из преданных ему лиц весть о готовящемся покушении, призвал двух своих слуг и приказал им напасть на дом, в котором собрались его враги. В этом доме, вследствие того что Аллах пожелал спасти некоторых из них, было две двери: одна вблизи дома аль-Адила, другая подальше; один из отрядов ворвался в ближайшую дверь, прежде чем их товарищи достигли другой двери. Люди, бывшие в доме, бросились бежать и вышли через эту дверь;

¹⁶ Город и область в провинции Бехнеса в Верхнем Египте.

¹⁷ *Аль-Малик аль-Адиль* — «справедливый властитель».

¹⁸ Вероятно, рамадан 544 года (январь 1150 г.).

ко мне пришло ночью около десяти человек стражников из друзей моих слуг, чтобы мы их спрятали. Наутро по всему городу искали беглецов, и те из них, кого удалось схватить, были убиты.

Я видел в тот день удивительную вещь. Один из негров, который участвовал в этом деле, убежал в верхнее помещение моего дома, а люди с мечами преследовали его. Он поднялся в комнату, расположенную очень высоко. Во дворе дома росло большое дерево небк. Он спрыгнул с крыши на это дерево и повис на нем. Потом он спустился и прошел через находившийся неподалеку узкий коридор; на пути он наступил на медный светильник и сломал его. Затем он подошел к куче утвари, находившейся в комнате, и спрятался за нею. Тем временем те, что преследовали его, приблизились, но я закричал на них и послал слуг прогнать их. Затем я подошел к этому негру; он снял платье, которое было на нем, и сказал: «Возьми его себе». — «Да умножит Аллах твое благополучие, — ответил я, — оно мне не нужно». Затем я вывел его и послал с ним нескольких своих слуг. Так он спасся.

Потом я сидел на каменной скамеечке перед входом в свой дом; ко мне подошел какой-то молодой человек, приветствовал меня и сел. Я увидел, что он хорошо говорит и держится. Он стал беседовать со мной, как вдруг его позвал какой-то человек, и он ушел с ним. Я послал ему вслед слугу посмотреть, зачем это его позвали. Я находился вблизи дворца аль-Адила. Как только этот молодой человек предстал перед аль-Адилем, тот приказал отрубить ему голову, и он был казнен. Мой слуга возвратился ко мне; он расспросил о его прегрешении, и ему сказали: «Этот молодой человек подделывал правительственные печати». Да будет слава тому, кто определяет жизнь и назначает срок кончины! И было убито во время междоусобия множество жителей Мисра и негров.

ПОЕЗДКА В СИРИЮ

Везир аль-Малик аль-Адиль, да помилует его Аллах, приказал мне приготовиться, чтобы ехать к аль-Малик аль-Адилю Нур ад-Дину¹, да помилует его Аллах. Он сказал мне: «Ты возьмешь с собой денег и отправишься к нему, чтобы он осадил Табарию² и отвлек от нас франков. Тогда мы выйдем отсюда и опустошим Газу³». А франки, да покинет их Аллах, уже начали укреплять Газу, чтобы затем осадить Аскалон⁴. Я сказал тогда: «О господин, а если он будет отговариваться или какие-нибудь обстоятельства помешают ему, что прикажешь мне?» — «Если он осадит Табарию, — сказал аль-Адиль, — дай ему деньги, которые будут с тобой, а если что-нибудь помешает, собери сколько можешь воинов и ступай в Аскалон. Ты останешься там, воюя с франками, и напишешь мне о своем прибытии, чтобы я мог приказать тебе, что делать дальше». Он вручил мне

¹ *Нур ад-Дин* — один из сыновей Зенги, мосульского атабека, и его преемник в Сирии с 1146 года.

² *Табария* — город в северной Палестине (ныне на территории государства Израиль).

³ *Газа* — город в южной Палестине, на берегу Средиземного моря.

⁴ В эту эпоху Аскалон принадлежал еще фатимидским халифам и был последним оплотом мусульманского владычества в Палестине. Во власть крестоносцев он перешел впервые в 1153 году, при Балдуине III, короле иерусалимском.

Шесть тысяч египетских динаров и целый выюк платьев из дабикских⁵ материй, золототканых шелков, мехов серых белок, дамиегтской парчи и тюрбанов и отправил со мной нескольких бедуинов в качестве проводников, и я поехал, причем аль-Малик аль-Адиль избавил меня от тягостей пути, щедро снабдив всем необходимым, в большом и в малом.

Когда мы приблизились к аль-Джафру⁶, проводники сказали мне: «Вот место, где, наверное, есть франки». Я приказал двум проводникам сесть на махрийских⁷ верблюдов и отправиться впереди нас к аль-Джафру. Прошло немного времени, и они вернулись, а верблюды точно летели под ними. Они кричали: «Франки у аль-Джафра!» Я остановился и собрал верблюдов, везших мою поклажу, и попутчиков, которые были со мной, и отвел их к западу. Затем я отобрал шестерых всадников из моих рабов и сказал им: «Поезжайте впереди, а я поеду за вами следом». Они поскакали, а я ехал за ними; один из них возвратился ко мне и сказал: «Никого нет у аль-Джафра; может быть, они увидели бедуинов?» Проводники стали с ним препираться. Я послал людей вернуть верблюдов и двинулся дальше.

Когда я прибыл к аль-Джафру, то нашел там воду, луга и деревья. Из травы вдруг поднялся человек в черной одежде, и мы его забрали. Мои спутники рассыпались и захватили еще другого мужчину, двух женщин и двух детей. Одна из женщин подошла ко мне, схватила меня за платье и сказала: «О шейх, я под твоей защитой!» — «Ты в безопасности, — успокоил я ее. — Что с тобой?» Она сказала: «Твои товарищи взяли у меня материю, ревущего, лающего⁸ и драгоценность». Я приказал слугам: «Кто взял у нее что-нибудь, пусть отдаст». Один из слуг принес кусок ткани длиною, мо-

---

⁵ *Дабик* — селение в северном Египте, известное хорошим качеством вырабатывавшихся там тканей.

⁶ *Аль-Джафр* — оазис в аль-Джифаре — песчаной пустыне между Египтом и Палестиной.

⁷ *Махра* — область в южной Аравии, славившаяся особенно быстроходными верблюдами.

⁸ В передаче Усамы чувствуется некоторая ирония над обычаем бедуинов заменять имена предметов эпитетами.

жет быть, в два локтя, и она сказала: «Вот материя!» Другой слуга принес кусок сандарака. «Вот драгоценность!» — сказала женщина.

«А осел и собака?» — спросил я. Мне ответили: «Ослу связали передние и задние ноги и бросили его на лугу, а собака отпущена и бегаёт с места на место».

Я собрал всех захваченных и увидел, что они в крайне бедственном положении. Кожа высохла у них на костях. «Кто вы такие?» — спросил я их. Они отвечали: «Мы из рода Убейя», — а это один из родов бедуинов племени Тай. Они ничего не едят, кроме падали, и говорят про себя: «Мы — лучшие из арабов. У нас нет ни слоновой болезни, ни прокаженного, ни хворого, ни слепого». Когда у них останавливается гость, они закалывают для него животное и кормят его не своей пищей. Я спросил: «Что привело вас сюда?» Они сказали: «У нас в Хисме⁹ зарыто несколько куч проса; мы пришли, чтобы его взять». — «Сколько же времени вы здесь?» — спросил я. «С праздника рамадана¹⁰ мы здесь, — отвечали они, — и глаза наши не видели с той поры никакой пищи». — «Чем же вы живёте?» — спросил я. Они ответили: «Истлевшим, — разумея гнилые, брошенные кости. — Мы толкли их и прибавляли к ним воду и листья лебеды (растение в той местности) и питались этим». — «А ваши собаки и ослы?» — спросил я. Они ответили: «Собак-то мы кормим нашей пищей, а ослы едят траву». — «Почему же вы не пошли в Дамаск?» — продолжал я. Они ответили: «Мы боялись чумы», — а чума не ужаснее того положения, в котором они находились. Все это происходило после праздника жертвоприношения¹¹. Я не двигался с места, пока не подошли верблюды, и дал им часть припасов, которые были с нами. Потом я разрезал кусок полосатой материи, бывшей у меня на голове, и дал ее женщинам; они едва не сошли с ума от радости при виде пищи. «Не оставайтесь здесь, — сказал я им, — франки возьмут вас в плен».

⁹ *Хисма* — название горы и местности в сирийской пустыне.

¹⁰ Праздник разговенья после поста в рамадане в 1150 году приходился на 1 февраля.

¹¹ 11 апреля 1150 года. Бедуины скитались без пищи, таким образом, более двух месяцев.

Во время пути с нами случилась удивительная вещь. Под вечер я сделал привал, чтобы совершить вечерние молитвы, сокращая их и соединяя¹². Верблюды мои ушли дальше, а я остановился на пригорке и сказал слугам: «Поезжайте в разные стороны искать верблюдов и возвращайтесь ко мне, а я не сойду с этого места». Они разъехались и поскакали туда и сюда, но не видели их. Вскоре они вернулись ко мне и сказали: «Мы не нашли их и не знаем, куда они направились». — «Призовем на помощь Аллаха, да будет он превознесен, — сказал я, — и пойдем по звездам».

Мы двинулись вперед. Наше положение оттого, что мы были далеко от верблюдов в пустыне, стало очень затруднительным. Среди проводников был один человек по имени Джиззия, отличавшийся бойкостью и сообразительностью. Когда мы задержались в пути, он понял, что мы от них отбились. Тогда он вытащил кремень и стал высекать огонь, сидя на верблюде. Искры из огнива разлетались туда и сюда, так что мы увидали их издали и шли на огонь, пока их не догнали. И если бы не милость Аллаха и не то, что он внушил этому человеку, мы бы погибли.

По дороге со мной случилось следующее. Аль-Малик аль-Адиль, да помилует его Аллах, сказал мне: «Пусть проводники, которые будут с тобой, ничего не знают о деньгах». Тогда я положил четыре тысячи динаров в мешок на седло мула, которого вели на поводу, и поручил его слуге, а две тысячи динаров, золотую уздечку и деньги на путевые расходы и магрибинские¹³ динары положил в мешок на седло лошади, которую вели за мной, и отдал ее другому из слуг. Во время привала я клал мешки на ковер и набрасывал сверху его концы, а поверх я клал другой ковер и спал на мешках. Когда надо было ехать, я поднимался раньше своих спутников, шел к слугам, которые охраняли меш-

¹² Мусульманское вероучение позволяет в случае необходимости (болезни, военной опасности, путешествия и пр.) сокращать или объединять в одну несколько из пяти обязательных ежедневных молитв.

¹³ *Магриб* — общее название Северной Африки к западу от Египта.

ки, и отдавал их им. Когда же они привязывали их к животным, я садился на коня, будил моих спутников, и мы приготавливались к отъезду.

Как-то мы остановились на ночь в пустыне Сынов Израиля¹⁴. Когда я поднялся, чтобы выезжать, пришел слуга, который вел на поводу мула, взял мешок и бросил его мулу на спину. Сам он обошел кругом животного, желая затянуть подпруги, но мул вырвался и поскакал с мешком на спине. Я вскочил на коня, которого уже подвел мой стремянный, и крикнул одному из слуг: «Поезжай, поезжай!» Сам я поскакал за мулом, но не догнал его. Он был силен, как дикий осел, а моя лошадь уже устала от дороги. Мой слуга догнал меня, и я сказал ему: «Поезжай за мулом вон туда!» Он поехал, возвратился и сказал: «Клянусь Аллахом, господин, я не видел мула, а нашел вот этот мешок и поднял его». Я сказал ему: «Мешок-то я и искал, а мул — не велика потеря!» Я вернулся к стоянке, и оказалось, что мул уже прискакал, он вошел в стойло лошадей и встал на свое место. Он хотел только погубить четыре тысячи динаров.

На нашем пути мы достигли Босры¹⁵, и оказалось, что аль-Малик аль-Адиль Нур ад-Дин, да помилует его Аллах, у Дамаска. В Босру уже прибыл эмир Асад ад-Дин Ширкух¹⁶, да помилует его Аллах. Я отправился с ним к войску и прибыл туда в ночь на понедельник. Наутро я уже беседовал с Нур ад-Дином о том, для чего приехал к нему. Он сказал мне: «О Усама, жители Дамаска — враги, и франки — враги, и я не спасусь от них, если войду между ними». Я попросил его: «Позволь мне набрать отряд из воинов, которым нет доступа в регулярное войско, я возьму их с собой и возвращусь, а ты пошли со мной кого-нибудь с тридцатью всадниками, чтобы все было от твоего имени». — «Делай так», — сказал он. До следующего понедельника я набрал восемьсот шестьдесят всадников. Я взял их с собой и от-

¹⁴ *Пустыня Сынов Израиля* — общее наименование местности между Египтом, Аравией и Палестиной.

¹⁵ *Босра* — древний город в Хауране, к югу от Дамаска.

¹⁶ *Курд Асад ад-Дин Ширкух* — главнокомандующий Нур ад-Дина, дядя знаменитого Салах ад-Дина (Саладина).

правился в земли франков. Мы делали привал по сигналу трубы и по сигналу же отправлялись снова в путь. Нур ад-Дин послал со мной эмира Айн ад-Даула аль-Ярукья с тридцатью всадниками.

По пути я проехал мимо аль-Кахфа и ар-Ракима¹⁷. Я сделал там остановку и вошел помолиться в мечеть, не входя в находящийся там узкий проход; один из бывших со мной турецких эмиров по имени Бершек захотел войти в эту узкую щель. Я сказал ему: «Что тебе там делать, молись снаружи». — «Нет бога, кроме Аллаха! — воскликнул он. — Порождение греха я что ли, чтобы не войти в эту теснину?» — «Что ты такое говоришь?» — спросил я. Он отвечал: «Это такое место, что в него не войдет сын прелюбодеяния, не сможет войти». Его слова заставили меня встать и войти в это место. Я помолился там и вышел, хотя Аллах знает, что я не верил тому, что он сказал. Потом подошло много солдат, и все входили туда и молились.

Со мной в войске находился Барак аз-Зубейди, у которого был черный раб, очень набожный и много молившийся; это был самый тощий и худой человек. Он подошел к этому месту и старался изо всей мочи войти туда, но не оказался в состоянии это сделать. Бедняга плакал, печалился и убивался, но принужден был вернуться, не смогши войти.

На заре, едва мы достигли Аскалона и сложили свою поклажу в месте общественной молитвы, как на нас напали франки. К нам вышел Насир ад-Даула Якут, правитель Аскалона, и крикнул: «Уберите, уберите вашу поклажу!» Я спросил его: «Ты боишься, что франки у нас ее отымут?» — «Да», — сказал он. «Не бойся, — возразил я, — они видели нас в пустыне и шли с нами рядом, пока мы не достигли Аскалона, и мы их не боялись. Станем ли мы бояться их теперь, когда мы у своего города!»

А франки постояли в отдалении некоторое время и вернулись в свои области. Они собрали против нас войско и двинулись на нас с конницей, пехотой и палат-

---

¹⁷ *Аль-Кахф* и *ар-Рахим* — местность в аль-Белька к востоку от Мертвого моря, связанная с легендой о семи спящих отроках (Коран, XVIII, 8—26).

ками, желая осадить Аскалон. Мы выступили против них. Пехота из Аскалона также пошла с нами. Я объехал отряд пехотинцев и сказал им: «О товарищи, возвращайтесь к своим стенам и оставьте нас с франками! Если мы победим, вы присоединитесь к нам, а если одержат верх франки, вы останетесь в целостности за своими стенами». Они не пожелали вернуться, и я оставил их и отправился к франкам. Те уже разложили свои палатки, чтобы разбить их и стать лагерем, но мы окружили их и не дали им даже времени снова свернуть полотнища. Они бросили их так, как они были, развернутыми, и стали отступать. Когда они отошли на некоторое расстояние от города, за ними погнались отряды жителей, у которых не было ни стойкости, ни численности. Франки повернули назад, напали на них и убили некоторых из них. Пехотинцы, которых я отсылал и которые не желали вернуться, обратились в бегство и побросали свои щиты. Мы настигли франков, повернули их назад, и они возвратились в свою область поблизости от Аскалона. Бежавшие пехотинцы вернулись, упрекая друг друга и говоря: «Ибн Мункыз оказался опытнее нас. Он говорил нам: «Возвратитесь». Но мы не пожелали это сделать и обратились в бегство и покрыли себя позором».

Мой брат Изз ад-Даула Абу-ль-Хасан Али¹⁸, да помилует его Аллах, был со своими товарищами среди тех, кто отправился со мной из Дамаска в Аскалон. Он принадлежал к числу славных мусульманских всадников, да помилует его Аллах, и сражался за веру, а не за земные блага. Однажды мы вышли из Аскалона, желая сделать набег на Бейт-Джибриль¹⁹ и сразиться с жителями. Мы прибыли туда и сразились с ними, но, возвращаясь в город, я увидел что-то очень неладное. Я остановился со своими спутниками; мы высекли огонь и бросили его на гумно. Потом мы стали переходить с места на место. Войско шло впереди меня. Франки, да

---

¹⁸ Старший брат Усамы, вместе с ним покинувший Шейзар и живший в Дамаске, а с 1144 года—в Аскалоне, где он и был убит в 1152 году, как видно из дальнейшего.

¹⁹ *Бейт-Джибриль* — крепость на полпути между Газой и Иерусалимом.

проклянет их Аллах, собрались сюда из всех крепостей, которые были расположены вблизи. Там было много конницы франков, и они намеревались осаждать Аскалон и днем и ночью. Они двинулись на наших товарищей, и один из всадников подскакал ко мне, крича: «Пришли франки!» Я направился тогда к товарищам, к которым уже подходили передовые отряды франков. А франки, да проклянет их Аллах, самые осторожные люди на войне. Они взобрались на пригорок и остановились там, а мы поднялись на другой пригорок, расположенный напротив. Между возвышенностями лежала равнина, где проходили наши отбившиеся солдаты и сторожа запасных животных, под самыми франками, но ни один всадник не спустился к ним, страшась засады или военной хитрости. А если бы они спустились, то могли бы захватить всех до последнего человека. Мы стояли против них в малом числе, так как наше войско ушло вперед, спасаясь бегством. Франки тоже стояли на пригорке, пока не закончился переход наших товарищей; потом они пошли на нас, и мы отступили перед ними, ведя бой. Они не особенно упорно преследовали нас, но того, чья лошадь останавливалась, убивали, а кто падал, того брали в плен. Затем они ушли от нас. Аллах, да будет ему слава, предопределил наше спасение из-за их осторожности. Если бы мы были в таком же числе и победили их так, как они победили нас, то мы бы уничтожили их.

Я оставался в Аскалоне, воюя с франками, четыре месяца. Мы напали тогда на город Ябне²⁰, убили там около ста человек и захватили пленных. В конце этого времени пришло письмо от аль-Малик аль-Адила, да помилует его Аллах, призывавшее меня к нему. Я отправился в Миср, а мой брат Изз ад-Даула Абу-ль-Хасан Али, да помилует его Аллах, остался в Аскалоне. Войско Аскалона выступило в поход на Газу, и он принял смерть на поле битвы, да помилует его Аллах. А был он одним из ученых среди мусульман и благочестивейшим из их витязей.

---

²⁰ Ябне — приморский город между Аскалоном и Яффой.

СОБЫТИЯ В ЕГИПТЕ

Что касается междоусобия, во время которого был убит аль-Малик аль-Адиль ибн ас-Саллар, да помилует его Аллах, то дело было так. Он отправил в Бильбис¹ войско под предводительством своего пасынка Руки ад-Дина Аббаса ибн Абу-ль-Футуха ибн Тамима ибн Бадиса, чтобы охранять область от франков. С Руки ад-Дином был его сын Насир ад-Дин Наср ибн Аббас, да помилует его Аллах. Он оставался некоторое время с отцом в войсках, а потом вернулся в Каир, не получив от аль-Адила разрешения и не взяв отпуска. Аль-Адиль не одобрил этого и приказал ему вернуться к войску, так как полагал, что он поехал в Каир для забавы и развлечения, наскучив пребыванием в войсках. Сын Аббаса тогда столкнулся с аз-Зафиром и подговорил нескольких его слуг, чтобы напасть с ними на аль-Адила в его доме и убить его, когда он будет искать прохлады в гареме и заснет там. Он условился также с одним из дворецких аль-Адила, что тот даст ему знать, когда его господин заснет. Домом заведовала одна из жен аль-Адила, бабка Насра, и он входил к ней без особого разрешения.

¹ *Бильбис* — главный город египетской провинции аш-Шаркийя к северо-востоку от Каира. Здесь была база для защиты Египта от нападений крестоносцев сухим путем.

Как только аль-Адиль заснул, дворецкий известил об этом Насра, и тот вместе с шестью своими слугами напал на него в комнате, где тот спал. Его убили, да помилует его Аллах, и Наср отрубил ему голову и снес ее аз-Зафиру. Было это в четверг шестого мухаррема 548 года². А в доме аль-Адила было около тысячи человек невольников и стражи, но они находились во «дворце мира», а он был убит в гареме. Все эти люди выбежали из дома, и у них началось сражение с сообщниками аз-Зафира и Ибн Аббаса. Наконец один из них поднял голову аль-Адила на конце копья. Как только сражавшиеся ее увидели, они разделились на два отряда: одни вышли из каирских ворот к Аббасу, чтобы служить и повиноваться ему, а остальные, побросав оружие, отправились к Насру ибн Аббасу и, поцеловав перед ним землю, стали служить ему.

Наутро его отец Аббас вступил в Каир и остановился во дворце везирата. Аз-Зафир возложил на него почетную одежду и поручил ему все дела. Его сын Наср был постоянным гостем и собеседником аз-Зафира. Аббасу, отцу его, это очень не нравилось, и он опасался своего сына, так как знал обычай этих людей натравливать одних на других, чтобы всех уничтожить и забрать их имущество; противники же изведут самих себя окончательно.

Как-то вечером Аббас и Наср позвали меня к себе. Они были вдвоем и осыпали друг друга упреками. Аббас отвечал Насру на укоры, а тот, опустив голову, как леопард, возвращал ему слово за словом, отчего Аббас только сильнее разгорячался и еще более усиливал свои укоры и упреки. Я сказал тогда Аббасу: «О господин мой аль-Афдаль, как долго будешь ты бранить и порицать своего сына Насир ад-Дина, когда он молчит? Перенеси свои упреки на меня, потому что я заодно с ним во всем, что он делает, и не отрекаюсь от его ошибок и его правоты. В чем его прегрешение? Он не обидел никого из твоих друзей, ничего не растратил из твоего имущества и ничем не посягнул на твою власть; он подверг себя опасности, чтобы ты достиг своего те-

---

² 3 апреля 1153 года.

перешнего положения. Он не заслуживает твоих упреков». Отец тогда оставил его, и сын сохранил обо мне благодарную память за это.

Аз-Зафир задумал между тем побудить Ибн Аббаса к убийству своего отца, чтобы стать вместо него везиром, и начал оделять его богатыми дарами. Однажды я был у него, когда аз-Зафир прислал ему двадцать серебряных подносов, на которых было двадцать тысяч динаров. Затем он оставил его на несколько дней, а потом прислал ему одежания всяких сортов, подобных которым я никогда еще не видел вместе. После некоторого перерыва он прислал ему пятьдесят серебряных подносов с пятьюдесятью тысячами динаров, потом опять оставил его, а затем прислал тридцать верховых мулов и сорок верблюдов в полном снаряжении, с мешками и взнузданных. От одного к другому постоянно ходил гонец по имени Муртафи ибн Фахль. Я же проводил время с Ибн Аббасом, и он не отпускал меня ни ночью, ни днем. Во время сна моя голова была на его подушке.

Однажды вечером я был у него. Он находился во дворце Шабура, и к нему еще раньше пришел Муртафи ибн Фахль. Они побеседовали первую треть ночи, а я держался от них в отдалении. Затем Муртафи ушел, а Ибн Аббас позвал меня и спросил: «Где ты?» Я ответил: «У окна, читаю Коран, так как сегодня у меня не было времени читать». Наср тогда начал мне намекать на содержание их беседы, чтобы посмотреть, как я отнесусь к этому. Он хотел, чтобы я подкрепил его в том дурном деле, к которому его побуждал аз-Зафир. Я сказал ему: «О господин, пусть дьявол не заставит тебя споткнуться! Не давайся в обман тому, кто хочет ввести тебя в соблазн. Убийство твоего отца не то, что убийство аль-Адила. Не делай ничего такого, за что тебя будут проклинать до дня воскресения!» Наср опустил голову и оборвал разговор со мной, и мы заснули.

Его отец узнал об этом деле. Он обошелся с ним ласково и склонил его на свою сторону и сговорился с ним убить аз-Зафира.

А Наср и аз-Зафир были ровесники и гуляли по ночам переодетыми. Наср пригласил халифа в свой дом, находившийся в рынке оружейников. Он поставил от-

ряд своих людей в одной из пристроек дома, и, когда гости расположились в доме, эти люди бросились на аз-Зафира и убили его. Было это в ночь на четверг в последний день месяца мухаррема 541 года³. Наср бросил тело аз-Зафира в подвал своего дома. С халифом был слуга-негр по имени Саид ад-Даула, не расстававшийся с ним, которого тоже убили.

Наутро Аббас по обыкновению отправился во дворец, чтобы поздравить халифа по случаю четверга. Он сел в одной из зал дворца везиров, как бы в ожидании, когда аз-Зафир начнет прием поздравлений. Когда же время начала приема прошло, он позвал управителя дворца и спросил его: «Что с нашим господином, что он не принимает поздравлений?» Управитель растерялся и не знал, что ответить, и Аббас закричал на него: «Что с тобой, что ты мне не отвечаешь?» И тот сказал: «О повелитель, наш господин... мы не знаем, где он». Аббас воскликнул: «Разве люди, подобные нашему господину, пропадают? Возвращайся и выясни, в чем дело». Управитель пошел, потом возвратился и сказал: «Мы не нашли нашего господина».

Тогда Аббас сказал: «Народ не может оставаться без халифа. Пойди к нашим господам, братьям аз-Зафира, и приведи кого-нибудь из них, чтобы мы могли ему присягнуть».

Управитель отправился к ним, но опять вернулся со словами: «Господа говорят тебе: «Мы не имеем никакого отношения к власти. Его отец отстранил нас от нее и возложил ее на аз-Зафира. После него власть принадлежит его сыну». — «Ну так приведите его, чтобы мы ему присягнули», — сказал Аббас.

Аббас же убил аз-Зафира с намерением сказать: «Это братья его убили его», — и потом казнить их за это.

Сын аз-Зафира был еще маленький мальчик, и его принес на плече один из служителей дворца. Аббас взял его на руки и понес, а весь народ плакал. Потом он вошел с ним в приемную залу его отца. Там находились дети аль-Хафиза, эмир Юсуф и эмир Джибриль, и

---

³ 12 июля 1146 года.

их племянник эмир Абу-ль-Бака. Мы уселись под портиком в зале. Во дворце было больше тысячи человек из войска Мисра, и вдруг совершенно неожиданно для нас из залы вышла на двор большая толпа народу и послышался звон мечей, направленных на одного человека. Я сказал одному своему слуге-армянину: «Посмотри, кого это убили». Он пошел и вернулся со словами: «Это не мусульмане! Они убили моего господина Абу-ль-Амана (он называл так эмира Джибриля), и один из них проткнул ему живот и вытащил кишки». Затем вышел из той же комнаты Аббас, держа под мышкой непокрытую голову эмира Юсуфа, которую он отрубил мечом; кровь еще стекала с нее. Абу-ль-Бака, племянник эмира Юсуфа, был вместе с Насром ибн Аббасом. Их обоих ввели в одну кладовую во дворце и убили, а во дворце было до тысячи обнаженных мечей. Этот день был одним из самых тяжелых, которые мне пришлось пережить, столько произошло тогда мерзких несправедливостей, отвратительных для великого Аллаха и всех людей.

В этот же день случилось нечто удивительное. Когда Аббас захотел войти в одну из зал, оказалось, что двери ее заперты изнутри. А отпирать и запирать залу было поручено старому слуге, которого звали Амин аль-Мульк. Над дверью трудились, пока ее открыли и вошли в залу; старика нашли за дверью мертвым с ключом в руках.

Что же касается до междоусобия, случившегося в Мисре, когда Аббас одержал победу над войсками Мисра, то оно произошло следующим образом. Когда Аббас совершил с детьми аль-Хафиза, да помилует его Аллах, то, что он совершил, сердца народа ожесточились против него, и люди затаили в душе вражду и ненависть. Те из дочерей аль-Хафиза, которые находились во дворце, вступили в переписку с мусульманским витязем Абу-ль-Гаратом Талаи ибн Руззиком, да помилует его Аллах, призывая его на помощь⁴. Он снарядил войско и выступил из своего наместничества, направляясь в

---

⁴ *Ибн Руззик* в это время был правителем Ушмунейна, ближайшей к Каиру области Верхнего Египта.

Каир. Тогда Аббас приказал снарядить суда, которые нагрузили провиантом, оружием и деньгами, и велел воинам сесть на коней и выступить с ним в поход. Это произошло в четверг десятого сафара пятьсот сорок девятого года ⁵. Он приказал своему сыну Насир ад-Дину оставаться в Каире, а мне сказал: «Ты останешься с ним».

Но как только он выступил из дворца, направляясь навстречу Ибн Руззiku, солдаты восстали против него и заперли ворота Каира, и у нас начался с ними бой на улицах и в переулках города. Конница сражалась с нами на дороге, а пехота осыпала нас с крыш деревянными стрелами и камнями, в то время как женщины и дети бросали камнями из окон. Наш бой с ними продолжался с рассвета до вечера. Аббас одержал победу, они открыли ворота Каира и обратились в бегство. Аббас нагнал их в пределах Мисра и убил тех, кого убил.

Затем он вернулся во дворец и снова стал приказывать и запрещать. Он велел было сжечь аль-Баркийю ⁶, потому что там были сосредоточены дома солдат, но я постарался смягчить его в этом решении и сказал: «О господин мой, когда вспыхнет огонь, он сожжет и то, что ты хочешь, и то, что не хочешь, и ты окажешься не в силах потушить его». Мне удалось отклонить его от этого намерения, и я добился от него помилования эмира аль-Мутамана, сына Абу Рамады, после того как он приказал было его казнить. Я попросил за него прощения, и Аббас отпустил его вину.

Затем смута улеглась. Она испугала Аббаса, который убедился во враждебности солдат и эмиров и в том, что ему не место среди них. Он твердо решил удалиться из Мисра и направиться в Сирию к аль-Малик аль-Адилю Нур ад-Дину ⁷, да помилует его Аллах, чтобы просить того о помощи.

Между теми, кто находился во дворце, и Ибн Руззиком происходил непрерывный обмен гонцами. Мы с

⁵ 26 апреля 1154 года.

⁶ *Аль-Баркийя* — квартал в восточной части Каира, где находились казармы полка, набравшегося в области Барки, отчего он и получил свое название.

⁷ Сын атабека Зенги, о котором уже была речь.

ним были в большой дружбе, да помилует его Аллах, и поддерживали постоянные сношения с тех пор, как я поселился в Мисре. Он прислал гонца передать мне: «Аббас не может оставаться в Мисре. Он уйдет в Сирию, и я завладею страной. Ты знаешь, какие у нас с тобой отношения, и поэтому не уходи с ним, хотя он и будет просить об этом и уводить тебя с собой, так как ты понадобишься ему в Сирии. Но, ради Аллаха, не присоединяйся к нему: ты ведь мой соучастник во всех благах, которые я получу».

Дьяволы нашептали Аббасу об этом или он заподозрил меня, так как знал о нашей дружбе с Ибн Руззиком.

ПЕРЕХОД В СИРИЮ

Смута, во время которой Аббас выступил из Мисра и был убит франками, произошла так. Когда Аббас заподозрил о моих делах с Ибн Руззиком то, что заподозрил, или что-нибудь дошло до него, он призвал меня к себе и заставил поклясться торжественной клятвой, от которой не было никакого выхода, в том, что я выступлю вместе с ним и присоединюсь к нему. Но это его не удовлетворило, и он послал ко мне ночью своего домоправителя, имевшего доступ в его гарем, и взял моих жен, мою мать и детей к себе во дворец. Он сказал мне: «Я беру на себя все расходы на них во время пути и повезу их вместе с матерью Насир ад-Дина». Он приготовил для путешествия своих лошадей, верблюдов и мулов. У него было двести коней и кобыл, которых вели слуги на поводу по египетскому обычаю, двести верховых мулов и четыреста верблюдов, несших тяжести.

Аббас очень увлекался наукой о звездах. Основываясь на гороскопе, он назначил свой отъезд на субботу пятнадцатого числа первого раби этого года¹. Я находился у него, когда к нему вошел его слуга по имени Антар Большой, управлявший его делами, и значительными и малыми. Он сказал ему: «О господин мой, чего

¹ Т. е. 549 г. х., что соответствует 30 мая 1154 года.

нам ждать от похода в Сирию? Возьми свою казну, жен, слуг и тех, кто последует за тобой, и иди с нами в Александрию. Мы соберем и снарядим там войско и двинемся обратно против Ибн Рузрика с его сообщниками. Если ты победишь, ты вернешься во дворец и к власти, а если окажешься слабее его, вернешься в Александрию. Мы укрепимся в этом городе и сумеем защититься от нашего врага». Аббас оборвал его и счел его мнение ошибочным, хотя истина была на его стороне.

В пятницу утром он позвал меня к себе на самом рассвете. Придя к нему, я сказал: «О господин мой, если я буду у тебя от зари до ночи, когда же я приготовлюсь к путешествию?» Он ответил: «К нам прибыли гонцы из Дамаска, ты отошлешь их и пойдешь делать свои приготовления». Перед тем он пригласил к себе нескольких эмиров и заставил их поклясться, что они не предадут его и не устроят против него заговора. Он призвал также и предводителей племен Дарма, Зурейк, Джудам, Симбис, Тальха, Джафар и Лавата и заставил их дать клятву в том же на Коране и разводе².

Утром в пятницу я был у него, и мы ничего не подозревали, как вдруг эти люди, надев оружие, двинулись на нас. Во главе их были те самые эмиры, с которых он накануне брал клятву. Аббас велел оседлать вьючных животных. Их оседлали и поставили перед воротами дворца, так что между нами и египтянами появилась как бы плотина, и они не могли добраться до нас вследствие скопления впереди вьючных животных. К ним вышел его слуга Антар Большой, который предлагал ему вышеупомянутый план. Он был управителем над всей остальной прислугой и стал кричать на них и бранить, говоря: «Ступайте по домам и отпустите животных»³. И конюхи, погонщики мулов и верблюдов разошлись, а животные остались без присмотра, и их поклажа была разграблена.

---

² Приносящий эту клятву обязуется в случае ее нарушения развестись со своими женами.

³ Быть может, это приказание было местью Антара за неприятый совет.

Аббас сказал мне: «Отправляйся, приведи мне тюрок; они собрались у «Ворот победы»⁴, и писцы рассчитываются с ними». Когда я пришел и позвал их, они все сели на коней, а их было около восьмисот человек, и выехали из каирских ворот, уклоняясь от боя. Невольники, которых было больше, чем тюрок, также сели на коней и выехали через «Ворота победы». Я вернулся к Аббасу и рассказал ему об этом, а затем я занялся снаряжением своих жен, которых Аббас перевез к себе во дворец. Я вывез их вместе с гаремом Аббаса. Когда дорога освободилась и все животные были расхищены, египтяне бросились на нас и заставили нас отступить. Нас было мало, а у них было много народа. Когда мы вышли из «Ворот победы», они бросились к воротам и заперли их. Потом они вернулись к нашим домам и разграбили их. Они захватили из моих комнат сорок седельных мешков, в которых было много серебра, золота и платьев, увели из конюшни тридцать шесть коней и верховых мулов, оседланных и в полном снаряжении, и двадцать пять верблюдов. В моем поместье в Кум Ашфине⁵ они забрали двести штук коров, принадлежавших крестьянам, тысячу овец, а также хлебные запасы.

Когда мы отошли от «Ворот победы», собрались бедуйские племена, с которых Аббас брал клятву, и вступили с нами в бой, продолжавшийся от зари пятницы до четверга двадцатого числа первого раби⁶. Они сражались с нами весь день, а когда ночь окутывала землю и мы располагались на отдых, они оставляли нас в покое, пока мы не заснем, а потом подъезжали с сотней всадников и сгоняли своих лошадей к одному из наших флангов. Они подымали громкий крик, и тех наших всадников, которые со страха выезжали к ним, они захватывали в плен.

Однажды я отделился от товарищей. Я сидел на белой лошади, худшей из всех моих лошадей, которую

---

⁴ «Ворота победы» (Баб ан-наsr) находятся в северной части Каира.

⁵ Это поместье, пожалованное Усаме при поселении в Египте, лежало к северо-западу от Каира.

⁶ Иначе говоря, с 29 мая до 4 июня 1154 года.

в тот день оседлал стремянный, не зная, что происходит, и со мной не было никакого оружия, кроме меча. На меня напали бедуины, а у меня не было ничего, чем бы отразить их, и мой конь не мог меня спасти от них.

Копья их уже касались меня, и я сказал себе: «Спрыгну с лошади и вытащу меч, чтобы отбиться от них».

Я только что собирался прыгнуть, как мой конь споткнулся, и я упал на камни и твердую землю. С головы я сорвал кусок кожи и до того был ошеломлен, что перестал понимать, что со мной. Около меня остановилось несколько человек из нападавших. Я сидел с непокрытой головой, почти без сознания, а мой меч в ножнах был брошен тут же.

Один из бедуинов ударил меня два раза мечом и воскликнул: «Давай сполна!» Я даже не понял, что он сказал. Бедуины забрали моего коня и меч, но тут меня увидели турки и возвратились ко мне. Насир ад-Дин ибн Аббас прислал мне коня и меч, и я отправился обратно; у меня не было даже повязки, чтобы перевязать мои раны. Да будет слава тому, чье царство не имеет конца!

Мы двигались вперед, и ни у кого из нас не было ни горсточки провианта. Когда я хотел напиться воды, я сходил с коня и пил из горсти.

А накануне отъезда я сидел вечером на скамеечке в одной из прихожих моего дома, и мне привезли шестнадцать верблюжьих грузов воды, и один Аллах знает, да будет ему слава, сколько бурдюков и других сосудов!

Я не мог взять с собой своих жен и вернул их из Бильбиса обратно к аль-Малик ас-Салиху Абу-ль-Гарату Талаи ибн Руззiku, да помилует его Аллах⁷. Он очень хорошо принял их, поселил их во дворце и предоставил им все необходимое.

Когда бедуины, сражавшиеся с нами, пожелали уйти от нас обратно, они явились к нам, прося защиты, если мы возвратимся.

---

⁷ В это время Ибн Руззик стал уже полновластным везиром Египта при малолетнем халифе.

Мы двигались вперед вплоть до воскресенья двадцать третьего числа первого раби⁸.

Франки, собрав войско, напали на нас утром у аль-Мувейлиха⁹. Они убили Аббаса и его сына Хусам аль-Мулька и взяли в плен его другого сына, Насир ад-Дина. Они захватили его казну, гарем и убили тех, кого взяли в плен. Мой брат Наджм ад-Даула Абдаллах Мухаммед, да помилует его Аллах, был также захвачен франками в плен¹⁰. Они оставили нас после того, как мы оказались под защитой гор. Мы продолжали продвигаться по стране франков, и наше положение было тяжелее смерти. У нас не было ни пищи для людей, ни корма для животных.

Наконец мы достигли гор Вади-Муса¹¹, где жило племя Бену Фухейд, да проклянет их Аллах, и стали подниматься по узким и тяжелым дорогам, пока не добрались до ровной местности, где жили люди. А эти проклятые дьяволы убивали всех из нас, кого только они могли захватить поодиночке.

В этой области обыкновенно находился кто-нибудь из тайтских эмиров племени Бену Рабиа. «Кто здесь есть из эмиров Бену Рабиа?» — спросил я. Мне сказали: «Мансур ибн Гидафль». А это был один из моих друзей. Я дал одному человеку два динара и сказал ему: «Иди к Мансуру и скажи ему: «Твой друг Ибн Мункыз приветствует тебя и просит, чтобы ты пришел к нему завтра утром»».

Мы провели дурную ночь, опасаясь этих людей. Когда настало утро, они взяли свое оружие и стали у ручья, заявив: «Мы не дадим вам пить нашу воду, чтобы не погибнуть нам самим от жажды». А в этом ручье хватило бы воды для Рабиа и Мудара¹², и сколько еще было таких ручьев в их земле!

⁸ 7 июня 1154 года.

⁹ Оазис между Синайским полуостровом и каменной Аравией. Местоположение его точно не определено.

¹⁰ Впоследствии брат Усамы был обменен Нур ад-Дином на одного пленного франкского рыцаря-храмовника.

¹¹ Вади-Муса («Долина Моисея») в каменной Аравии, в области города Петры.

¹² *Рабиа и Мудар* — названия крупнейших арабских племен. В словах Усамы кроется ироническая гипербола.

У них была только одна цель: вызвать нас на ссору с ними и потом захватить в плен. Таково было наше положение, когда прибыл Мансур ибн Гидафль. Он закричал на них и стал их ругать, и они разбежались. «Садись на коня», — сказал он мне. Мы сели и стали спускаться по дороге, еще более узкой и тяжелой, чем та, по которой мы поднимались.

Мы спустились благополучно в котловину, хотя едва уцелели. Я собрал для эмира Мансура тысячу египетских динаров и отдал их ему. Он вернулся обратно, а мы продолжали путь, пока не доехали до города Дамаска с теми, кто спасся от франков и от Бену Фухейд, в пятницу пятого числа второго раби этого года ¹³.

Спасение от опасностей этого пути служит доказательством благого промысла Аллаха, да будет он возвеличен и прославлен, и его чудесного покровительства.

Во время этих событий произошел удивительный случай. Аз-Зафир прислал Ибн Аббасу маленькую, хорошенькую франкскую лошадку. Я в это время выехал в одну из своих деревень, а мой сын Абу-ль-Фаварис Мурхаф находился у Ибн Аббаса. Ибн Аббас сказал: «Мне бы хотелось иметь для этой лошадки красивое седло из Газы» ¹⁴. Мой сын отвечал ему: «Я уже нашел его, о господин мой, и оно выше похвал!» — «Где же оно?» — спросил Ибн Аббас. «В доме твоего слуги, моего отца, — сказал мой сын. — У него есть красивое газское седло». — «Пошли принести его!» — воскликнул Ибн Аббас. Мой сын послал ко мне в дом гонца, и тот взял седло. Оно понравилось Ибн Аббасу, и он оседлал им лошадку. Это седло прибыло со мной из Сирии на одном из вьючных животных. Оно было в высшей степени красиво, подбито и заткано чернью и весило сто тридцать мискалей ¹⁵. Когда я вернулся из имения, Насир ад-Дин сказал мне: «Мы тебя обидели и взяли у тебя из дома это седло». — «О господин, — сказал я, — как я счастлив служить тебе».

¹³ 16 июня 1154 года.

¹⁴ Город Газа в южной Палестине славится качеством изготовляемых там седел.

¹⁵ Мискаль—около 4,25 грамма.

Когда франки напали на нас у аль-Мувейлиха, со мной было пять невольников верхом на верблюдах: бедуйцы отняли у них лошадей. Когда появились франки, лошади остались без присмотра. Тогда мои слуги сошли с верблюдов, перехватили лошадей и, забрав нескольких, сели на них. На одной из захваченных ими лошадей было то самое золотое седло, которое взял себе Ибн Аббас.

Хусам аль-Мульк¹⁶, двоюродный брат Аббаса, и брат Аббаса ибн аль-Адила¹⁷, были в числе тех из нас, кто спасся. Хусам аль-Мульк слышал историю с этим седлом и сказал так, что я мог слышать его слова: «Все разграблено, что принадлежало этому несчастному (то есть Ибн Аббасу); часть захватили франки, а часть — его же товарищи». — «Может быть, ты имеешь в виду это золотое седло?» — спросил я. Он отвечал: «Да». Тогда я приказал принести его и сказал: «Читай, что на нем написано: имя Аббаса, его сына или мое? Да и кто в Мисре во времена аль-Хафиза мог ездить на золотом седле, кроме меня?» Мое имя было выписано чернью по краям седла, а в середине седло было подбито. Когда Хусам аль-Мульк прочел написанное на седле, он извинился и замолчал.

---

¹⁶ Тезка Хусам аль-Мулька, сына Аббаса, убитого в сражении.

¹⁷ Иначе говоря, Ибн ас-Салларя

КОНЕЦ ВЕЗИРА РУДВАНА

Не будь все, что произошло с Аббасом и его сыном, проявлением воли Аллаха и следствием непокорности, предательства и неблагодарности, он мог бы увидеть предостережение в том, что случилось до него с аль-Афдалем Рудваном ибн аль-Валахши, да помилует его Аллах¹. Он был везиром, и войско возмутилось против него по наущению аль-Хафиза², как позже восстало против Аббаса. Он выступил из Мисра, направляясь в Сирию, его дворец и гарем были разграблены. Какой-то человек, которого звали аль-Каид Мукбиль, увидел с неграми девушку, купил ее у них и отослал к себе домой. У этого человека была добрая жена. Она поместила девушку в комнате наверху дома и услышала, как та говорила: «Может быть, Аллах дарует нам власть над теми, кто предал нас и поступил с нами так неблагодарно».

Жена Мукбиля спросила ее: «Кто ты такая?» И она ответила: «Я—Катр ан-Нада, дочь Рудвана». Тогда жена аль-Каида Мукбиля послала за мужем, который был на месте службы у ворот дворца, и рассказала ему про

¹ Рудван (с полным титулом *ас-сейид аль-аджалль аль-мелик аль-афдаль* — «славнейший господин, достойный царь») был везиром при халифе аль-Хафизе в 1137—1139 годах.

² Произошло это 14 июня 1139 года.

девушку. Он написал аль-Хафизу письмо, извещая его об этом, и тот прислал дворцового слугу, который взял дочь Рудвана из дома Мукбиля и доставил ее во дворец. Тем временем Рудван прибыл в Сальхад³, где находился атабек Амин ад-Даула Тугтегин⁴, да помилует его Аллах. Он оказал Рудвану почет, вызвался ему служить и отвел помещение. А царь эмиров атабек Зенги ибн Ак-Сункар⁵, да помилует его Аллах, в это время осаждал Баальбек⁶. Он вступил в сношения с Рудваном и условился, что тот отправится к нему. А это был человек совершенный: великодушный, доблестный, образованный и знающий. Войско было к нему очень расположено за его щедрость. И сказал мне эмир Му'ин ад-Дин⁷, да будет доволен им Аллах: «Если этот человек присоединится к атабеку, нас постигнет из-за него много бед». — «Что же ты думаешь делать?» — спросил я. Му'ин ад-Дин отвечал: «Ты пойдешь к нему: может быть, тебе удастся отклонить его от намерения отправиться к атабеку, и он приедет в Дамаск. Ты увидишь, как тебе поступать, чтобы добиться этого».

Я отправился к Рудвану в Сальхад, где встретился с ним и его братом аль-Аухадом. Я беседовал с ними, и аль-Афдаль Рудван сказал мне: «Дело уже сделано: я дал слово этому султану, что приду к нему, и мне нужно сдержать свое слово». Тогда я сказал ему: «Да приведет тебя Аллах к добру! Я вернусь к своему господину, так как он не может без меня обойтись. Но сначала я выскажу тебе то, что у меня на душе». — «Говори», — сказал Рудван, и я продолжал: «Когда ты придешь к атабеку, столько ли у него войска, чтобы послать с тобой в Миср половину, а с другой половиной осаждать нас?» — «Нет», — сказал Рудван. «А если он

³ *Сальхад* — город в области Хауран, к юго-востоку от Дамаска.

⁴ Атабек Тугтегин, основатель династии Буридов в Дамаске, умер уже в 1128 году, так что в рассказ Усамы вкралась какая-то неточность. Возможно, что следует читать: Гумуштегин.

⁵ Упомянувшийся в начале воспоминаний Усамы атабек Мосула.

⁶ Город в долине между Ливаном и Антиливаном, известный развалинами храма Солнца.

⁷ Упомянувшийся вначале везир дамасских Буридов.

окружит и осадит Дамаск, — продолжал я, — и возьмет его через много времени, то будет ли он в состоянии идти с тобой в Миср, когда его войско ослабнет, деньги истощатся, а поход и так затянется, не запасшись предварительно новым снаряжением и не усилив войска?» — «Нет», — повторил Рудван. Я продолжал: «В это время он тебе скажет: «Пойдем в Алеппо возобновить походные запасы». А когда вы будете в Алеппо, он скажет: «Пойдем к Евфрату, наберем туркмен». Когда вы пойдете к Евфрату, он опять скажет: «Если мы не перейдем Евфрат, туркмены к нам не присоединятся». Когда вы перейдете Евфрат, он будет украшаться тобой и хвастаться перед султанами Востока и говорить: «Вот властитель Мисра у меня на службе». И тогда ты пожелаешь увидеть хоть один камешек из камней Сирии и не сможешь этого. Тогда ты вспомнишь мои слова и скажешь: «Он давал мне хороший совет, а я не послушался».

Рудван в раздумье опустил голову, не зная, что сказать. Потом он повернулся ко мне и спросил: «Что же мне делать? А ты еще хочешь возвращаться». Я сказал: «Если от моего пребывания здесь будет польза, я останусь». Он сказал: «Хорошо». И я остался.

Наша беседа с ним неоднократно возобновлялась. И наконец мы условились, что он придет в Дамаск и получит за это тридцать тысяч динаров, — половину деньгами, половину поместьями. Кроме того, ему отведут дом аль-Акики⁸, а его приближенным будет выдаваться жалованье из дивана⁹. Он написал условие своей рукой, а у него был прекрасный почерк, и сказал мне: «Если хочешь, я отправлюсь с тобой». — «Нет, — сказал я, — я возьму с собой отсюда голубя, а когда приеду и освобожу для тебя дом и устрою все дело, я выпущу к тебе голубя, а сам сейчас же выйду, чтобы встре-

---

⁸ *Ахмед аш-Шериф аль-Акики* — знатный и влиятельный дамаскинец (умер около 978 г.), современник хамданидского князя Сейф ад-Даула. Ему принадлежали дом и бани у западных ворот омейядской мечети. По его имени владение было известно еще в 50-х годах XIX века.

⁹ *Диван* — здесь «контора», «канцелярия».

тить тебя на полдороге, и буду ехать перед тобой». Он согласился на это, и я попрощался с ним и уехал.

Амин ад-Даула очень хотел, чтобы Рудван вернулся в Миср, ради того, что он обещал ему и возбудил в нем жадность. Он собрал для него, сколько мог, войска и отправил его уже после того, как я с ним расстался.

Но едва он вошел в пределы Мисра, турки, которые были с ним, изменили ему и разграбили его поклажу¹⁰. Он был вынужден искать защиты у одного бедуинского племени и послал гонцов к аль-Хафизу, прося у него пощады. Затем он возвратился в Каир, но сейчас же по прибытии аль-Хафиз приказал заключить его в тюрьму вместе с сыном¹¹. Около этого времени¹² мне случилось приехать в Миср. Рудван был заключен в одном доме около дворца; он пробуравил железным гвоздем стену в четырнадцать локтей толщиной и в ночь на четверг¹³ бежал из тюрьмы. У него был родственник среди эмиров, который знал о его предприятии. Он находился около дворца, поджидая его, и приготовил для него отряд из лаватидов. Они пошли к Нилу и переправились в Гизе¹⁴. Весь Каир был взволнован его бегством. На другое утро он был в своем дворце в Гизе, и народ стал собираться около него. Войско Мисра уже приготовилось сразиться с ним. В пятницу рано утром Рудван переправился в Каир, а войско Мисра во главе с Каймазом, «начальником ворот»¹⁵, облачилось в доспехи для битвы. Когда он подошел к ним, то легко обратил их в бегство и вступил в Каир.

Я подъехал со своими товарищами к воротам дворца, прежде чем Рудван вошел в город. Я нашел ворота запертыми, около них не было никого. Тогда я вернулся обратно и оставался в своем доме.

---

¹⁰ Произошло это в сентябре 1139 года.

¹¹ 29 ноября 1139 года.

¹² Согласно дате, приведенной выше (см. стр. 48),—30 ноября 1144 года:

¹³ 13 апреля 1148 года.

¹⁴ Поселение на западном берегу Нила, напротив старого Каира, около знаменитых пирамид.

¹⁵ «Начальник ворот» (*сахиб аль-баб*) — почетный титул, по степени равняющийся помощнику везира.

Рудван же расположился у мечети аль-Акмар¹⁶. Около него собрались эмиры, ему стали приносить припасы и деньги. Аль-Хафиз собрал в своем дворце несколько негров, которые напились допьяна. Тогда он велел открыть им ворота дворца, и они вышли, намереваясь схватить Рудвана. Когда поднялся крик, все эмиры, собравшиеся около Рудвана, сели на коней и разъехались. Он вышел из мечети и обнаружил, что стреманный забрал его коня и скрылся. Один из молодых стражников увидел, что Рудван стоит у дверей мечети, и сказал: «О господин мой, не сядешь ли на моего коня?» — «Хорошо», — сказал Рудван. Юноша подскакал к нему с мечом в руках, нагнулся, как бы собираясь сойти с коня, и ударил Рудвана мечом. Тот упал, а тем временем подоспели негры и убили его. Жители Мисра разделили между собой мясо Рудвана, чтобы поесть его и стать храбрецами¹⁷.

В этом было бы назидание и поучение, если бы не проявилась тут божественная воля.

Один из моих сирийских друзей получил в тот день много ран. Его брат пришел ко мне и сказал: «Мой брат при смерти: он ранен мечом и другим оружием туда-то и туда-то. Он без сознания и не приходит в себя». — «Вернись, пусти ему кровь», — сказал я. «Из него уже вышло двадцать ритлей¹⁸ крови!» — воскликнул брат раненого. «Вернись, пусти ему кровь, — повторил я. — Я опытнее тебя в ранах, и для него нет другого лекарства, кроме кровопускания». Он пошел и не показывался часа два, потом возвратился радостный и сказал мне: «Я пустил ему кровь, и он пришел в себя, сел, поел и попил; опасность для него миновала». — «Слава Аллаху, — сказал я. — Если бы я не испытал этого на самом себе несколько раз, я бы не стал тебе советовать».

---

¹⁶ Мечеть была построена предшественником аль-Хафиза — халифом аль-Амиром в 1125 году.

¹⁷ Этот обычай, сохранившийся у многих диких народов, был очень распространен в древней Аравии: считалось особенно полезным съесть печень или сердце убитого врага.

¹⁸ Ритль — мера веса, около 400 граммов.

ВЕРОЛОМСТВО КОРОЛЯ ФРАНКОВ

После этого я перешел на службу к аль-Малику аль-Адилю Нур ад-Дину, да помилует его Аллах. Он написал аль-Малику ас-Салиху¹, прося его отправить моих жен и детей, которые остались в Мисре. Аль-Малик ас-Салих хорошо обходился с ними, но он вернул гонца обратно с извинением, что боится за них из-за франков. Мне он написал: «Возвращайся в Миср. Ты ведь знаешь, какие у нас с тобой отношения. Если же ты не расположен к живущим во дворце, тогда отправляйся в Мекку. Я пришлю тебе прамоту, которой дам в управление город Ассуан², и дам тебе подмогу, чтобы ты был в состоянии воевать с абиссинцами. А Ассуан ведь один из пограничных мусульманских городов. Я пришлю к тебе туда твоих жен и детей».

Я посоветовался с аль-Маликом аль-Адилем и старался узнать его мнение. Он сказал мне: «О Усама, ты не верил себе, когда спасся из Мисра с его смутами, а теперь опять вернешься туда. Жизнь слишком коротка для этого! Я пошлю к королю франков взять пропуск для твоей семьи и отправлю кого-нибудь привезти их»

¹ Имеется в виду упоминавшийся уже египетский везир Ибн Руззик.

² Город *Ассуан*, известный теперь знаменитой нильской плотинной, расположен на южной границе Верхнего Египта.

И он, да помилует его Аллах, послал взять у короля³ пропуск, действительный на суше и на море.

Я послал пропуск со своим слугой вместе с письмом аль-Малика аль-Адила и моим к аль-Малику ас-Салиху. Аль-Малик ас-Салих отправил мою семью на собственной барке в Дамьетту⁴, снабдив их всем необходимым, деньгами и припасами, и дал свои распоряжения относительно их. От Дамьетты они отплыли на франкском судне. Когда они приблизились к Акке⁵, франкский король, да не помилует его Аллах, послал в маленькой лодке отряд своих людей, которые подрубили корабль топорами на глазах наших людей. Король, приехавший верхом, остановился на берегу и приказал разграбить все, что было на корабле. Мой слуга добрался к королю вплавь, захватив с собой пропуск, и сказал ему: «О король, господин мой, не твой ли это пропуск?» — «Верно, — ответил король, — но обычай мусульман таков: когда судно потерпит крушение у берегов их страны, жители этой страны грабят его». — «Что же, ты возьмешь нас в плен?» — спросил мой слуга, и король отвечал: — «Нет». Он, да проклянет его Аллах, поселил их всех в одном доме и велел обыскивать женщин, пока у них не отобрали все, что с ними было. На судне они захватили украшения, сложенные там женщинами, платья, драгоценные камни, мечи и оружие, золото и серебро, приблизительно на тридцать тысяч динаров. Король забрал все это и выдал им пятьсот динаров со словами: «С этим вы доберетесь до вашей страны». А их было, мужчин и женщин, около пятидесяти душ.

В то время я находился вместе с аль-Маликом аль-Адилем в земле царя Масуда⁶ в Рабана и Кайсуне⁷.

³ Имеется в виду король иерусалимский Балдуин III (1142—1162).

⁴ Дамьетта — египетский порт у восточного угла нильской дельты.

⁵ Сирийский порт к северу от Яффы, известный по средневековым хроникам под названием Сен-Жан д'Акр.

⁶ Масуд, из династии так называемых румских сельджуков, правил некоторыми областями Малой Азии (приблизительно до 1156 г.).

⁷ Две крепости Рабан и Кайсун лежали около Самосата, на границе между Киликией и Месопотамией.

Спасение моих детей, детей моего брата и наших жен облегчило мне пропажу погибшего имущества. Только гибель книг — а их ведь было четыре тысячи переплетенных великолепных сочинений — останется раной в моем сердце на всю жизнь. Такие бедствия потрясают горы и губят богатства, но Аллах, да будет ему слава, возмещает все в своей благодати и увенчивает все своей милостью и прощением. Эти большие несчастья, свидетелем которых мне пришлось быть, присоединились к бедствиям, которые я сам испытал, но в которых моя душа уцелела до исполнения жизненных пределов, хотя я разорился вследствие гибели моего имущества. В промежутках между этими бедствиями я принимал участие в войнах с неверными и мусульманами, которых мне не счесть. Я расскажу о тех удивительных событиях, которых был свидетелем или в которых участвовал во время этих войн, о том, что придет мне на память. Упрека в забывчивости не заслуживает тот, над кем прошло уже много лет. Она ведь наследие сынов Адама от их отца, да будет над ним благословение и мир ⁸.

---

⁸ Хронологический порядок, наблюдавшийся до некоторой степени в предшествующем изложении Усамы, в дальнейшем окончательно нарушается, и различные воспоминания группируются теперь по принципу простой ассоциации идей.

ЧЕСТЬ ГЕРОЯ

Мне довелось быть свидетелем того, как горды наши всадники и как они подвергают себя опасности. В то время¹ мы сошлись с Шихаб ад-Дином Махмудом ибн Караджей, властителем Хама². Наша война с ним была перемежающейся: войска стояли друг против друга, и только отдельные бойцы соперничали между собой. Ко мне подъехал один из наших прославленных конных воинов, по имени Джум'а, из племени Бену Нумеяр³. Он плакал. «Что с тобой, о Абу Махмуд? — спросил я. — Время ли теперь плакать?» Он отвечал: «Меня ударил копьем Серхенк ибн Абу Мансур». — «Что же из того, что Серхенк ударил тебя?» — спросил я. «Ничего, — сказал Джум'а, — кроме того, что мне нанес удар такой человек, как Серхенк. Клянусь Аллахом, для меня легче смерть, чем то, что он меня ударил, хотя он только воспользовался моей рассеянностью и напал на меня врасплох». Я принялся успокаивать его и умалять в его глазах важность дела, но он повернул голову своей лошади обратно. «Куда ты, о Абу Мах-

¹ Рассказ относится еще к эпохе пребывания Усамы в родном Шейзаре.

² Город на Оронте, к югу от Шейзара.

³ Джум'а часто фигурирует в военных воспоминаниях Усамы в дальнейшем.

муд?» — спросил я. «К Серхенку! — воскликнул он. — Клянусь Аллахом, я непременно ударю его копьём или сам умру прежде него».

Он не показывался некоторое время, а я отвлекся тем, кто был против меня. Затем Джум'а возвратился со смехом: «Что ты сделал?» — спросил я его. Он ответил: «Я ударил его и, клянусь Аллахом, я бы наверное сам погиб, если бы не нанес ему удара». Джум'а бросился на Серхенка среди его товарищей, ударил его копьём и вернулся.

Вот стихотворение, в словах которого можно видеть намек на Серхенка и Джум'у.

О создание Аллаха! ты не думаешь о мстителе,
жаждущем расплаты и лишенном сна от гнева.

Ты пробудил его, а сам заснул. Он же не спит от
ярости против тебя, да и какой сон у пылающего
местью?

Если дни дадут власть над тобой, то ведь может
когда-нибудь случиться, что и тебе отмерят полной
мерой.

Этот самый Серхенк был одним из наиболее прославленных предводителей курдских всадников, но только он был юноша, а Джум'а — зрелый муж. У него было благоразумие его возраста и преимущество в доблести.

Поступок Серхенка напоминает то, что сделал Малик аль-Харис Аштар⁴ с Абу Мусейка Ийядитом. А именно, когда во дни Абу Бекра «правдивого»⁵, да будет над ним милость Аллаха, арабы отпали от истинной веры и Аллах, да будет он превознесен, внушил Абу Бекру войну с ними, он снарядил войска против отпавших бедуинских племен. А Абу Мусейка Ийядит был вместе с Бену Ханифа. Это были истые львы среди прочих арабов по своей силе. Малик аль-Аштар был в войске Абу Бекра, да помилует его Аллах. Когда войска стали друг против друга, Малик выступил вперед между рядами и закричал: «Эй, Абу Мусейка!» Тот вышел к нему, и Малик сказал: «Горе тебе, о Абу Мусейка!

---

⁴ Известный полководец первых времен ислама, убитый около 660 года.

⁵ Первый халиф, преемник Мухаммеда (632—634).

После ислама и чтения Корана ты вернулся к неверию!» — «Отстань от меня, о Малик! — ответил ему Абу Мусейка. — Они запрещают вино, а я не могу утерпеть без него». — «Согласен ли ты на единоборство?» — спросил Малик. «Да», — сказал Мусейка. Они столкнулись копьями и сшиблись мечами. Абу Мусейка ударил Малика, рассек ему голову и выворотил веко. Вследствие этой-то раны его и стали называть аль-Аштар⁶. Он вернулся к своему лагерю, обхватив руками шею лошади. Около него с плачем собрались родственники и друзья. Малик сказал одному из них: «Вложи мне в рот твою руку». Тот положил палец ему в рот, и Малик укусил его так, что этот человек скорчился от боли. «Нет опасности для вашего товарища, — сказал Малик. — Ведь говорится: «Когда целы зубы, цела и голова». Наполните ее (он разумел рану) мелкой мукой и перевяжите тюрбаном». Когда ее наполнили и перевязали, Малик воскликнул: «Подайте сюда мою лошадь!» — «Куда ты?» — спросили его. «К Абу Мусейка», — ответил он. Он выступил между рядами и закричал: «Эй, Абу Мусейка!» Тот выехал к нему с быстротой стрелы, и Малик нанес ему рану в плечо, разрубив его до самого седла, и Абу Мусейка умер. Затем Малик вернулся в свой лагерь и провел сорок дней, не будучи в состоянии двигаться. Потом он выздоровел и оправился от этой раны.

---

⁶ *Аль-Аштар* значит буквально «имеющий вывернутые веки»

РЕДКИЕ РАНЫ

Я был свидетелем спасения одного раненого, хотя думали, что он уже погиб. Мы сражались с передовыми конными отрядами Шихаб ад-Дина Махмуда ибн Караджи¹. Он пришел в нашу землю и устраивал нам засады.

Когда мы стояли друг против друга, наша конница рассеялась по сторонам. Ко мне подъехал один из всадников нашего войска по имени Али ибн Селям нумейрит и сказал: «Наши товарищи разъехались; если враги нападут на них, они их погубят». — «Задержи моих братьев и родственников, пока я не верну наших товарищей», — ответил я.

«О эмиры! — закричал Али. — Дайте ему вернуть людей и не следуйте за ним: иначе враги нападут на них и опрокинут». Эмиры ответили: «Пусть едет». Я выехал, погоняя коня, с намерением вернуть наших всадников. Противники держались в отдалении, чтобы их завлечь и потом справиться с ними. Когда же они увидели, что я отослал своих, они бросились на нас, и их воины, бывшие в засаде, вышли. Я был на некотором расстоянии от товарищей и возвратился, чтобы отразить врагов и прикрывать тыл нашего отряда. Я увидел

---

¹ Упомянувшийся выше властитель Хама.

что мой двоюродный брат Лейс ад-Даула Яхья, да помилует его Аллах, обнажил меч позади моих товарищей на южной стороне дороги, тогда как я был на северной. Мы с ним подъехали к войску врагов. Мимо нас быстро проехал один из их всадников по имени Фарис ибн Зимам. Это был бедуинский герой, пользовавшийся большой славой. Он хотел сразиться с нашими товарищами. Мой двоюродный брат опередил меня и ударил его копьем. Фарис упал вместе с лошадыю, а копье треснуло так, что было слышно и мне и всем остальным.

Мой отец, да помилует его Аллах, послал к Шихаб ад-Дину гонца, которого тот задержал у себя, когда выступил войной против нас. Когда Фарис ибн Зимам был ранен и Шихаб ад-Дин не добился от нас того, чего хотел, он отправил гонца из своего лагеря обратно с ответом относительно того, ради чего тот прибыл, а сам вернулся в Хама.

«Что же, умер Фарис ибн Зимам?» — спросил я гонца. «Нет, клянусь Аллахом, — ответил тот, — он даже не ранен. Сам я видел, как Лейс ад-Даула ударил его и свалил вместе с лошадыю, — продолжал он, — и я слышал треск копья, когда оно сломалось. Когда Лейс ад-Даула занес над ним копье слева, Фарис отклонился в правую сторону, держа в руке копье. Его лошадь упала на это копье, оно попало в яму и сломалось. А Лейс ад-Даула зацепился за всадника своим копьем, и оно выпало у него из рук. То, что я слышал, был треск копья Фариса ибн Зимамма. Копье же Лейс ад-Даула принесли Шихаб ад-Дину в моем присутствии. Оно было цело, без единой трещины, а Фарис не был ранен». Я очень удивился его спасению. Этот удар был вроде ударов острого меча, о которых Антара² сказал:

Кони и всадники знают, что я рассеиваю ряды ударами острого меча.

Войска Шихаб ад-Дина вернулись вместе с теми, кто был в засаде, не добившись при помощи ее того, чего хотели. Предыдущий стих взят из стихотворения Антары ибн Шеддада, в котором он говорит:

---

² Антара ибн Шеддад из племени Абс — знаменитый донсламский поэт. Впоследствии герой популярной и до наших дней бедуинской эпопеи.

Я — герой, и половина моего существа принадлежит к совершеннейшему роду племен Абс, а другую половину я защищаю острым мечом³.

Когда отряды стоят неподвижно и украдкой наблюдают друг за другом, я оказываюсь лучше тех, кто хвалится своими дядями по отцу и по матери.

Поистине, если бы можно было с чем-нибудь сравнивать судьбу, так лишь с подобными мне, когда они сходят с коня в тесном месте.

Кони и всадники знают, что я рассеиваю их ряды ударами острого меча.

Они крикнули: «Спешивайтесь!» — и я спешился. Да и зачем же мне ездить верхом, если я не буду сходить с коня?

Нечто подобное случилось со мной под Апамеей⁴. Наджм ад-Дин Ильгази ибн Ортук⁵, да помилует его Аллах, разбил франков у аль-Балата⁶. Это произошло в пятницу пятого числа первой джумады пятьсот тринадцатого года⁷. Он совершенно уничтожил их, и Рожер, владыка Антиохии⁸, был убит вместе со всеми своими рыцарями. К Наджм ад-Дину отправился мой дядя Изз ад-Дин Абу-ль-Асакир-султан⁹, да помилует его Аллах. Мой отец, да помилует его Аллах, остался в крепости Шейзар. Дядя посоветовал ему отправить меня в Апамею с теми людьми, которые были со мной в Шейзаре. Я должен был собрать местных жителей и бедуинов для грабежа посевов Апамеи. Множество бедуинов присоединилось тогда к нам. Через несколько дней после отъезда моего дяди, глашатай кликнул клич, и я отправился в путь с небольшим отрядом, не достигавшим и двадцати всадников. Мы были уверены, что в

---

³ Намек на то, что мать Антары была не арабка, а негр-тянка.

⁴ Городок к северу от Шейзара, родины Усамы. В эту эпоху он был во власти крестоносцев.

⁵ Основатель династии Ортукидов в месопотамском Мардине, один из яростных борцов против крестоносцев (1108 — 1122).

⁶ Город на рубеже Малой Азии, между Марашем и Антиохией.

⁷ 14 августа 1119 года. По европейским источникам, сражение произошло 28 июня.

⁸ Рожер, племянник Танкреда Антиохийского, правил Антиохией за малолетством сына последнего, Боэмунда.

⁹ Правитель Шейзара, при дворе которого вырос Усама.

Апамее нет конницы, — со мной было очень много всяких грабителей и бедуинов. Когда мы достигли долины Абу-ль-Маймуна¹⁰ и грабители с бедуинами разъехались по полям, на нас выскочило множество франков, к которым в эту ночь прибыло шестьдесят всадников и шестьдесят пехотинцев. Они вытеснили нас из долины, и мы бежали перед ними, пока не догнали людей, грабивших поля. Франки подняли громкий крик, и смерть показалась мне ничтожной по сравнению с гибелью людей, бывших со мной. Я повернулся к одному франкскому рыцарю в первых рядах. Он сбросил с себя кольчугу и тяжелые доспехи, чтобы обогнать нас. Я ударил его копьем в грудь, и он вылетел из седла мертвым. Затем я двинулся на всадников, следовавших за ним, и они отступили. А я был неопытен в сражениях и не участвовал в боях до этого дня¹¹. Подо мной была лошадь, точно птица, и я хотел настигнуть франков с тыла, чтобы сразиться с ними, а после ускользнуть от них.

В последних рядах войска был рыцарь на караковой лошади, похожей на верблюда. Он был в кольчуге и военных доспехах. Я боялся, как бы он не обнажил меч, повернув против меня, пока не увидел, что он прищипорил своего коня, и тот взмахнул хвостом. Я понял, что конь устал, и, бросившись на рыцаря, ударил его копьем. Оно пронзило его тело и высунулось спереди почти на локоть. Я же вылетел из седла из-за легкости своего тела, силы удара и быстроты лошади. Я снова сел на коня и вытащил копье, думая, что убил своего противника. Потом я собрал своих товарищей, которые все были невредимы.

Со мной был маленький невольник, ведущий на поводу мою караковую лошадь. Под ним был хорошенький верховой мул, седло которого было обито серебряной бахромой. Он слез с мула, расседлал его и сел на

---

¹⁰ *Абу-ль-Маймун* — искажение имени Бозмунда. Долина получила свое название, вероятно, от Бозмунда I, участника первого крестового похода, князя антиохийского.

¹¹ Усама, вероятно, разумест, что он впервые руководил самостоятельной операцией, так как из его воспоминаний видно, что в боях он участвовал уже в 1110 году.

мою кобылу, которая полетела с ним в Шейзар. Когда я вернулся, к товарищам, которые тем временем поймали мула, я спросил о слуге. Мне сказали: «Он уехал». Я понял, что он придет в Шейзар и встревожит сердце моего отца, да помилует его Аллах. Я позвал одного из воинов и сказал ему: «Поезжай скорее в Шейзар и дай знать отцу, что случилось».

Когда мой слуга прибыл в Шейзар, отец призвал его к себе и спросил: «Что вы испытали?» — «О господин мой, — отвечал слуга, — на нас напали франки, человек с тысячу, и я не думаю, чтобы кто-нибудь спасся, кроме моего господина». — «Как же спасся твой господин, а другие не спаслись?» — воскликнул отец. Слуга сказал: «Я видел, как он надел доспехи и сел на свою светло-серую кобылу». Когда он рассказывал, прибыл посланный мною всадник и рассказал отцу, как было дело в действительности. Я приехал после него, и отец, да помилует его Аллах, расспросил меня. «О господин мой! — сказал я. — Это было первое сражение, в котором я участвовал, и когда я увидел, что франки напали на моих людей, смерть показалась мне ничтожной, и я вернулся к франкам, чтобы защитить этих людей или расстаться с жизнью». Тогда мой отец, да помилует его Аллах, сказал словами поэта:

Трус бежит, бросив даже свою собственную
голову, а храбрец защищает даже тех, кто не принадле-
жит к его близким.

Мой дядя, да помилует его Аллах, вернулся через некоторое время от Наджм ад-Дина Ильгази, да помилует его Аллах. Ко мне пришел от него гонец с приглашением явиться в обычное время. Я пришел к нему, и вдруг оказалось, что у него находился какой-то франк. Дядя сказал: «Этот рыцарь приехал из Апамен и хочет посмотреть на всадника, который ударил копьем рыцаря Филиппа. Франки очень удивляются этому удару, так как он в двух местах разорвал края кольчуги, а рыцарь все-таки остался жив». — «Как же он спасся?» — спросил я. Франкский рыцарь ответил: «Удар пришелся в кожу его бедра». — «Да, судьба надежная крепость!» — воскликнул я. Я не думал, что он уцелеет от такого удара. Я считаю, что всякий, кому случится

биться копьями, должен прижимать руку с копьём и локоть к своему боку, предоставив коню делать то, что он захочет, во время удара. Ведь если он пошевелит рукой с копьём или вытянет ее, удар не оставит следа и даже царапины.

Мне пришлось видеть одного нашего всадника, которого звали Бади ибн Талиль аль-Кушейри. Это был один из наших героев. Мы сошлись с франками, и он снял с себя все, что на нем было, кроме легкого платья. Один франкский рыцарь ударил его копьём в прудь и разорвал перепонку, которая находится в груди; копьё вышло из его бока, Бади возвратился, и мы думали, что он не доберется до своего места живым. Но Аллах, да будет ему слава, предопределил его спасение. Его рана зажила, но в течение целого года он не мог сесть после того, как лежал на спине, если его кто-нибудь не посадит, взяв за плечи. Потом все то, на что он жаловался, прошло, к нему вернулась прежняя свобода движений, и он стал ездить верхом, как и раньше.

Слава тому, чья воля проявляется на его тварях, кто дает жизнь и посылает смерть, а сам живет и не умирает, тому, в чьей деснице благо, и кто властен над всякой вещью!

Среди нас был один ремесленник по имени Аттаб, самый полнотелый и высокий из людей. Раз он вернулся к себе домой и оперся рукой на платье, лежавшее перед ним, намереваясь сесть. В материи была иголка, которая вошла в ладонь, и он умер от этого. Клянусь Аллахом, он стонал в городе, а его стоны были слышны в крепости вследствие его громадности и громкого голоса. Он умирал от иголки, а тот, Кушейри, оправился, хотя копьё вошло ему в грудь и вышло из бока: с ним ничего не случилось.

ЛОВКИЕ КОНОКРАДЫ

Владыка Антиохии, да проклянет его Аллах, ополчился на нас в каком-то году со своими всадниками, пехотой и палатками¹.

Мы сели на коней и встретили их, полагая, что они станут с нами сражаться. Они пришли, расположились в местности, где обыкновенно устраивали свой лагерь, и засели в палатках.

Мы вернулись обратно к концу дня, а потом опять выехали, считая, что теперь они сразятся с нами, но они не выходили из своего лагеря.

У моего двоюродного брата Лейс ад-Даула Яхьи был собран обильный урожай, сложенный поблизости от франков. Он взял своих вьючных животных, желая поехать к месту, где был сложен урожай, чтобы перевезти его. Мы поехали с ним с отрядом в двадцать вооруженных всадников и стояли между ним и франками, пока он сложил весь урожай и уехал.

Я отъехал в сторону вместе с одним из наших вольноотпущенников по имени Хусам ад-Даула Мусафир, да помилует его Аллах. Мы направились к одному вино-

---

¹ Если рассказ относится к той же эпохе, что и предшествующие, то речь идет, вероятно, о Балдуине II, впоследствии короле иерусалимском, предпринявшем из Антиохии весной 1122 года поход против Шейзара.

пруднику, где увидели каких-то людей на берегу реки. Когда мы подъехали на заходе солнца к замеченным нами фигурам, оказалось, что это старик в женской ермолке и с ним другой. Хусам ад-Даула, да помилует его Аллах, отличный человек и большой шутник, сказал первому старику: «Что ты здесь делаешь, о шейх?» — «Ожидаю темноты, — ответил он, — и прошу великого Аллаха послать мне лошадей этих неверных». — «О шейх, — сказал Хусам, — не зубами ли ты обрежешь привязи их коней?» — «Нет, вот этим ножом», — ответил старик. Он вытащил из-за пояса нож на перевязи, сверкающий, как искра огня, а старик сам был даже без шаровар. Мы оставили его и уехали. Утром, на заре, я выехал, выжидая, что будет с франками, и вдруг увидел этого старика. Он сидел на камне на моей дороге, и на его бедре и ноге была запекшаяся кровь. «Здравствуй, шейх, — сказал я ему. — Что ты сделал?» Старик сказал: «Я захватил у них коня, щит и копье, но меня настиг их пехотинец, когда я уже удалился от войска, и вонзил мне копье в бедро, но я убежал от него с лошадыю, щитом и копьем». Он так презрительно говорил о своей ране, будто она была у кого-то другого.

Этот человек, которого звали Замарра-каль, был один из дьяволов-разбойников. Эмир Му'ин ад-Дин ², да помилует его Аллах, рассказывал мне про него следующее. «Как-то давно, находясь в Хомсе ³, я сделал набег на Шейзар. Под конец дня я вернулся и расположился в одной деревушке в области Хама. А я тогда враждовал с правителем этого города. Ко мне пришло несколько человек, с которыми был какой-то старик. Они заподозрили его, схватили и привели ко мне. Я спросил его: «Кто ты такой, о шейх?» — «О господин мой, — ответил он. — Я нищий больной старик». Он показал свою руку, которая была расслаблена. «Воины взяли у меня двух коз, — продолжал он, — я шел за ними, надеясь, что они окажут мне милость и отдадут коз». Я

---

² Везир дамаских Буридов, покровитель Усамы, который о нем много говорил, рассказывая о первом своем пребывании в Дамаске.

³ Хомс (греч. Эмесса) — город на Оронте, к югу от Хама.

сказал солдатам: «Постерегите его до утра». Они посадили его между собой, а сами сели на рукава его шубы. Но ночью он воспользовался их рассеянностью, вышел из шубы, оставив ее под ними, и умчался. Наутро солдаты бросились по следам, но он опередил их и убежал».

Му'ин ад-Дин продолжал: «Я послал нескольких товарищей по какому-то делу. Когда они вернулись, с ними был один солдат по имени Сауман, который жил в Шейзаре. Я рассказал ему случай со стариком. «Какая досада! — воскликнул Сауман. — Если бы я его настиг, я бы напился его крови. Это Замарра-каль». — «А что у тебя с ним было?» — спросил я. Сауман ответил: «Франки обложили однажды Шейзар. Я вышел побродить вокруг них, чтобы попытаться украсть у них лошадь. Когда мрак сгустился, я пошел к стойлу лошадей, бывшему передо мной. Вдруг вижу, сидит этот старик. «Куда ты?» — спросил он. «Возьму коня из этого стойла», — ответил я. «Что же, я для того с вечера смотрю за ними, чтобы ты взял коня?» — воскликнул он. «Не болтай», — сказал я. Но старик вскричал: «Ты не пройдешь! Клянусь Аллахом, я не дам тебе ничего взять».

Я не обратил внимания на его слова и направился к стойлу. Тогда старик вскочил на ноги, закричал во весь голос и пошел за мной. Я ему как следует ответил, но он вопил до тех пор, пока на меня не выскочили франки. Сам он умчался, а меня франки гнали перед собой, пока я не бросился в реку. Я уже думал, что не спасусь от них. Если бы я его догнал, я бы выпил его кровь. Это великий грабитель, и он шел за войском только для того, чтобы украсть что-нибудь». Сауман говорил: «Кто увидит этого старика, подумает, что он не украдет из его дома и хлебной лепешки!»

Что же касается до удивительных краж, то у меня служил человек по имени Али ибн Дудавейх из какой-то деревни. Однажды франки, да проклянет их Аллах, осадили Кафартаб⁴. Этот город принадлежал в то время Салах ад-Дину Мухаммеду ибн Айюбу аль-Ягысья-

⁴ *Кафартаб* — крепость к северу от Шейзара, часто переходившая из рук в руки.

ни ⁵, да помилует его Аллах. И вот этот Али ибн Дудавейх вышел побродить вечером вокруг лагеря франков. Он забрал у них коня, сел на него и вскачь выехал на нем из лагеря. Вдруг он услышал за собой шум. Предполагив, что кто-нибудь погнался за ним верхом, он поскакал еще быстрее, но шум сзади него не прекращался. Он проскакал целых два фарсаха ⁶, а шум все слышался позади. Тогда он обернулся посмотреть, что такое сзади него во мраке. Оказалось, что это мул, привыкший к его лошади, оборвал свою узду и последовал за нею. Али остановился, обвязал своим поясным платком голову мула и захватил его. Наутро он был у меня в Хама с конем и мулом. А этот конь оказался одним из самых породистых, красивых и быстроногих.

Однажды я был у атабека ⁷, который осаждал Рафанийю ⁸. Он позвал меня и сказал: «О Усама, что это у тебя за лошадь, которую ты спрятал?» До него уже дошли слухи об этой лошади. «Нет, клянусь Аллахом, господин мой! — ответил я. — У меня нет никакой спрятанной лошади. Все мои лошади в войске». — «А франкская лошадь?» — спросил он. «Она здесь», — ответил я. «Пошли привести ее», — приказал атабек. Я послал привести ее и сказал слуге: «Пойди с ней в конюшню». — «Оставь ее пока у себя», — сказал атабек. На следующее утро он участвовал на ней в гонках и опередил всех. Потом он вернул лошадь в мою конюшню и вновь требовал ее из города, гонялся на ней и опережал. Потом я перевел ее к нему в конюшню.

---

⁵ Наместник атабека Зенги в Хама с 1135 года. Приблизительно к этому времени и относится описываемое событие.

⁶ *Фарсах* — три арабские мили (около 5,5 километра).

⁷ Имад ад-Дин Зенги, атабек Мосула.

⁸ *Рафанийя*, лежавшая к западу от Хомса и Хама, в эту эпоху принадлежала графству Триполи. Осада ее атабеком Зенги происходила, по другим источникам, в 1137 году.

СМЕРТЬ ГЕРОЯ

Я участвовал в боях, возникших по истечении перемирия¹. У нас был один воин по имени Рафи аль-Кияли, знаменитый всадник. Мы сражались тогда с сыновьями Караджи². Они собрали и снарядили против нас туркмен и других воинов. Мы дали им развернуться на расстоянии от города, но их оказалось очень много против нас, и мы повернули назад, причем одна часть войска прикрывала другую. Этот Рафи был среди тех, кто защищал тыл. Он был одет в кольчугу, и на голове его был шлем без забрала. Он обернулся, ища случая напасть на противников, и вдруг острая стрела вонзилась ему в глотку и разорвала ее. Рафи упал на месте мертвый.

---

¹ Речь идет о войне с правителем Хама Шихаб ад-Дином, упоминавшимся раньше.

² Правителем Хама и его братом, правителем Хомса.

КОНЕЦ ПРАВИТЕЛЯ ГОРОДА ХАМА

Я видал при таких же обстоятельствах Шихаб ад-Дина Махмуда ибн Караджу. То, что было у нас с ним, уже уладилось, и он прислал передать моему дяде¹: «Прикажи Усаме поскорее выехать мне навстречу с одним всадником, чтобы мы могли отправиться и высмотреть место для засады против Апаimei² и дать бой ее войскам».

Дядя велел мне это сделать. Я поехал встретить Ибн Караджу, и мы высмотрели удобное место. Затем наше войско соединилось с его войском. Я находился во главе отряда из Шейзара, а он предводительствовал своими войсками. Мы двинулись к Апамее и встретили франкскую конницу и пехоту в развалинах этого города. Лошади не могли там свободно двигаться из-за камней, колонн и фундамента разрушенных стен. Нам не удалось их выбить оттуда, и один воин сказал мне: «Тебе хотелось бы разбить их?» — «О да!» — воскликнул я. «Поезжай тогда с нами к воротам крепости». — «Отправляйтесь», — сказал я, и тут говоривший раскаялся в своих словах. Он понял, что франки нас затопчут и раньше нас будут у крепости. Он хотел откло-

---

¹ Дядя Усамы Изз ад-Дин-султан, правитель Шейзара.

² Упомянутый выше город к северу от Шейзара.

нить меня от этого, но я не соглашался и двинулся к воротам.

Как только франки увидали, что мы направляемся к воротам, их конница и пехота повернулись к нам. Они затоптали нас и опередили. Всадники сошли с коней перед воротами крепости и ввели их в самую крепость. Франки выставили концы своих копий в воротах. Я был вместе с одним моим товарищем из вольноотпущенников отца, да помилует его Аллах, которого звали Рафи ибн Сутекин. Мы стояли у подножия стены, напротив ворот. В нас бросали много камней и деревянных стрел. Шихаб ад-Дин со своей свитой стоял в отдалении, так как боялся курдов³.

Лошадь одного из наших товарищей, которого звали Хариса нумейрит, — а это был родственник упоминавшегося выше Джум'ы — случайно получила рану копьем в грудь. Копье с силой вонзилось в тело лошади, лошадь забилась, и копье выскочило. Вся кожа с груди лошади была сорвана и повисла на передних ногах.

Шихаб ад-Дин держался в стороне от боя. В него попала стрела, пущенная из крепости, и вонзилась около кости запястья, но не вошла в кость даже на ячменное зернышко. Ко мне пришел от него гонец и передал: «Не уходи со своего места и собери людей, разъехавшихся по области. Я ранен и ощущаю рану, как будто в сердце. Я еду обратно, а ты береги людей».

Он уехал, а я вернулся со своими людьми и сделал привал у башни Хурейба. Франки поставили на ней дозорного, чтобы обнаружить нас, когда мы захотим сделать набег на Апамею. Вечером я прибыл в Шейзар. Шихаб ад-Дин был в доме моего отца и хотел развязать свою рану и лечить ее. Мой дядя удержал его и сказал: «Ради Аллаха, не развязывай раны нигде, кроме своего дома». — «Я в доме своего отца», — сказал Шихаб ад-Дин, разумея моего отца, да помилует его Аллах. «Когда ты приедешь к себе домой, — сказал

---

³ Курды в эту эпоху разбойничали на военных дорогах Сирии и Месопотамии.

дядя, — и твоя рана заживет, дом твоего отца будет к твоим услугам».

Шихаб ад-Дин выехал при заходе солнца и отправился в Хама. Он остался там на другой и на следующий день, а потом его рука почернела, он лишился сознания и умер. И случилось это с ним только вследствие окончания жизненного срока.

ЗНАМЕНИТЫЕ УДАРЫ КОПЬЕМ

Из замечательных ударов копьем мне пришлось видеть один, который нанес как-то рыцарь из франков, да покинет их Аллах, нашему всаднику по имени Сайя ибн Кунейб киябит. У него было рассечено три ребра с левой стороны и три ребра с правой стороны. Острие копья ударило ему в локоть и отделило его, как отделяет суставы мясник. Он тотчас же умер.

Один из наших воинов, курд по имени Майях, ударил копьем франкского рыцаря. Кусок кольчуги вонзился ему в живот, и он был убит. Через некоторое время франки произвели на нас набег. Майях тем временем женился и вышел в бой в доспехах, поверх которых было красное платье (часть свадебного наряда), делавшее его очень заметным. Один франкский рыцарь ударил его копьем и убил, да помилует его Аллах. «О, как близка была его тризна к свадьбе!»

Это напомнило мне рассказ о пророке, да благословит его Аллах и да приветствует. При нем произнесли слова Кайса ибн аль-Хатима¹:

Я сражаюсь с ними в день ярости без кольчуги,
и рука моя с мечом — точно жгут игрока.

---

¹ *Кайс ибн аль-Хатим* — поэт родом из Медины, умерший незадолго до переселения туда Мухаммеда (в 622 г.).

Пророк, да благословит его Аллах, спросил присутствовавших ансаров ², да будет доволен ими Аллах: «Был ли кто-нибудь из вас в сражении в день роши?»³. Один из ансаров ответил: «Я участвовал, о посланник Аллаха, да благословит тебя Аллах и да приветствует. Кайс ибн аль-Хатим был тут же, хотя он недавно женился. На нем был красный плащ, и клянусь тем, кто послал тебя с истиной, он так действовал в сражении, как сам сказал о себе». Вот еще один удивительный удар копьем. Один курд по имени Хамадат, наш давнишний друг, ехал с моим отцом, да помилует его Аллах, в Исфахан ко двору султана Мелик-шаха ⁴. Хамадат был уже стар, и его зрение ослабло. Сыновья у него были взрослые. Мой дядя Изз ад-Дин, да помилует его Аллах, сказал ему: «Ты уже состарился, о Хамадат, и ослаб. На нас по отношению к тебе лежит долг и обязанность. Что, если бы ты оставался в твоей мечети? (А у него была мечеть у дверей его дома.) Мы назначили бы твоих сыновей в совет, а ты бы получал каждый месяц два динара и куль муки, сидя в своей мечети». — «Сделай так, о эмир!» — сказал Хамадат. Все это выплачивалось ему в течение короткого времени, а потом он пришел к моему дяде и сказал: «О эмир, клянусь Аллахом, не желает душа моя сидеть дома, и мне приятней быть убитым на лошади, чем умереть в постели». — «Дело твое», — ответил ему дядя и приказал вернуть ему прежнюю должность.

Прошло немного дней, и на нас сделал набег ас-Сардани, властитель Триполи ⁵. Наши люди пошли против франков, и Хамадат был в числе тех, кто наводил страх. Он остановился на пригорке, обратившись лицом к кыбле ⁶. Тут на него напал с западной стороны один

---

² Ансары — сподвижники Мухаммеда из мединцев.

³ Роша (*аль-Хадика*) находилась около Медины, на пути в Мекку. Там произошло сражение между двумя мединскими племенами, в котором участвовал Кайс.

⁴ *Мелик-шах* — сельджукский султан (1072—1092). Путешествие относится к 1085 году.

⁵ Имеется в виду Вильгельм, граф серданьский, племянник Раймунда. Событие относится к 1108 году.

⁶ *Кыбла* — направление в сторону Мекки, обязательное для мусульман при молитве.

франкский рыцарь. Товарищи закричали Хамадату: «Эй, Хамадате!» Он обернулся, увидел всадника, направлявшегося к нему, повернул голову своей лошади влево, схватил рукой копьё и направил его в грудь франка. Он ударил его и пронзил, так что копьё прошло насквозь. Франк вернулся при последнем издыхании, повиснув на шее своей лошади. Когда бой кончился, Хамадат сказал моему дяде: «О эмир, если бы Хамадат был в своей мечети, кто бы нанес такой удар?»

Это напоминает мне слова аль-Финда аз-Зиммани ⁷:

О, что за прекрасный удар престарелого, дряхлого,
изможденного старца!

Я помолодел от него, тогда как подобные мне
питают отвращение к оружию.

А этот аль-Финд состарился, но участвовал в сражении. Он ударил копьём двух всадников, стоявших рядом, и сбросил их обоих вместе.

Нечто подобное произошло уже с нами раньше. Один феллах из верхней деревни прискакал к моему отцу и дяде, да помилует их обоих Аллах, и сказал: «Я видел отряд заблудившихся франков, которые пришли из равнины. Если бы вы вышли им навстречу, вы бы их захватили». Мой отец и оба дяди сели на коней и выехали с войском навстречу сбившемуся с дороги отряду. Вдруг появился ас-Сардани во главе трехсот всадников и двухсот туркополей (а это франкские лучники). Увидев наших товарищей, франки сели на коней и ринулись на них. Они обратили их в бегство и продолжали преследовать. Один из рабов моего отца по имени Якут Длинный упорно сражался с франками, и дядя с отцом, да помилует их обоих Аллах, осмотрели на него. Он ударил одного из рыцарей, рядом с которым был другой, и оба они преследовали наших товарищей. Якут свалил и всадников и лошадей.

Этот слуга был большой путаник и проказник и постоянно совершал проступки, достойные наказания. Но каждый раз, когда мой отец собирался наказать его, дядя говорил: «Брат! Заклинаю тебя жизнью, отпусти

---

⁷ Аль-Финд аз-Зиммани — доисламский поэт-герой.

ради меня его вину и не забывай о том ударе». И отец прощал его из-за слов своего брата.

Хамадат, о котором я упоминал раньше, был очень остроумен в разговоре. Мой отец, да помилует его Аллах, рассказал мне следующее.

«Однажды я спросил Хамадата⁸, когда мы ехали рано утром по дороге в Исфахан: «Ел ты что-нибудь сегодня, эмир Хамадат?» — «Да, эмир, — отвечал он, — я ел сариду⁹». — «Мы выехали вечером, не останавливались и не разводили огня, — сказал я, — откуда же у тебя сарида?» Хамадат ответил мне: «О эмир, я сделал ее во рту. Я жевал хлеб и запивал его водой, так что получилось нечто вроде сариды».

---

⁸ Вероятно, во время упоминавшегося путешествия к сельджукскому султану Мелик-шаху в 1085 году.

⁹ *Сарида* — суп с крошеным в него хлебом.

ОТЕЦ УСАМЫ

Мой отец, да помилует его Аллах, участвовал во многих войнах. На его теле были ужасные раны, но он все-таки умер на своей постели. Однажды он участвовал в сражении, надев доспехи; на голове у него был мусульманский шлем с забралом. Какой-то воин ударил его концом дротика (франки чаще всего сражались так с арабами в то время). Конец дротика попал в забрало шлема, оно согнулось и окровавило нос. Удар не причинил отцу вреда, но если бы Аллах, да будет ему слава, предопределил дротику отклониться от забрала, он бы его погубил.

Другой раз его ударила в ногу деревянная стрела и попала в сапог. А за сапогом у него был засунут кинжал. Стрела сломалась, ударившись о кинжал, и поранила моего отца. Это случилось благодаря благому попечению великого Аллаха.

Мой отец, да помилует его Аллах, участвовал в сражении с Сейф ад-Даула Халафом ибн Мула'ибом аль-Ашбахи, владыкой Апамеи¹. Оно произошло в воскресенье, двадцать девятого шавваля четырехста девяносто

---

¹ Апамея была дана Халафу в лен сельджукским султаном Мелик-шахом и оставалась за ним с перерывами до его смерти в 1106 году.

седьмого года ² в области Кафартаба ³. Отец надел панцирь, но слуга забыл второпях застегнуть боковые застежки. В отца попала пика и ударила его в то самое место над левым прудным соском, которое слуга забыл прикрыть. Пика вышла из его тела над правым соском. Причина его спасения в том, что божественная воля допустила совершиться удивительному, так же как и рана его случилась оттого, что Аллах, да будет ему слава, предопределил нечто удивительное.

В этот же день мой отец, да помилует его Аллах, ударил копьём одного рыцаря. Он потянул в сторону лошадь и, согнув руку с копьём, вытянул его из тела раненого. «Я почувствовал, — рассказывал он мне, — как что-то укололо меня в кисть. Я думал, что это происходит от раскаленных пластинок моего панциря, но копьё выпало у меня из руки. Я поднял его, и оказалось, что я ранен в руку и она расслаблена, так как некоторые сухожилия рассечены».

Я был при нем, да помилует его Аллах, когда Зейд, хирург, лечил его рану, а над его головой стоял слуга. Мой отец сказал: «О Зейд, вытащи этот камешек из раны». Хирург ничего ему не ответил, и отец повторил: «О Зейд, разве ты не видишь этого камешка, что не вынимаешь его из раны?» Когда это надоело Зейду, он сказал: «Где же камешек? Это кончик сухожилия, которое разорвано». А сухожилие было действительно бело и похоже на камешек из камней Евфрата.

В этот день отец получил еще одну рану, но Аллах хранил его, пока он не умер на своей постели в понедельник восьмого рамадана пятьсот тридцать первого года ⁴, да помилует его Аллах.

Он писал красивым почерком, и рана в руку не изменила его. Он ничего не переписывал, кроме Корана. Однажды я спросил его: «О господин мой, сколько ты списал списков?» — «Придет время, узнаете», — ответил он. Когда перед ним предстала смерть, он сказал: «В этом сундуке лежат списки, и для каждого из них я написал разные заключения. Положите их, эти списки,

² 25 июля 1104 года.

³ Часто упоминаемая Усамой крепость к северу от Шейзара.

⁴ 30 мая 1137 года. Родился отец Усамы в 1068 году.

мне под голову в могилу». Мы их сосчитали, и оказалось сорок три списка.

Отец написал столько же заключений, сколько было списков. Одно из них, очень объемистое, он разукрасил золотом. В нем излагались коранические науки: разночтения, редкие слова, арабские обороты, отменяющие и отмененные стихи⁵, толкования, причины ниспослания Корана и его законы. Все это было написано чернилами, голубой и красной краской. Это заключение было озаглавлено: «Большой комментарий». Отец написал золотом еще другое заключение, без толкования. Остальные заключения были написаны простыми чернилами, но десятые и пятые части Корана, начала стихов, сур и всех тридцати двух частей отмечались золотом.

Упоминание об этих подробностях в моей книге не вызывалось необходимостью, и я вспомнил про них только для того, чтобы тот, кто будет ее читать, призвал на моего отца милость Аллаха.

Возвращаясь к предшествующему рассказу. В этот же день слуга моего дяди Изз ад-Даула Абу-ль-Мурхафа Насра⁶, да помилует его Аллах, по имени Муваффах ад-Даула Шим'ун, получил опасную рану; он принял ее на себя, защищая другого моего дядю, Изз ад-Дина Абу-ль-Асакир-султана, да помилует его Аллах. Случилось, что мой дядя впоследствии послал его гонцом в Алеппо к правителю Рудвану, сыну Тадж ад-Даула Тутуша⁷. Когда Шим'ун предстал перед ним, Рудван сказал своим слугам: «Пусть бы таковы были слуги и все честные люди по отношению к своим господам». Затем он обратился к Шим'уну: «Расскажи им о том, что произошло с тобой в дни моего отца и что ты сделал с твоим господином». — «О господин наш! —

⁵ По учению мусульманских богословов, некоторые разногласия в Коране объясняются тем, что отдельные предписания и постановления с течением времени отменялись или изменялись. Окончательным считается последнее по времени, и те стихи Корана, в которых оно заключено, отменяют более ранние.

⁶ Предшественник и старший брат Изз ад-Дин-султана, правителя Шейзара, умерший в 1098 году.

⁷ Рудван ибн Тутуш, племянник «великого сельджука» Мелик-шаха, правил в Алеппо с 1095 по 1113 год, после своего отца.

сказал Шим'ун. — Я участвовал вчера в бою вместе со своим господином. На него бросился один всадник, намереваясь ударить его копьем. Я встал тогда между ними, чтобы выкупить моего господина своей душой. Рыцарь ударил меня копьем и сломал у меня два ребра. Клянусь твоей милостью, они у меня в корзине». — «Клянусь Аллахом, — воскликнул правитель Рудван, — я не отпущу тебя, пока ты не пошлешь принести эту корзину с ребрами!» Шим'ун остался у него и послал принести корзину, в которой действительно лежали две кости из его ребер. Рудван очень удивился этому и сказал своим приближенным: «Поступайте так же, служа мне».

А происшествие, случившееся во дни отца Рудвана Тадж ад-Даула, о котором Рудван спрашивал Шим'уна, было такого рода.

Мой дед Садид аль-Мульк Абу-ль-Хасан Али ибн Мукаллад ибн Наср ибн Мункыз⁸, да помилует его Аллах, послал своего сына Изз ад-Даула Насра, да помилует его Аллах, на службу к Тадж ад-Даула, который расположился лагерем в окрестностях Алеппо⁹. Однако Тадж ад-Даула схватил моего дядю, заточил и поставил людей сторожить его¹⁰. К нему никто не входил, кроме его слуги, этого самого Шим'уна, а сторожа оставались вокруг палатки. Мой дядя написал своему отцу, да помилует их обоих Аллах, чтобы он прислал ему в такую-то ночь (он точно указал ее) нескольких его товарищей, которых назвал по именам, и лошадей, которых надо было привести в определенное место. Когда настала указанная ночь, Шим'ун вошел к своему господину и снял свою одежду, тот надел ее и вышел ночью на глазах сторожей, и они его даже не заподозрили. Мой дядя пошел к своим товарищам, сел на коня и уехал, а Шим'ун проспал на его ложе. Шим'ун обыкновенно приходил к дяде на заре, ко времени омо-

⁸ Правитель Шейзара в 1059 — 1082 годах.

⁹ Рассказ относится, вероятно, к осаде Алеппо Тутушем в 1079 году.

¹⁰ Тутуш хотел отомстить за приют, оказанный в Шейзаре одному из его врагов.

вения (мой дядя был один из тех аскетов, что простаивают ночи, читая книгу великого Аллаха).

Когда настало утро и сторожа увидели, что Шим'ун не прошел, как обычно, в палатку, они сами вошли туда и увидели там Шим'уна, а Изз ад-Даула уже скрылся. Они донесли об этом Тадж ад-Даула. Он велел привести Шим'уна и, когда тот явился к нему, спросил: «Как ты это сделал?» Он ответил: «Я дал господину свою одежду, которую тот надел и ушел, а я проспал на его ложе». — «И ты не боялся, что я велю отрубить тебе голову?» — воскликнул правитель. «О господин мой, — отвечал Шим'ун, — если ты отрубишь мне голову, а мой господин спасется и возвратится домой, я буду счастлив. Не для того ли он купил и воспитал меня, чтобы я пожертвовал за него жизнью?»

Тогда Тадж ад-Даула, да помилует его Аллах, сказал своему хаджибу¹¹: «Отдай этому слуге лошадь его господина, его вьючных животных, палатки и все его вещи». Он отправил Шим'уна вслед за господином и не питал против него злобы и гнева за то, что он сделал, служа своему господину. Это и есть тот случай, о котором Рудван сказал: «Расскажи моим приближенным о том, что ты сделал со своим господином в дни моего отца».

Возвращаюсь к предшествовавшему рассказу о войне с Ибн Мула'ибом, о которой я уже упоминал. Мой дядя Изз ад-Даула, да помилует его Аллах, получил в этот день несколько ран. Один из ударов копья попал ему в нижнее веко со стороны внутреннего уголка глаза. Копье проникло от уголка до края глаза. Веко было совсем сорвано и висело на кончике кожи у края глаза. Глаз качался без всякой опоры, потому что только веки поддерживают глаз. Хирург зашил и залечил глаз, и он стал таким же, как и прежде, так что раненый глаз нельзя было отличить от здорового.

Мой дядя и отец, да помилует их обоих Аллах, были самыми храбрыми из своего народа. Я видел, как они однажды выехали на охоту с соколами около Тель-

---

¹¹ *Хаджиб*, как упоминалось выше, — первоначально привратник, впоследствии видный придворный чин вроде камергера.

Мильха ¹², где было много водяных птиц. Внезапно войско Триполи сделало набег на наш город. Франки остановились против него, а мы повернули назад. Мой отец еще не оправился после болезни, дядя же во главе незначительного отряда двинулся вперед навстречу франкам. Он переправился через реку вброд, на виду у франков. Мой отец поехал вперед, пустив коня рысью. Я, тогда еще почти мальчик ¹³, следовал за ним. Отец держал в руке айву и посасывал ее. Когда мы приблизились к франкам, он сказал мне: «Ступай и войди в город со стороны плотины». Сам же он перешел реку напротив франков.

В другой раз я видел его, когда на нас сделала набег конница Махмуда ибн Караджи ¹⁴. Мы были на некотором расстоянии от города, а всадники Махмуда оказались ближе к нему. Я присутствовал при сражении и сам участвовал в бою. Я надел кольчугу, сел на лошадь и взял копье. Отец же, да помилует его Аллах, ехал на муле. Я спросил его: «О господин мой, разве ты не сядешь на коня?» — «Сяду», — отвечал он, но продолжал ехать, как прежде, не волнуясь и не торопясь. Я боялся за него и приставал к нему, чтобы он сел на коня. Наконец мы достигли города, а он все ехал на своем муле. Когда враги ушли и мы оказались в безопасности, я сказал отцу: «О господин мой, ты видел, что враг находится между нами и городом, и не сажился на какую-нибудь запасную лошадь. Я говорил тебе, а ты не слушал». — «Дитя мое, — отвечал он мне, — в моем гороскопе сказано, что мне не суждено испугаться».

Мой отец, да помилует его Аллах, был весьма сведущ в звездах, несмотря на свою богобоязненность, благочестие, вечный пост и чтение Корана. Он усиленно побуждал меня изучать науку о звездах, но я не соглашался и противился этому. Он говорил мне: «Выучи хоть названия звезд, когда какие из них восходят и заходят». Он показывал мне звезды и называл их имена.

---

¹² *Телль-Мильх* (букв. «Холм соли»), — вероятно, какая-нибудь местность около Шейзара.

¹³ Усаме в это время было около пятнадцати лет.

¹⁴ Неоднократно упоминаемый Усамой Шихаб ад-Дин, правитель Хама.

ВОЕННАЯ ХИТРОСТЬ ФРАНКОВ

Мне пришлось видеть такой пример храбрости наших людей и их самолюбия в бою. Однажды утром, во время утренней молитвы, мы увидели конный отряд франков человек в десять. Они подъехали к воротам нашего города, прежде чем их открыли, и спросили привратника: «Как называется этот город?» (А ворота были деревянные с перекладинами, и привратник стоял за ними.) Он отвечал им: «Шейзар». Тогда они пустили в него через щели в воротах несколько стрел и повернули обратно, погнав коней рысью. Мы сели на коней, и дядя, да помилует его Аллах, первый вскочил в седло, я был с ним, а франки, не смущаясь, подвигались вперед. Нас догнало несколько всадников из нашего войска, и я сказал дяде: «Если ты прикажешь, я возьму нескольких товарищей, погонюсь за франками и опрокину их, пока они еще недалеко». Мой дядя был опытнее меня в военном деле и сказал мне: «Нет, едва ли в Сирии найдется франк, который не знал бы Шейзара! Это хитрость». Он позвал двух всадников из нашего войска, сидевших на быстрых конях, и сказал им: «Поезжайте, общите Телль-Мильх!» А это было обычное место засад франков.

Когда всадники приблизились к нему, на них выскочило все войско Антиохии. Мы поспешно двинулись к

франкам, желая воспользоваться случаем, прежде чем затихнет бой. С нами были Джум'а нумейрит и его сын Махмуд. А Джум'а был нашим героем и шейхом. Его сын Махмуд попал в середину франкского войска, и Джум'а закричал: «О доблестные всадники, мой сын!» Мы вернулись к ним с отрядом в шестнадцать всадников и поразили копьями шестнадцать франкских рыцарей. Мы вывели нашего товарища из их среды, но смешались с франками, продолжая бой до тех пор, пока кто-то из наших не схватил голову сына Джум'ы под мышку. Он был освобожден благодаря одному из хороших ударов копьем.

НАСМЕШКА СУДЬБЫ

Несмотря на это, пусть никто не полагается на свою храбрость и не кичится своей смелостью. Клянусь Аллахом, я как-то совершил вместе с дядей, да помилует его Аллах, набег на Апамею¹. Случилось так, что ее воины вышли из города, чтобы проводить караван. Они отправили его и вернулись, а мы встретили их и убили около двадцати человек. Я увидел Джум'у нумейрита, да помилует его Аллах, в теле которого засела половина копья. Оно ударило в подседельник, прошло через его край, вонзилось в бедро Джум'ы в его задней части и там сломалось. Я испугался, но Джум,а сказал: «Не беда! Я цел». Он схватил копьё за зубцы и вытащил его из тела. И он, и его лошадь были невредимы.

«О Абу Махмуд,—сказал я,—мне хочется подъехать поближе к крепости и посмотреть на нее». — «Поезжай», — сказал он, и мы с ним поехали, пустив коней рысью. Когда мы подъехали к крепости, то вдруг увидели восемь франкских рыцарей на дороге, проходящей над площадью: с возвышения нельзя было спуститься иначе, как по этой дороге. «Постой, — воскликнул Джум'а, — я покажу тебе, как с ними разделюсь». — «Это несправедливо, — возразил я, — мы

---

¹ Событие относится, вероятно, ко времени после поражения франков при аль-Балате в 1119 году.

поедем на них вместе». — «Поезжай!» — крикнул он. Мы бросились на них и обратили их в бегство. Потом мы вернулись, воображая, что совершили нечто такое, чего никто, кроме нас, не в состоянии сделать. Нас было двое, а мы обратили в бегство восемь франкских рыцарей!

Мы остановились опять на этом пригорке и смотрели на крепость, как вдруг какой-то человек неожиданно взобрался наверх по этому крутому подъему; у него в руках был лук и стрелы. Он стал пускать их в нас, а у нас не было к нему дороги. Мы бросились бежать и, клянусь Аллахом, не верили, что ускользнем от него благополучно и наши лошади останутся невредимы. Возвращаясь, мы въехали на луга около Аламеи и угнали оттуда большую добычу: буйволов, быков и овец. Мы вернулись, и сердце мое болело из-за этого пешего воина, который обратил нас в бегство, так как у нас не было к нему дороги. И как это один пехотинец обратил нас в бегство, когда мы сами заставили бежать восемь франкских всадников!

ИСЦЕЛЕНИЕ БЛАГОДАРЯ РАНЕ

Однажды я присутствовал при том, как на нас напал небольшой отряд конницы Кафартаба. Мы ринулись на них, жаждая сразиться с ними, так как их было мало, но они спрятали против нас засаду, где были их главные силы. Те, кто напал на нас, бросились в бегство, и мы их преследовали, незаметно отдалившись от города. Тут засада выскочила на нас, а те, кого мы гнали, повернули обратно. Мы увидели, что, если мы побежим, они опрокинут нас всех, и встретили их лицом к лицу, и Аллах даровал нам победу над ними. Мы опрокинули восемнадцать всадников. Некоторые из них были ранены и умерли, а некоторые, получив удар копьем, падали с коня невредимыми. У других были ранены лошади, и они стояли на ногах. Те, которые оказались на земле и остались невредимы, обнажили мечи и держались на месте, ударяя мечом всякого, кто проезжал мимо. Джум'а нумейрит, да помилует его Аллах, проезжал мимо одного из них. Тот подбежал к нему и ударил его по голове, на которой была надета одна шапочка. Удар прорвал шапочку и рассек ему лоб; оттуда полилась кровь. Когда она остановилась, рана осталась открытой, точно рыбий рот. Я встретил его, когда сражение с франками еще продолжалось, и спросил: «О Абу Махмуд, отчего ты не забинтуешь рану?» — «Не время теперь бинтовать и перевязывать раны», — отве-

чал Джум'а. На лице у него всегда была черная тряпка: он страдал воспалением глаз, и жилки в них были красны. Когда же он получил эту рану, из нее вышло так много крови, что глаза перестали его беспокоить. Он больше не страдал воспалением глаз, и они не болели. Бывает, что тело становится здоровее от болезни.

А что касается франков, то они собрали свои войска после того, как мы убили тех из них, кого убили, и остановились напротив нас. Ко мне подошел мой двоюродный брат Захират ад-Даула Абу-ль-Кана Хитам, да помилует его Аллах, и сказал: «Брат, у тебя два запасных коня, а я сижу на этой разбитой кляче». — «Подведи ему гнедую лошадь», — крикнул я слуге. Слуга подвел ее, и мой брат, как только вскочил в седло, сейчас же бросился один на франков. Они расступились перед ним, так что он оказался в середине войска, и его ударили копьем и сбросили с лошади, которую тоже ранили. Затем они перевернули копья и стали колотить его ими. На нем была прочная кольчуга, и копья не могли ничего с ней поделаться. Мы все принялись кричать: «Ваш товарищ, ваш товарищ!» — и, бросившись на франков, прогнали их от него. Мы освободили его невредимым, а лошадь пала в тот же день.

Да будет же слава сохраняющему и всемогущему! Это оражение принесло Джум'е счастье и исцелило его глаза. Да будет прославлен сказавший: «Может быть, вы чувствуете отвращение к чему-нибудь, а оно оказывается для вас благом»¹.

Нечто подобное еще раньше случилось со мной. Я был в Месопотамии в войске атабека². Один приятель пригласил меня к себе в дом. Со мной был стремянный по имени Гунейм, больной водянкой. Его шея стала совсем тонкой, а живот раздулся. Он приехал вместе со мной в чужую страну, и я был признателен ему за это. Он вошел с мулом в конюшню моего приятеля вместе со слугами приехавших гостей. С ними был молодой тюрк, который много пил, и хмель разобрал его. Он вошел в конюшню, вытащил нож и стал бросаться на

¹ Коран, II, 213.

² Вероятно, в 1132 году, когда Усама участвовал в битве при Текрите (на Тигре, между Мосулом и Багдадом).

слуг. Те разбежались, а Гунейм от слабости и болезни положил под голову седло и еще до этого заснул. Он не встал даже, когда все бывшие в конюшне выбежали. Пьяный тюрк ударил его ножом пониже пупка и рассек живот на четыре пальца. Гунейм упал на месте. Тот, кто пригласил нас (это был властитель крепости Башамра), велел отнести его ко мне домой; тюрк, ранивший его был доставлен туда же вместе с ним со скрученными руками. Я его отпустил, а к Гунейму ходил врач, и он поправился, начал ходить и двигаться, но рана его не закрывалась, и из нее продолжали выделяться в течение двух месяцев какие-то корочки и желтая жидкость. Потом рана закрылась, живот похудел, и он опять стал здоров, и причиной его выздоровления была эта самая рана.

Однажды я увидел, как сокольничий моего отца, да помилует его Аллах, пришел к нему и сказал: «О господин мой, у этого сокола выпали перья, и он умирает; один его глаз уже погиб. Поезжай с ним на охоту, это ведь ловкий сокол, а теперь он все равно пропадет».

Мы отправились на охоту. С отцом, да помилует его Аллах, было несколько соколов. Он пустил этого сокола вслед за рябчиком. Сокол бросился в заросли, где рябчик подавал голос в чаще кустарника. Сокол полез туда же за ним. На глазу у него образовалась как бы большая точка; шип одного куста уколол его в эту точку и проткнул ее. Сокольничий принес его; глаз у него слезился и был закрыт. «О господин мой, — сказал отцу сокольничий, — глаз сокола пропал». — «И весь он пропадет», — отвечал отец.

На другое утро сокол открыл глаз. Он был цел, и сам сокол выздоровел и даже дважды сменил у нас перья. Это был один из самых ловких соколов.

Я упомянул о нем из-за того, что произошло с Джум'ой и Гунеймом, хотя здесь не место говорить о соколах.

Я видел одного больного водянкой, которому вскрывали живот, и он умер, а Гунейму этот пьяница проткнул живот, но он остался жив и выздоровел. Да будет же слава всемогущему!

СРАЖЕНИЕ С ФРАНКАМИ

Однажды войско из Антиохии напало на нас. Наши товарищи уже вступили в бой с их отрядами, шедшими впереди. Я стоял у них на дороге, поджидая, пока они подойдут ко мне, и надеясь, что, может быть, и мне удастся померяться с ними. Но мои товарищи мчались мимо меня, убегая от врага. Среди них проехал с одним отрядом и Махмуд, сын Джум'ы. «Эй, Махмуд, остановись!» — крикнул я ему. Он остановился на мгновение, потом погнал свою лошадь и уехал от меня. Передовые отряды франков достигли меня, и я попятился, повернув свое копьё против франков и следя за ними, чтобы какой-нибудь всадник не успел ранить меня копьём. Передо мной было несколько наших товарищей. Мы находились между садами, которые были обнесены стеной в человеческий рост. Моя лошадь толкнула грудью одного моего товарища. Я повернул голову лошади налево, пришпорил ее, подъехал к стене, перескочил через нее и сдержал лошадь, так что франки оказались против меня, а между нами была стена. Один из всадников быстро ехал мимо; на нем был плащ из зеленого и желтого шелка. Я думал, что под плащом нет панциря, и, дав всаднику со мной поравняться, повернулся, пришпорил коня и, приблизившись к стене, нанес ему удар копьём.

Он согнулся так, что его голова коснулась стремени, щит и копье выпали у него из рук, а шлем слетел с головы. Тем временем мы соединились с нашей пехотой. Потом всадник снова выпрямился в седле: на нем была надета под плащом кольчуга, и мой удар не ранил его. Его товарищи подъехали к нему, но затем вернулись, а пехотинцы подобрали щит, копье и шлем.

Когда сражение кончилось и франки отошли назад, ко мне подошел Джум'а, да помилует его Аллах, извиняясь за своего сына Махмуда. «Эта собака убежала от тебя!» — воскликнул он. «Что же из этого?» — сказал я. «Он бежал от тебя, и это ничего не значит?» — воскликнул Джум'а. «Клянусь твоей жизнью, о Абу Махмуд, — ответил я, — ты сам тоже убежишь от меня». — «О эмир, — сказал Джум'а, — мне приятнее умереть, чем бежать от тебя».

СТЫЧКА С КОННИЦЕЙ ИЗ ХАМА

Прошло лишь немного дней, и на нас напала конница Хама¹. Враги захватили у нас стадо быков и загнали его на остров пониже мельницы аль-Джалали. Их лучники поднялись на мельницу, чтобы охранять стадо. Я подъехал к ним вместе с Джум'ой и Шуджа ад-Даула Мади. Это был наш вольноотпущенник, очень храбрый человек. Я сказал им: «Переправимся через реку и заберем животных». Мы переправились, но в лошадь Мади попала стрела и убила ее; я с трудом отвел его к товарищам. А мою лошадь ранили стрелой в шею, и стрела вонзилась в нее на пядь, но, клянусь Аллахом, она не ударила копытом и не забилась, словно не почувствовав раны. Что же касается Джум'ы, то он вернулся назад, боясь за свою лошадь. Когда мы возвратились, я сказал ему: «О Абу Махмуд, не говорил ли я тебе, что ты убежишь от меня! А ты бранишь своего сына Махмуда». — «Клянусь Аллахом, — ответил Джум'а, — я боялся только за лошадь, так как она дорога мне». После этих слов он извинился.

Мы столкнулись в тот же день с конницей из Хама, и часть всадников ушла вперед к острову вместе со ста-

---

¹ Так как Шихаб ад-Дин, правитель Хама, в этом рассказе не упоминается, то, вероятно, событие произошло после его смерти (в 1124 году).

дом быков. Мы сражались с ними, а в числе их были герои из войска Хама: Серхенк, Гази ат-Тули, Махмуд ибн Бальдаджи, Хадр ат-Тут и начальник отряда Хутлук². Их было больше, чем нас, но мы бросились на них и обратили их в бегство. Я устремился на одного из их всадников, намереваясь ударить его копьем, и вдруг оказалось, что это Хадр ат-Тут. «Твой слуга, о Усама!» — закричал он. Я повернул от него к другому всаднику и ударил того. Копье попало ему под мышку, и если бы он не схватил его, то сам бы не упал, но он прижал к туловищу локоть, чтобы захватить копье, а меня лошадь умчала обратно. Всадник слетел с седла на шею лошади и упал. Потом он вскочил на берегу потока, спускавшегося к аль-Джалали, ударил свою лошадь и, погнав ее перед собой, спустился в долину. Я прославил Аллаха, да будет он превознесен, за то, что с ним не случилось беды из-за этого удара, ибо это был Гази ат-Тули, да помилует его Аллах, а он был человек выдающийся.

---

² Из перечисленных лиц два первых встречаются еще в других отделах воспоминаний Усамы.

ПОДВИГ ДЖУМ'Ы

Войска из Антиохии однажды¹ двинулись на нас и расположились лагерем в том месте, где они разбивали его каждый раз, как шли против нас. Мы выстроились, сев на коней; между нами была река. Никто из франков не двинулся к нам; они разбили свои палатки и расположились в них. Мы вернулись и разъехались по домам и смотрели на франков из крепости. Человек двадцать наших воинов отправились к Бандар Качину, деревне поблизости от Шейзара, пасти своих лошадей, оставив дома копья. Два франкских всадника выехали из лагеря и подъехали к воинам, пасшим лошадей. Они встретили на дороге человека, который гнал перед собой корову, и захватили его вместе с коровой. Мы видели их из крепости. Наши воины сели на коней, но оставались на месте, так как у них не было копий.

Мой дядя² сказал: «Эти двадцать не могут освободить пленника, захваченного двумя всадниками! Если бы Джум'а был с ними, вы бы увидели, что он сделал». Он еще говорил это, а Джум'а уже облачился в доспехи и поскакал к ним. «Сейчас увидите, что он делает!» — крикнул дядя. Когда Джум'а подскакал к ры-

¹ Вероятно, в 1129 году, если упоминаемый в этом отделе Ибн Маймун — Боэмунд II.

² Правитель Шейзара Абу-ль-Асакир Изз ад-Дин-султан.

царям, он натянул поводья лошади и поехал за ними шагом, стараясь не быть замеченным. Когда мой дядя, смотревший на это со своего балкона в крепости, увидел, что Джум'а³ не подъезжает к франкам, он в гневе сошел с балкона и сказал: «Это измена!» А Джум'а задержался, опасаясь пещеры, бывшей перед рыцарями, — нет ли там их засады. Когда же он подъехал к пещере и в ней никого не оказалось, он бросился на рыцарей, освободил человека и корову и погнал обоих франков к их палаткам.

Ибн Маймун, властитель Антиохии³, видел все, что произошло. Когда рыцари вернулись, он велел взять у них щиты и сделать из них кормушки для животных. Он повалил их палатки и выгнал их, говоря: «Один мусульманский всадник гонит двух франкских рыцарей! Вы не мужчины, вы — женщины!»

Что же касается Джум'ы, то мой дядя выбрал его и рассердился за то, что он сначала держался вдали от франков, когда поехал за ними. «О господин мой,— ответил Джум'а,— я боялся, нет ли у них засады в пещере карматов⁴, чтобы напасть на меня, но когда я осмотрел ее и не увидел там никого, я освободил человека и корову и гнал обоих франков, пока они не вернулись в свой лагерь». Но, клянусь Аллахом, мой дядя не принял его извинений и остался им недоволен.

---

³ *Бозмунд II*, сын Бозмунда I, был князем Антиохии с 1126 года. Умер в 1131 году, во время похода против атабека Зенги.

⁴ *Карматы* — одна из мусульманских сект, близкая исмаилитам, игравшая крупную политическую роль в IX—XII веках.

РЫЦАРИ У ФРАНКОВ

У франков, да покинет их Аллах, нет ни одного из достоинств, присущих людям, кроме храбрости. Одни только рыцари пользуются у них преимуществом и высоким положением. У них как бы нет людей, кроме рыцарей. Они дают советы и выносят приговоры и решения. Раз я просил у них суда относительно стада овец, которое захватил в лесу властитель Банияса¹. Между нами и франками был тогда мир, а я находился в Дамаске². Я сказал королю Фулько, сыну Фулько³: «Он поступил с нами несправедливо и захватил наших животных. А это как раз время, когда овцы приносят ягнят; ягнята умерли при рождении, а он вернул нам овец, погубив ягнят». Король сказал тогда шести-семи рыцарям: «Ступайте, рассудите его дело». Они вышли из его покоев и совещались до тех пор, пока все не сошлись на одном решении. Тогда они вернулись в помещение, где принимал король, и сказали: «Мы постановили, что властитель Банияса должен возместить стоимость их овец, ко-

¹ *Банияс* — город в северной Палестине, на южных отрогах Антиливана, около истоков Иордана.

² Первое пребывание Усамы в Дамаске относится, как видно из предшествовавшего, к 1138 — 1144 годам.

³ *Фулько V*, сын *Фулько IV*, графа анжуйского, был после Балдуина II королем иерусалимским (1131 — 1142).

торых он погубил». Король приказал ему возместить их цену, но он обратился ко мне, надоедал и просил меня, пока я не принял от него сто динаров. Такое постановление, после того как рыцари окончательно утверждают его, не может быть изменено или отменено ни королем, ни кем-нибудь из предводителей франков, и рыцарь у них — великое дело.

«О Усама, — сказал мне франкский король, — клянись истиной моей религии, я вчера испытал великую радость». — «Аллах да обрадует короля! — отвечал я. — Чему же ты радовался?» — «Мне говорили, — сказал король, — что ты великий всадник, а я и не подозревал, что ты герой». Я ответил: «О господин мой, я один из всадников своего народа и племени». Если всадник строен и высок ростом, он больше всего им нравится.

ЖЕСТОКОСТЬ ТАНКРЕДА

Однажды Танкред¹, первый властитель Антиохии после Маймуна², пошел против нас³. Мы сражались, а потом заключили перемирие. Танкред прислал гонца, желая получить лошадь одного слуги моего дяди Изз ад-Дина, да помилует его Аллах. А это была отличная лошадь. Мой дядя послал ее Танкреду с одним из наших товарищей, курдом, которого звали Хасанун, чтобы он принял участие в скачке перед Танкредом на этой лошади. Это был один из наших доблестных всадников, юноша приятной внешности, стройный станом; он скакал и опередил всех пущенных лошадей. Он явился к Танкреду, и франкские рыцари стали осматривать его руки и восхищаться его юностью и стройностью. Они убедились, что он доблестный всадник.

Танкред одарил его богатыми подарками, и Хасанун сказал ему: «О господин мой, я прошу у тебя обещания оказать мне милость — отпустить меня на свободу, если ты когда-нибудь захватишь меня в сражении». Танкред

---

¹ *Танкред*, племянник Бозмунда I, правил Антиохией в 1104—1112 годах, во время поездки дяди в Европу.

² *Бозмунд I*, норманский князь, участник первого крестового похода и первый антиохийский князь, умерший во время поездки в Европу в 1111 году.

³ Событие относится к 1108 году.

дал ему это обещание. Так, по крайней мере, полагал Хасанун, потому что франки говорят только по-франкски, и мы не понимаем, что они говорят. После этого прошел год или больше, и время перемирия истекло. Танкред пошел на нас во главе антиохийского войска ⁴, и мы сражались у стен города. Наша конница вступила в бой с передовыми отрядами франков. Некий Камиль аль-Маштуб, наш сотоварищ курд, бился особенно яростно. Он и Хасанун соперничали в доблести. Хасанун был с моим отцом, да помилует его Аллах, и сидел на какой-то кляче, ожидая, пока слуга приведет ему лошадь от коновала и принесет кольчугу. Слуга запоздал, и Хасануна стали волновать удары копьём Камиля аль-Маштуба. Наконец он сказал моему отцу: «О господин мой, прикажи дать мне хотя бы легкие доспехи». — «Вот стоят мулы, нагруженные оружием, — отвечал отец. — Что тебе годится, то и надень». Я стоял в это время сзади отца. Я был еще мальчишкой ⁵ и впервые в этот день видел сражение. Хасанун осмотрел кольчуги, уложенные в кожаные мешки и нагруженные на мулов, но ни одна не подходила ему. А он горел желанием выйти в бой и действовать так же, как Камиль аль-Маштуб. На своей кляче он двинулся вперед, не надев доспехов. Один франкский рыцарь преградил ему дорогу и ударил его лошадь по крупу. Она, закусив узду, умчала Хасануна в самую середину франкского лагеря. Франки захватили Хасануна в плен и подвергли его разнообразным мучениям. Они хотели выколоть ему левый глаз, но Танкред, да проклянет его Аллах, сказал им: «Выколтите ему правый глаз, чтобы он не мог ничего видеть, когда будет нести щит и закроет им левый глаз». Они выкололи ему правый глаз, как приказал Танкред, и потребовали с него тысячу динаров и караковую лошадь, принадлежавшую моему отцу. Это была лошадь породы хафаджи ⁶, одна из чистокровных прекрасных лошадей, и мой отец, да помилует его Аллах, выкупил его ценой этой лошади.

⁴ Весной 1110 года.

⁵ Усаме в 1110 году было 15 лет.

⁶ Бедуинское племя *Хафаджа ибн Амр* славилось породистыми лошадьми.

Из Шейзара в этот день выступило много пехотинцев. Франки бросились на них, но не могли выбить их с места. Тогда Танкред разгневался и сказал: «Вы — мои рыцари, и каждый из вас получает содержание, равное содержанию ста мусульман. Это «сердженды»⁷ (он разумел пехотинцев), и вы не можете выбить их с этого места!» — «Мы боимся только за лошадей, — ответили ему. — Если бы не это, мы бы их затоптали и перекололи копьями». — «Лошади мои, — сказал Танкред, — всякому, у кого будет убита лошадь, я заменю ее новою». Тогда франки несколько раз атаковали наших пехотинцев, и семьдесят лошадей у них было убито, но они не могли сдвинуть наших с места.

---

⁷ Слово в арабском тексте представляет, вероятно, простую передачу европейского термина.

РЫЦАРЬ БАДРХАВА

В Апамее¹ был рыцарь, один из славнейших среди франков, которого звали Бадрхава². Он постоянно говорил: «Увидите, что будет, когда я встречусь с Джум'ой в бою». А Джум'а говорил: «Увидите, что будет, когда я встречусь с Бадрхава в бою».

Войска Антиохии пошли на нас³ и разбили палатки там, где они обыкновенно располагались. Между нами и франками была вода. Один наш отряд стоял против них на пригорке. Один франкский рыцарь выехал верхом из лагеря и, приблизившись, остановился под нашим отрядом, но между ним и отрядом была вода. Всадник крикнул им: «С вами Джум'а?» — «Нет, клянемся Аллахом», — отвечали ему. Джум'ы среди них не было. Этот всадник был Бадрхава; он обернулся и увидел четырех наших всадников на своем берегу. Это были Яхья ибн Сафи «левша», курд Сахль ибн Абу Ганим, Хариса нумейрит и еще другой всадник. Он бросился на них, обратил их в бегство и, догоняя одного из них, нанес ему удар копьем, но слабый, так как его лошадь не могла настичь противника для настоящего уда-

¹ Апамея была с 1106 года во власти франков.

² Какое европейское имя кроется в этой арабской форме, установить едва ли возможно.

³ Вероятно, вскоре после занятия Апамеи франками.

ра. Франкский рыцарь вернулся в лагерь, а эти люди в город. Они покрыли себя позором, их упрекали, бранили и презирали. «Четверых всадников, — говорили им, — обратил в бегство один рыцарь! Вы рассеялись перед ним, когда он ударил одного из вас, а трое остальных могли бы его убить. Вы же покрыли себя позором!» Сильнее всех на них нападал Джум'а нумейрит.

Это бегство как бы сделало их сердца другими, чем прежде, и придало им такую доблесть, о которой они сами даже и не мечтали. Они пришли в ярость, отправились в бой, сражались и прославились в войне и стали после этого бегства знаменитыми героями.

Что же касается Бадрхава, то он уехал после этого из Апамеи по какому-то делу, направляясь в Антиохию. По дороге на него напал лев в долине ар-Рудж⁴, сбросил Бадрхава с седла, унес в чашу и там съел его, да не помилует его Аллах!

---

⁴ *Ар-Рудж* — местность по дороге между Алеппо и аль-Мааррой.

ОДИН СТОИТ МНОГИХ

В числе случаев, когда один человек нападал на многих противников, был такой. Полководец Мaudуд¹, да помилует его Аллах, расположился лагерем в окрестностях Шейзара в четверг девятого числа первого раби пятьсот пятого года². Танкред, властитель Антиохии, двинулся на него с большими силами. К Мaudуду вышли мой дядя³ и отец и сказали ему: «Лучше всего тебе сняться с лагеря (а он стоял к востоку от города, у реки) и расположиться в самом городе, а бойцы пусть разобьют палатки на крышах домов. Мы встретим франков после того, как наши палатки и обоз будут надежно укрыты».

Мaudуд снялся с лагеря и расположился там, где ему сказали. Наутро отец и дядя вышли к нему, а из Шейзара выступили пять тысяч воинов в снаряжении. Полководец обрадовался им и стал бодрее душой. С ним, да помилует его Аллах, были превосходные воины. Они построились к югу от реки, а франки были к севе-

---

¹ *Мaudуд* — сын Алтун-Тегина, с 1108 года был в Мосуле наместником сельджукского султана Мухаммед-шаха и получил главное командование над войсками, отправленными по настоянию халифа аль-Мустазхира против Танкреда. Он был убит в 1113 году.

² 15 сентября 1111 года.

³ Правитель Шейзара Изз ад-Дин-султан

ру от нее. Наши мешали франкам пить из реки и спуститься к водопою весь день, а когда наступила ночь, они уехали обратно в город, и народ собирался вокруг них.

На другой день франки расположились у Телль ат-Тирмаси, но им не давали спуститься к водопою, как и накануне. Ночью они снялись с лагеря и расположились у Телль ат-Тулуля. Наши войска теснили франков и мешали им двигаться вперед. Они окружили реку и не давали им подойти к водопою. Ночью франки снова двинулись в путь, направляясь в Апамею. Наши войска преследовали их и окружали, а они двигались дальше. Из их рядов выехал всадник и напал на наших людей, так что оказался между ними. Они убили его лошадь и покрыли его самого ранами, но он продолжал сражаться, пока не пробился к своим. Франки между тем вступили в свою землю, и мусульмане вернулись, а полководец Маудуд, да помилует его Аллах, отправился в Дамаск ⁴.

Через несколько месяцев к нам пришло письмо от Танкреда, властителя Антиохии. Его привез рыцарь, с которым были слуги и товарищи. Письмо гласило: «Этот рыцарь пользуется у франков почетом; он совершил паломничество и собирается вернуться в свою страну. Он просил меня отправить его к вам, чтобы посмотреть на ваших всадников. Я послал его и прошу вас хорошо его принять».

Это был юноша красивой наружности и хорошо одетый, на нем виднелись следы многих ран, а один удар меча рассек ему голову от темени до подбородка. Я расспросил о нем, и мне сказали: «Это тот, который напал на войско полководца Маудуда. Его лошадь убили, и он бился, пока не вернулся к своим». Да будет прославлен Аллах, властный над тем, чего хочет и как хочет! Робость не отодвинет назначенного срока, а смелость не приблизит его.

Такой же случай рассказал мне поэт аль-Укаб, один из наших воинов из Магриба. Он говорил: «Мой отец

---

⁴ Дамасский атабек Тугтегин был в союзе с Маудудом.

отправился как-то из Пальмиры⁵ в Дамаск на базар. С ним было четыре всадника и четверо пеших, которые гнали туда восемь верблюдов на продажу. «Мы шли вперед, — рассказывал мне отец, — как вдруг увидали всадника, приближавшегося к нам из глубины пустыни. Он подвигался вперед, пока не подъехал к нам близко, и крикнул: «Отойдите от верблюдов!» Мы все закричали на него и стали его ругать, но он пустил на нас свою лошадь и ударил копьём кого-то из наших всадников, сбросил его на землю и ранил. Мы погнались за ним, но он умчался. Потом он опять вернулся к нам и крикнул: «Отойдите от верблюдов!» Мы закричали и обругали его, но он напал на нас, ударил копьём еще одного из наших и сильно его ранил. Мы бросились его преследовать, но он ушел от нас, а потом вернулся, когда двое из нас уже не могли сражаться. Он опять пустился на нас, и к нему бросился один наш товарищ и ударил его копьём. Удар пришелся в луку седла, и копьё сломалось, а противник ударил его и ранил. Затем он бросился на нас и ударил копьём еще одного из наших, сбросив его на землю. «Отойдите от верблюдов, — крикнул он, — а не то я уничтожу вас всех!» — «Подъезжай, возьми половину их!» — закричали мы в ответ. Всадник сказал: «Нет, отделите четырех из них и оставьте их стоять, а четырех берите и отправляйтесь». Мы так и сделали и не верили, что спаслись с теми верблюдами, которые у нас остались. Он погнал этих четырех верблюдов на наших глазах, а у нас не было ни возможности, ни желания помешать ему. Он скрылся с добычей, и он был один, а нас было восемь человек».

Нечто подобное произошло, когда Танкред, властитель Антиохии, сделал набег на Шейзар⁶. Он угнал много вьючных животных и многих людей убил или взял в плен. Он расположился в деревне Залин, где была недоступная пещера, как бы подвешенная в самой середине горы. К ней не было ни спуска сверху, ни подъема снизу. Те, кто скрывался в этой пещере, спу-

---

⁵ Пальмира (арабск. *Тадмор*) лежала на торговом пути из Дамаска к Евфрату.

⁶ Из дальнейшего видно, что событие произошло в 1108 году.

скались туда по веревке. Это было в четверг двадцатого числа второго раби пятьсот второго года ⁷. Один из их дьяволов-рыцарей пришел к Танкреду и сказал: «Сделай мне деревянный сундук. Я в него сяду, а вы спустите меня к врагам на цепях. Только прикрепите их получше к сундуку, чтобы их не разрубили мечом, иначе я упаду». Ему сделали сундук и спустили на цепях в подвешенную лещеру. Он захватил ее и привел всех, кто там был, к Танкреду. Это произошло потому, что пещера была открытая, в ней не было местечка, где бы люди могли спрятаться. Этот франк пускал в них стрелы и всякий раз в кого-нибудь попадал, так как место было тесное, а людей было там очень много.

Среди пленных, взятых в этот день, была женщина, принадлежавшая к старинному арабскому роду. Ее расхваливали моему дяде Абу-ль-Асакир-султану, да помилует его Аллах, еще раньше, когда она была в доме своего отца. Мой дядя послал тогда старуху из своих близких посмотреть на нее. Старуха вернулась и принялась расписывать ее красоту и ум. Ей, может быть, сделали подарок, а может быть, показали кого-нибудь другого. Мой дядя посватался за нее и женился, но, когда она вошла к нему, он увидел совсем не то, что ему описывали. К тому же она была немая. Мой дядя заплатил ей сполна приданое и вернул ее обратно к своим. В этот день ее увели в плен из родной семьи. Мой дядя сказал: «Я не оставляю в плену у франков женщину, которую я взял в жены и которая сняла передо мной покрывало». Он выкупил ее за пятьсот динаров и вернул к ее родным, да помилует его Аллах.

Нечто похожее рассказал мне аль-Муайяд ⁸, поэт из Багдада. «Когда я был в Мосуле в пятьсот шестьдесят пятом году ⁹, — говорил он, — халиф ¹⁰ наделил моего

⁷ 27 ноября 1108 года.

⁸ В арабский текст или в воспоминания Усамы вкралась какая-то неточность: поэт аль-Муайяд умер в Мосуле уже в 1162 году, а его сын Мухаммед, тоже поэт, умер по пути в Дамаск в 1169 году.

⁹ В 1170 году н. э. Усама приезжал в Мосул во время своего пребывания в Диярбекре (1164 — 1174).

¹⁰ Багдадский халиф из династии Аббасидов — аль-Мустанд жид (1160 — 1170).

отца деревней, и отец часто наезжал туда. Вокруг было много бродяг, грабивших на дорогах, но отец ладил с ними, так как боялся их и пользовался иногда чем-нибудь, что они захватят. Однажды мы сидели в этой деревне; к нам подъехал на лошади молодой тюрк. С ним был верховой мул, несший дорожный мешок, на котором сидела девушка. Тюрк сошел с лошади, спустил на землю девушку и сказал: «Эй, молодцы, помогите мне снять мешок». Мы подошли и сняли с ним мешок, и вдруг оказалось, что там одни золотые динары и драгоценности. Тюрк и девушка посидели у нас и поели, а потом он сказал: «Помогите мне поднять мешок». Мы с ним подняли мешок, и он спросил: «Где дорога в Анбар?»¹¹ — «Дорога-то здесь, — сказал отец и показал ему дорогу, — да только на дороге шестьдесят бродяг, и я боюсь за тебя из-за них». Но юноша стал смеяться над ним и сказал: «Стану я бояться бродяг!» Мой отец оставил его и пошел к бродягам. Он рассказал им про юношу и про то, что он везет с собой.

Они вышли и встретили юношу на дороге. Когда он увидел их, то вытащил лук, приложил к нему стрелу и натянул его, собираясь выстрелить в них, но тетива лука оборвалась, и бродяги бросились на него. Он пустился бежать, а бродяги забрали мула, девушку и мешок. Девушка сказала им: «О молодцы, ради Аллаха, не позорьте меня, а дайте мне выкупить себя вместе с мулом ценой ожерелья из драгоценных камней, которое у тюрка. Оно стоит пятьсот динаров. Возьмите себе мешок и все, что в нем есть». — «Мы согласны», — ответили ей бродяги. «Пошлите со мной кого-нибудь, — сказала девушка, — чтобы я могла поговорить с тюрком и взять ожерелье». Они послали с девушкой одного из своих для охраны; она подскакала к тюрку и сказала ему: «Я выкупила себя и мула ценой ожерелья, которое в голенище твоего левого сапога. Дай его мне». — «Хорошо», — сказал тюрк. Он отошел от них и снял сапог, и вдруг в нем оказалась тетива. Он натянул ее на лук и вернулся к бродягам. Они стали сражаться с ним, а он убивал их одного за другим, пока не перебил сорока

¹¹ Город в среднем течении Евфрата

трех человек. Вдруг он увидел среди оставшихся моего отца. «И ты с ними! — воскликнул он. — Хочешь, я дам тебе твою долю стрел?» — «Нет», — отвечал отец. Юноша сказал тогда: «Возьми семнадцать оставшихся и отведи их к правителю города, чтобы он их повесил». А бродяги до того перепугались, что побросали оружие. Тюрк погнал своего мула вместе со всем, что на нем было, и уехал. Аллах, да будет он превознесен, послал на бродяг в его образе беду и проявил великий гнев».

Я присутствовал при таком же происшествии в пятьсот девятом году¹². Мой отец, да помилует его Аллах, вышел с войсками к военачальнику Бурсуку ибн Бурсуку¹³, да помилует его Аллах. Этот последний по приказанию султана отправился в поход. С ним было много войск, и множество эмиров сопровождало его. В числе их были¹⁴: «эмир войск» Узбек—правитель Мосула, Сункар Дираз — властитель Рахбы, эмир Кундугади, главный хаджиб Бектимур, Зенги ибн Бурсук¹⁵ — истый герой, Темирек и Исмаил аль-Бекчи и другие эмиры. Они обложили Кафартаб¹⁶, где был брат Феофила и франки. Наши войска штурмовали город. Хорасанцы¹⁷ вошли в ров и стали подкапываться. Франки, убедившись в близости гибели, подожгли крепость. Они сожгли крыши домов, огонь перешел на лошадей, на вьючных животных, на мелкий скот, на свиней и на пленных, и все это сгорело. Франки остались как бы висеть в вышине, на стенах крепости.

Мне пришлось на ум войти в подкоп и взглянуть на него. Я спустился в ров, — а стрелы и камни дождем

---

¹² 1115—1116 год.

¹³ *Бурсук* — эмир Хамадана (в Иране), в 1115 году был назначен султаном Мухаммед-шахом, сыном Сельджукида Меликшаха, главнокомандующим войсками.

¹⁴ Большинство перечисляемых дальше лиц мало известно в истории.

¹⁵ Брат главнокомандующего.

¹⁶ *Кафартаб*, неоднократно упоминавшийся в предшествующих рассказах, — укрепленный город между аль-Мааррой и Шейзаром, — в этот период принадлежал крестоносцам.

¹⁷ *Хорасан* — северо-восточная провинция Ирана, откуда часто вербовались войска.

сыпались на нас, — и проник в подкоп¹⁸. Я увидел, что он замечательно устроен: от рва до бастиона прорыли галерею, а по бокам ее поставили два столба, на которых лежала перекладина, мешавшая обрушиться верхней части галереи. Стены ее выложили деревянными балками вплоть до основания бастиона.

Затем хорасанцы пробили его стену и, подперев ее, добрались до фундамента башни. Галерея была узка, но это был единственный путь к башне. Когда они подошли к ней, они сделали широкий пролом в стене башни, укрепили ее балками и стали постепенно выносить выломанные глыбы камней. Земля в галерее из сухой становилась глинистой; я осмотрел подкоп и вышел. Хорасанцы не узнали меня, а если бы узнали, то не дали бы мне выйти иначе, как за большой выкуп. Они принялись рубить сухой валежник и набили им подземный ход. Утром они подложили туда огня. Мы уже надели доспехи и направились ко рву, чтобы ворваться в крепость, когда башня обрушится. А стрелы и камни наносили нам большой урон. Под действием огня сначала стала выпадать прослойка из известки между камнями, затем стены треснули, трещина стала расширяться, и башня обвалилась. Мы полагали, что, когда она обрушится, мы сможем войти к ним, но башня обвалилась только с наружной стороны, а внутренняя сторона осталась, как была. Мы стояли, пока солнце не начало припекать, а потом вернулись в свои палатки. Камни франков причинили нам большие потери.

Мы провели так время до полудня. Вдруг из лагеря вышел пехотинец с мечом и щитом и направился к обвалившейся стене башни. Ее выступы были теперь похожи на ступеньки лестницы, и он взбирался по ним, пока не влез на верхушку стены. Когда наши воины это увидели, человек десять поспешили за ним, надев оружие. Они влезли на башню один за другим, а франки и не заметили их. Мы все тогда облачились и бросились из палаток. Наши люди столпились на башне, прежде чем франки успели собрать против них войска. Потом они двинулись на наших и забросали их стрелами, ра-

¹⁸ Дальнейшие саперные подробности в тексте не совсем ясны.

нив того бойца, который влез первым. Он спустился, а наши люди продолжали подыматься по стене. Они встретились с франками на одной из площадок стены башни. Против них была башня, в воротах которой стоял рыцарь, одетый в доспехи, со щитом и копьем. Он охранял вход в башню, на которой было множество франков, поражавших наших людей стрелами и камнями. Один тюрк влез на стену на наших глазах и пошел по ней под угрозой гибели. Он приблизился к башне и бросил в того, кто стоял у входа, сосуд с нефтью. Я увидел, как этот рыцарь скатился с камней к франкам, словно падающая звезда, а они бросились на землю, боясь сгореть.

Тюрк возвратился к нам, а затем влез на стену другой тюрк и пошел по площадке. У него были меч и щит. Из башни, у ворот которой стоял тот рыцарь, вышел навстречу тюрку один франк, одетый в двойную кольчугу и с копьем в руках, но без щита. Тюрк встретил франка с мечом в руках, а тот ударил его копьем, но тюрк отразил копые щитом и приблизился к франку на расстояние копья. Франк увернулся от него и стал к нему спиной; боясь за свою голову, он нагнулся, как человек, который кланяется при молитве. Тюрк нанес ему несколько ударов, не причинивших никакого вреда, и он вошел в башню.

Наши войска все усиливались и умножались против франков, так что они сдали крепость. Пленные были отведены в палатки Бурсука ибн Бурсука. Я увидел того рыцаря, который пошел на тюрка с копьем. Франков собрали в шатре Бурсука ибн Бурсука, чтобы они определили размер своего выкупа. Тот рыцарь стоял тут же, он был сердженд. «Сколько вы возьмете за меня?» — спросил он. Ему ответили: «Мы хотим шестьсот динаров». Он рассмеялся им в лицо и сказал: «Я сердженд, мое жалование два динара в месяц, откуда мне взять шестьсот динаров?» Сказав это, он повернулся и сел среди своих товарищей. Он был опромного роста, и эмир ас-Сейид аш-Шериф, один из знатных эмиров, сказал моему отцу, да помилует их обоих Аллах: «О брат мой, посмотри на этих людей, да сохрани нас от них Аллах!»

Аллах, да будет ему слава, предопределил, чтобы наше войско ушло из-под Кафартаба к Данису¹⁹. Войска Антиохии встретили его утром во вторник двадцать третьего числа второго раби²⁰, а сдача Кафартаба произошла в пятницу тринадцатого числа второго раби. Эмир ас-Сейид аш-Шериф, да помилует его Аллах, был убит с множеством мусульман. Мой отец, да помилует его Аллах, вернулся в Кафартаб. Я расстался с ним, когда он уехал, и остался в Кафартабе. Наше войско было разбито, а мы были в Кафартабе, охраняли его и хотели отстроить, так как главнокомандующий отдал его нам²¹. Мы освобождали пленных из жителей Шейзара, которые были скованы по двое. У одного обгорела половина тела и было проткнуто бедро, другой умер в огне. Я видел в этом великое назидание. Мы оставили Кафартаб и вернулись в Шейзар вместе с отцом, да помилует его Аллах. Все, что было с отцом: палатки, верблюдов, мулов и обоз, — захватили враги, а наше войско рассеялось.

Все, что с нами случилось, произошло из-за козней евнуха Лулу, бывшего в то время правителем Алеппо²². Он заключил условие с властителем Антиохии²³, что хитростью разъединит наши войска и тогда властитель Антиохии выступит оттуда со своими войсками и разобьет нас. Лулу послал передать военачальнику Бурсуку, да помилует его Аллах: «Направь ко мне кого-нибудь из эмиров с отрядом войска; я передам ему Алеппо. Я боюсь, что жители города не подчинятся мне при передаче, и хотел бы, чтобы с эмиром был большой отряд, который мог бы поддержать меня против жителей Алеппо». Бурсук послал к нему «эмира войск» Узбека с тремя тысячами всадников. Роджер, да

---

¹⁹ Город между Кафартабом и Алеппо.

²⁰ 13 и 23 второго раби в 509 году хиджры приходились соответственно на 5 и 15 сентября 1115 года.

²¹ Кафартаб и раньше одно время принадлежал Мункызидам — роду Усамы.

²² *Бедр ад-Дин Лулу* был правителем Алеппо после смерти Рудвана, сына Тутуша, с 1113 по 1117 год.

²³ Князем Рожером (1112—1119)

проклянет его Аллах, напал на них на заре и разбил их во исполнение божественной воли. Франки, да проклянет их Аллах, вернулись в Кафартаб, отстроили его и стали там жить. Аллах великий predetermined, чтобы все франкские пленные, взятые в Кафартабе, получили свободу, так как эмиры поделили их между собою и оставили в живых, чтобы они могли себя выкупить.

Освободились все пленные, кроме бывших у «эмира войск», так как всем тем, кто выпал ему на долю, отрубили голову, когда он собирался в Алеппо. Наше войско рассеялось, и те, кто уцелел под Данисом, вернулись в свои земли. Таким образом, тот человек, который один влез на башню Кафартаба, был причиной взятия этого города.

Вот еще один похожий случай.

У меня на службе был некий Нумейр аль-Алярузи, человек храбрый, отважный и энергичный. Он с несколькими жителями Шейзара напал на франков у ар-Руджа²⁴. Они наткнулись под городом на караван франков, скрывшийся в пещере. Люди спрашивали друг друга: «Кто войдет к ним?» — «Я!» — воскликнул Нумейр. Он направил на франков свой меч, закрылся щитом, вытащил нож и вошел к ним. Ему навстречу двинулся один из них, но Нумейр свалил его ударом ножа и наступил ему коленом на грудь, чтобы убить. Другой франк, стоявший за первым с мечом в руках, ударил им Нумейра. У Нумейра на спине был мешок с хлебом, который защитил его от удара. Когда был убит человек, лежавший под Нумейром, тот повернулся к франку с мечом, намереваясь приняться за него. Но франк успел ударить его мечом по лицу и рассек ему бровь, веко, щеку, нос и верхнюю губу, так что одна сторона лица свисла на грудь. Он вышел из пещеры, и товарищи перевязали его рану и привели его в холодную и дождливую ночь в Шейзар в таком виде. Ему зашили лицо и принялись лечить его рану. Она зажила, и он стал таким же, как прежде, только глаз его погиб.

---

²⁴ Упоминавшаяся уже местность между Алеппо и аль-Мааррой.

Это был один из тех трех, которых исмаилиты сбросили с крепости Шейзар²⁵, о чем рассказано выше²⁶.

Предводитель Сахри, который был на службе у эмира Шамс аль-Хаувасса Алтунташа²⁷, властителя Рафанийи²⁸, рассказал мне следующее (его господин враждовал и соперничал с властителем Хама Алам ад-Дином Али курдом):

«Шамс аль-Хаувасс приказал мне поехать определить урожай в области Рафанийи и посмотреть ее посе-вы. Я выехал с отрядом воинов и определил урожай. Однажды вечером, перед наступлением ночи, я расположился в одной из деревень области Рафанийи. В этой деревне была башня; мы взобрались на ее крышу, поужинали и сидели там, а наши лошади были у ворот башни. Вдруг, совершенно неожиданно, перед нами показался среди башенных зубцов какой-то человек; он с криком ринулся на нас, держа в руке нож. Мы бросились бежать и спустились по первой лестнице, а он был сзади нас. Тогда мы спустились по второй, а он не отставал, пока мы не достигли ворот. Мы вышли, но оказалось, что он поставил у ворот своих людей. Нас всех схватили, связали веревками и отвели в Хама к Али курду, и наши головы уцелели только потому, что судьба дала нам отсрочку. Мы были заключены в тюрьму и выкуплены, и все это сделал с нами один человек».

Нечто подобное произошло в крепости аль-Харба, принадлежавшей Салах ад-Дину Мухаммеду ибн Айюбу аль-Ягысыяни²⁹, да помилует его Аллах. Начальником ее был хаджиб Иса. Это была крепость неприступная, на скале, возвышавшейся над землей со всех сторон. К ней поднимались по деревянной лестнице, а потом лест-

---

²⁵ *Исмаилиты* — религиозно-политическая мусульманская секта. Нападение их на Шейзар другие историки относят к 1109 или 1114 году.

²⁶ В сохранившейся части воспоминаний Усамы указываемо-го рассказа нет.

²⁷ Алтунташ после смерти правителя Алеппо Лулу в 1117 году ненадолго захватил в свои руки власть и над этим городом.

²⁸ *Рафанийя* — к западу от Хомса, в области графства Триполи.

²⁹ Наместник атабека Зенги в городе Хама

ницу убирали, и к крепости не оставалось никакого доступа. С правителем в крепости не было никого, кроме его сына, слуги и привратника. У привратника был приятель по имени Ибн аль-Марджи, который время от времени приходил к нему по делам. Он сговорился с исмаилитами, и те заключили с ним условие, обещая ему денег и поместья, если он передаст им крепость аль-Харба.

Ибн аль-Марджи пошел к крепости, попросил разрешения войти и поднялся. Он начал с привратника и убил его. Слуга вышел к нему навстречу, он тоже убил его. Потом он вошел к правителю, убил его, а затем вернулся к сыну правителя и убил также и его. Он передал крепость исмаилитам, и те выдали ему условленное. Когда люди твердо решат что-нибудь, они могут это сделать.

Отсюда и происходит отличие людей друг от друга по достоинству их мыслей и стремлений. Мой отец, да помилует его Аллах, говорил мне: «Всякую хорошую вещь, какого бы то ни было рода, можно оценить известным количеством дурных вещей такого же рода. Например, одна хорошая лошадь стоит сто динаров, а пять скверных лошадей стоят вместе сто динаров. Это относится и к верблюдам и к разным одеждам, но не к сынам Адама, так как тысяча негодных людей не стоит и одного хорошего человека». И он был прав, да помилует его Аллах.

Как-то я послал своего слугу в Дамаск по важному делу. Случилось, что атабек Зенги, да помилует его Аллах, взял тогда Хама и обложил Хомс³⁰. Дорога, по которой должен был возвращаться мой слуга, оказалась закрытой, и он направился в Баальбек, а потом в Триполи³¹. Там он нанял мула у одного христианина по имени Юнан. Тот довез его до условленного места, а потом простился с ним и вернулся. Мой слуга вышел с караваном, намереваясь добраться до Шейзара через горные крепости. Им повстречался человек, который

---

³⁰ По другим источникам, это событие произошло около 1130 года.

³¹ Кружным путем вместо прямой обычной дороги через Хомс и Хама.

сказал владельцам животных: «Не двигайтесь дальше! На вашем пути в таком-то месте шайка разбойников в шестьдесят-семьдесят человек, они захватят вас».

«Мы стояли, не зная, что делать, — рассказывал мой слуга.— Душа не мирилась с возвращением, но и двигаться вперед мы не решались из страха. Мы были в затруднении, как вдруг хозяин Юнан поспешно вернулся к нам. «Что с тобой, хозяин?» — спросили мы его. «Я услышал, что на вашей дороге разбойники, — отвечал он, — и пришел проводить вас. Поезжайте!» Мы доехали с ним до указанного места, и вдруг с горы спустилось множество разбойников, предполагавших нас задержать. Юнан встретил их и сказал: «Эй, молодцы, на место! Я — Юнан и они под моей защитой. Клянусь Аллахом, никто из вас не приблизится к ним!» И он, клянусь Аллахом, прогнал их всех, и они не съели у нас ни одной лепешки. Юнан шел с нами, пока опасность не миновала, а потом простился и уехал».

ВЕРНОСТЬ БЕДУИНА

Этот слуга рассказывал мне со слов сына правителя ат-Тура¹ следующее (мой слуга приехал со мной в Египет в пятьсот тридцать восьмом году²):

«Вот что мне рассказал сын наместника ат-Тура (ат-Тур — отдаленная область Египта вблизи владений франков, и когда аль-Хафиз ли-дин-Аллах³ хотел удалить кого-нибудь из эмиров, он назначал его правителем в ат-Тур): «Мой отец был назначен правителем в ат-Тур, и я выехал туда вместе с ним. Я очень любил охоту и однажды выехал поохотиться. На меня напал отряд франков, которые захватили меня и отвели в Бейт-Джибриль⁴, где заперли одного в подземелье. Властитель Бейт-Джибриля назначил за меня выкуп в две тысячи динаров. Я провел в подземелье целый год, и никто обо мне не спрашивал. Однажды я сидел в подземелье, как вдруг вход открыли и ко мне спустили бедуина. «Где тебя захватили?» — спросил я. «На дороге», — отвечал он. Он провел со мной несколько дней, и за него назначили пятьдесят динаров. Однажды он

¹ *Ат-Тур* — город на юго-западном побережье Синайского полуострова, у Суэцкого залива.

² В 1144 году.

³ Фатимидский халиф (1130 — 1149).

⁴ *Бейт-Джибриль* — укрепленный город на полпути между Газой и Иерусалимом.

сказал мне: «Если хочешь знать, никто, кроме меня, не спасет тебя из этого подземелья. Освободи же меня, чтобы я мог освободить тебя». Я подумал в душе: «Человек попал в беду и ищет для себя освобождение», — и ничего ему не ответил. Через несколько дней он опять повторил то же самое, и я сказал себе: «Клянусь Аллахом, надо постараться освободить его. Может быть, Аллах освободит меня в награду за это». Я крикнул тюремщика и сказал ему: «Передай господину, что я хочу поговорить с ним». Он пошел, возвратился, вывел меня из подземелья и привел к господину. «Я сижу у тебя в тюрьме целый год, — сказал я, — и никто не спрашивал обо мне и не знает, жив я или умер. Ты посадил вместе со мной бедуина и назначил за него пятьдесят динаров. Прибавь их к моему выкупу и позволь мне послать его к моему отцу, чтобы он меня выручил».

«Сделай так», — ответил он мне. Я вернулся и рассказал об этом бедуину, он вышел из подземелья, простился со мной и ушел. Я два месяца ожидал, что из этого выйдет, но не видел никаких последствий и не слышал никаких вестей. Я уже потерял надежду на бедуина, но как то ночью он вдруг проник ко мне через подкоп в стене подземелья и сказал: «Вставай! Клянусь Аллахом, я уже пять месяцев рою этот ход из деревни Харба, чтобы добраться до тебя».

Я встал, и мы вышли через этот ход. Он сломал мои цепи и доставил меня домой. Не знаю, чему мне больше удивляться: замечательной ли верности обещания или точности, с которой он прорыл ход сбоку подземелья». Когда Аллах, да будет ему слава, судит свершиться облегчению, как легки тогда пути к нему!

ВЫКУП ПЛЕННЫХ У ФРАНКОВ

Я часто ездил к королю франков¹ во время перемирия между ним и Джемаль ад-Дином Мухаммедом ибн Тадж аль-Мулуком², да помилует его Аллах, из-за долга моему отцу, да помилует его Аллах, лежавшего на короле Балдуине³, отце королевы, супруги короля Фулько, сына Фулько⁴. Франки стогнали ко мне пленных, чтобы я их выкупил, и я выкупал тех из них, кому Аллах облегчал освобождение. Один из франков, дьявол по имени Кильям Джиба⁵, выехал на своем корабле повоевать и захватил судно с магрибскими паломниками, которых было около четырехсот душ мужчин и женщин. Ко мне приходили все новые пленные с их владельцами, и я выкупил тех, кого был в состоянии выкупить. Среди них был один молодой человек, который приветствовал меня и сел, не говоря ни слова. Я

¹ Имеется в виду Фулько V, король иерусалимский (1131—1142).

² Правитель Дамаска (1139—1140), брат и преемник Шихаб ад-Дина Махмуда.

³ Балдуин II, король иерусалимский (1118—1131).

⁴ За Фулько была замужем старшая дочь Балдуина, Мелисанда; на второй был женат Боэмунд II антиохийский.

⁵ Европейскую форму имени установить по этой искаженной передаче затруднительно. (Под именем «Кильям», вероятно, кроется Гильом или Вильгельм.)

расспросил о нем, и мне сказали, что это аскет и что хозяин его дубильщик.

Я спросил последнего: «За сколько ты продашь мне вот этого?» — «Клянусь истиной моей веры, — воскликнул он, — я продам его не иначе как вместе с этим стариком, как я и купил их, за сорок три динара». Я выкупил их и выкупил еще нескольких для себя, а нескольких для эмира Му'ин ад-Дина⁶, да помилует его Аллах, всего на сто двадцать динаров. Я отвесил сколько было со мной денег, а остальное обещал заплатить.

Приехав в Дамаск, я сказал эмиру Му'ин ад-Дину, да помилует его Аллах: «Я выкупил для тебя пленных и предназначил их тебе. Со мной не было всей их стоимости, но теперь я у себя дома, и если ты хочешь их взять, заплати их цену, а если нет, я заплачу сам». — «Нет, — ответил эмир, — клянусь Аллахом, я сам заплачу их цену: ведь я больше всех людей хочу получить за них небесную награду». А Му'ин ад-Дин, да помилует его Аллах, быстрее всех людей устремлялся к совершению добра и приобретению за него воздаяния. Он отвесил их стоимость, а я через несколько дней вернулся в Акку.

У Кильяма Джиба оставалось тридцать восемь пленных, и среди них была жена одного из тех, кого великий Аллах освободил моими руками. Я купил ее у Кильяма, но не мог тогда заплатить за нее. Теперь я поехал к нему, да проклянет его Аллах, и сказал ему: «Продай мне еще десять из них». — «Клянусь истиной моей веры, — ответил он, — я продам только всех вместе». — «У меня нет с собой денег, чтобы заплатить за всех, — возразил я. — Я куплю часть их, а в следующий раз куплю остальных». Но он ответил: «Я продам тебе только всех сразу», и я уехал, а Аллах, да будет ему слава, предопределил всем убежать в ту же ночь. Жители деревень вокруг Акки все были из мусульман, и когда к ним приходил пленный, они прятали его и доставляли в области ислама. Этот проклятый пресле-

---

⁶ Му'ин ад-Дин Анар, везир дамасских Буридов и покровитель Усамы, жившего в это время в Дамаске (1138 — 1144).

довал их, но ни один из них не попался ему в руки, и Аллах, да будет ему слава, облагодетельствовал их освобождением. На следующее утро Кильям потребовал у меня платы за ту женщину, которую я купил и не заплатил денег, а она убежала вместе с остальными беглецами. Я сказал ему: «Выдай ее мне и возьми ее цену». — «Ее цена принадлежала мне со вчерашнего дня, прежде чем она убежала», — сказал он в ответ. Он заставил меня заплатить ее стоимость, и я заплатил, и это показалось мне пустяком, так я был рад освобождению этих несчастных.

ЧУДЕСНОЕ СПАСЕНИЕ

Вот удивительный случай спасения, когда его пред-
решит судьба и предопределит божественная воля.

Эмир Фахр ад-Дин Кара-Арслан ибн Сукман ибн
Ортук¹, да помилует его Аллах, несколько раз начи-
нал действия против города Амида², когда я был у него
на службе, но не достигал своей цели. Последнее пред-
приятие его было таково: с ним завязал сношения один
эмир из курдов, вербовавший войска в Амиде, с кото-
рым заодно было много его приближенных. Было реше-
но, что войско Фахр ад-Дина подступит к городу в на-
значенную ночь и что эмир подымет солдат на веревках
и Фахр ад-Дин овладеет Амидом. Фахр ад-Дин пору-
чил это дело служившему у него франку, которого зва-
ли Ярук; все войско ненавидело этого слугу и питало
к нему отвращение за его скверный характер. Ярук по-
ехал вперед с частью войска, а за ним последовали
остальные эмиры. Ярук замешкался в своем движении,
и эмиры опередили его у Амида. Курдский эмир со
своими сообщниками увидел войско с башни. Им спу-
стили веревки и сказали: «Поднимайтесь», — но ни

¹ Эмир области Хисн Кайфа в Диярбекре, у северной гра-
ницы Сирии, где жил Усама в 1164—1174 годах.

² Амид — главный город области Диярбекра в верхнем тече-
нии Тигра — находился в руках представителей другой линии
Ортукидов.

один из них не поднялся. Тогда они сошли с башни, сломали запоры у ворот города и сказали солдатам: «Входите», — но никто не вошел. Все это произошло потому, что Фахр ад-Дин доверился в таком важном деле глупому юноше, а не старейшим эмирам.

Обо всем этом узнал эмир Камаль ад-Дин Али ибн Нисан³, жители города и его войско. Они бросились на воинов Фахр ад-Дина, часть их перебили, другие сами кинулись в пропасть, а остальных забрали в плен. Один из тех, кто бросились в пропасть, протянул вперед руку, летя в воздухе, точно желая за что-то схватиться, и в руку ему попала одна из веревок, спущенных при наступлении ночи, по которым никто не поднялся. Он повис на ней и спасся, единственный из всех товарищей, только с его рук содрало веревкой кожу. Все это произошло в моем присутствии.

Утром правитель Амида бросился преследовать тех, кто действовал против него, и перебил их. Этот воин был единственным, кто спасся. Слава тому, кто, предупредив спасение, вырвет человека из пасти льва, и это ведь истина, а не притча.

---

³ *Камаль ад-Дин* — везир амидского князя и фактический правитель города.

В ПАСТИ ЛЬВА

В крепости аль-Джиср¹ был один наш товарищ из племени Бену Кинана² по имени Ибн аль-Ахмар. Он выехал верхом из крепости аль-Джиср, направляясь в Кафартаб по какому-то делу, и проезжал мимо Кафарнабуза, когда оттуда шел по дороге караван. Ехавшие с караваном увидели льва и закричали Ибн аль-Ахмару, в руке которого было блестящее копьё: «Эй, обладатель блистающего дерева! Возьмись за льва!» Устыдившись этих криков, он бросился на льва, и его лошадь споткнулась, и он упал. Лев подошел и присел над ним, но, так как Аллах пожелал спасти Ибн аль-Ахмара, лев был сыт. Он только укусил Ибн аль-Ахмара в лицо и в лоб, поранил ему лицо и стал лизать кровь, присев над ним, но не причиняя ему вреда. «Я открыл глаза, — рассказывал Ибн аль-Ахмар, — и увидел над собой пасть льва. Я выполз из-под него и снял с себя его лапу. Потом я ухватился за дерево, стоявшее поблизости, и полез на него. Лев увидел это и пошел следом, но я опередил его и взобрался на дерево, а лев разлегся под ним. На меня напало от этих ран мно-

¹ Крепость *аль-Джиср* («мост») охраняла мост через реку аль-Аси (Оронг) у Шейзара.

² Древнее арабское племя, от которого ведут свое происхождение и Мункызиды.

жество муравьев, так как муравьи ищут укушенных львами, как мыши ищут укушенных леопардами. Я увидел, — продолжал он, — что лев сел и наострил уши, как бы прислушиваясь, а затем поднялся одним прыжком и побежал. Оказалось, что по дороге приближался караван, и лев как будто услышал шум от него». Ехавшие узнали Ибн аль-Ахмара и отвезли его домой. Следы зубов льва остались у него на лбу и щеках, точно клейма от огня, да будет же слава Хранителю!

ХРАБРОСТЬ И НЕОСМОТРИТЕЛЬНОСТЬ

Продолжаю рассказ. Однажды мы разговаривали, вспоминая про сражения. Мой наставник, ученый шейх Абу Абдаллах Мухаммед ибн Юсуф, по прозванию Ибн аль-Мунира¹, да помилует его Аллах, внимательно слушал. «О учитель, — сказал я ему, — если бы ты сел на коня, надел кольчугу и шлем и опоясался бы мечом и взял бы копье и щит и если бы ты встал у площадки аль-Аси в теснине, где проходят франки, да проклянет их Аллах, ни один из них не миновал бы тебя». — «Нет, — ответил он, — клянусь Аллахом, все!» — «Но ведь они боялись бы тебя, не зная, кто ты», — возразил я. «Слава Аллаху, — сказал он в ответ, — но я-то сам себя знаю! О Усама, — добавил он, — разумный не станет сражаться». — «Но, учитель, — воскликнул я, — ты, значит, считаешь сумасшедшими такого-то и такого-то?» И я пересчитал ему имена доблестных героев из наших товарищей. «Я не то хотел сказать, — возразил он. — Я утверждаю только, что разум отсутствует во время сражения. Если бы ум не покидал человека, он бы не стал встречать лицом удары меча, а грудью стрелы и копья. Этого ведь не может требовать разум».

¹ Этот ученый, известный главным образом трудами по грамматике, был родом из Кафартаба; умер в 1109 году.

Мой наставник, да помилует его Аллах, был, однако, более сведущ в науке, чем в военном деле. Именно разум побуждает человека устремляться против мечей, копий и стрел из отвращения к действиям труса и бесславию. Доказательством этому служит то, что героем овладевает дрожь и трепет и он меняется в лице перед тем, как выйти в сражение, потому что раздумывает о нем и рассуждает сам с собой, что ему делать и какие опасности его ожидают. Душа пугается всего этого и чувствует отвращение, но лишь только он выйдет на бой и погрузится в его пучины, дрожь, трепет и изменение в лице проходят. Во всяком деле, где не участвует разум, обнаруживаются промахи и ошибки.

Вот случай такого рода: франки один раз обложили Хама², расположившись на ее полях, где были плодородные пашни, и разбили свои палатки среди этих пашен. Из Шейзара вышла шайка разбойников и бродила вокруг войска франков с намерением украсть у них что-нибудь. Они увидели в полях палатки, и на следующее утро один из них пошел к правителю Хама³ и сказал ему: «Сегодня ночью я сожгу все франкское войско». — «Если ты это сделаешь, — ответил ему правитель, — я щедро одарю тебя». Когда наступил вечер, разбойник вышел с несколькими сообщниками. Они подожгли посевы к западу от палаток, чтобы ветер гнал пламя на них. Ночь осветилась огнем, как день. Франки увидели разбойников, устремились на них и большую часть перебили. Спаслись только те, кто бросился в воду и переплыл на другую сторону. Вот результаты глупости и ее последствия.

Я видел нечто подобное, хотя это было и не на войне. Франки обложили Банияс⁴ большими силами, и с войском был патриарх. Он разбил большую палатку и

---

² По другим источникам, это произошло в 1117 году.

³ Правителем Хама в это время был неоднократно встречавшийся в воспоминаниях Усамы Шихаб ад-Дин Махмуд, сын Караджи.

⁴ Город в северной Палестине, у истоков Иордана. Около 1139 года он принадлежал атабеку Зенги, а в начале 1140 года был осажден крестоносцами во главе с королем иерусалимским Фулько.

устроил там церковь, где франки молились. Он назначил присматривать за церковью одного старого дьякона; тот выстлал землю хальфой и тростником; развелось много блох, и дьякону пришлось в голову сжечь хальфу и тростник, чтобы сгорели блохи. Он поджег траву, которая уже высохла, языки пламени поднялись, захватили палатку и превратили ее в пепел. У этого тоже не нашлось разума.

Вот нечто противоположное этому. Нам случилось однажды выехать в Шейзаре на охоту. С нами был мой дядя⁵, да помилует его Аллах, и много воинов. На нас напал лев, выскочивший из тростниковых зарослей, куда мы вошли, охотясь за рябчиками. Один боец-курд, которого звали Захр ад-Даула Бахтиар аль-Кубруси (он получил такое прозвище за свое нежное сложение⁶), бросился на льва. Он был один из мусульманских героев, да помилует его Аллах. Лев приблизился к Захр ад-Даула, его лошадь шарахнулась и сбросила его. Лев подошел к нему, а он поднял ногу, лежа на земле. Лев схватил ногу в пасть, но мы поспешили к нашему товарищу, убили льва и освободили его невредимым. «О Захр ад-Даула, — сказали мы ему, — почему ты протянул свою ногу к пасти льва?» Он ответил: «Мое тело, как вы знаете, слабо и худощаво, на мне надето только платье и плащ, и лучше всего прикрыта моя нога — на ней надеты наколенники, сандалии и высокие голенища. Я сказал себе: «Я отвлеку его этим от ребер, рук или головы, пока Аллах великий не пошлет облегчения». Разум не покинул этого человека даже в таком положении, когда он обыкновенно исчезает, а у тех других разума не оказалось. Человек нуждается в разуме больше, чем во всем другом, и разум одинаково похвальное качество и в умном и в глупом.

---

⁵ Правитель Шейзара Изз ад-Дин Абу-ль-Асакир-султан.

⁶ *Захр ад-Даула* значит «цветок династии».

БЛАГОРАЗУМНОЕ ПРАВЛЕНИЕ

Примером этого является такой случай: Роджер, властитель Антиохии¹, написал моему дяде следующее: «Я направил одного из своих рыцарей в Иерусалим по важному делу. Прошу тебя, пошли своих всадников встретить его у Аламеи и проводить до Рафанийи»². Мой дядя выехал сам и послал привести рыцаря к себе, и рыцарь, встретившись с ним, сказал ему: «Мой господин направил меня по делу, которое должно остаться в тайне, но я заметил, что ты человек умный, и расскажу тебе о нем». — «Откуда ты узнал, что я умный человек, когда ты не видел меня до этой минуты?» — спросил его дядя. «Я оттого узнал это, — ответил рыцарь, — что во всех областях, где я проходил, я видел разорение, а твоя область благоустроена. Я понял, что только твой ум и надзор содействовали ее процветанию». После этого он рассказал ему, по какому делу ехал.

Эмир Фадль ибн Абу-ль-Хайджа, правитель Ирбиля³, рассказал мне следующее:

¹ Рожер был князем Антиохии в 1112 — 1119 годах.

² Дорога от Аламеи до Рафанийи проходила мусульманскими владениями.

³ *Ирбиль* — укрепленный город в Месопотамии в двух днях пути к югу от Мосула. Усама был там, вероятно, во время походов с войском атабека Зенги около 1132 года.

«Мой отец Абу-ль-Хайджа рассказывал мне, что султан Медик-шах, как только прибыл в Сирию⁴, послал его к эмиру Ибн Мервану, правителю Диярбекра, передать ему: «Я требую тридцать тысяч динаров». — «Я встретился с ним, — рассказывал Абу-ль-Хайджа, — и изложил ему послание».

«Сначала отдохни, — сказал он мне, — а потом поговорим». Наутро он приказал свести меня в баню и прислал принадлежности для бани, все из серебра. Он прислал мне также перемену платья, и принесшие сказали моему банщику: «Все эти принадлежности — ваши». Когда я вышел из бани, я надел свое платье и вернул Ибн Мервану одежду и все остальные вещи. Он оставил меня на несколько дней, а потом велел приготовить для меня баню, не рассердившись за возвращение вещей. Мне принесли в баню все приборы для бани еще лучше первых, и перемену платья, которая была лучше предыдущей, и банщик Ибн Мервана сказал моему банщику то же самое, что говорил прежде. Я вышел из бани, надел свою одежду и возвратил ему принадлежности и платье. Он оставил меня дня на три — на четыре, а затем снова велел свести меня в баню, и мне принесли туда серебряные принадлежности, лучше предыдущих, и перемену платья, лучше прежней. Но когда я вышел из бани, я надел свое платье и вернул все Ибн Мервану. Когда я явился к эмиру, он сказал мне:

«О сын мой, я послал тебе одежду, которую ты не надел, и принадлежности для бани, которые ты не принял и возвратил. Что за причина этому?» — «О господин мой, — ответил я, — я пришел с поручением султана по делу, которое еще не закончено. Что же, я возьму, что ты мне пожаловал, и вернусь, а дело султана останется незаконченным? Выйдет, как будто я пришел только по своей нужде!» — «О сын мой, — отвечал эмир, — разве ты не заметил, в каком цветущем состоянии моя область, как многочисленны ее богатства и сады и как благоустроены ее селения? Можешь ли ты думать, что я погублю все это из-за тридцати тысяч динаров? Клянусь Аллахом, я уложил золото в мешки в са-

---

⁴ В 1086 году.

мый день твоего прибытия. Я ожидал только, чтобы султан проехал мимо моих владений и ты мог догнать его с деньгами, так как я боялся, что, если я предоставлю ему то, что он требовал, он потребует от меня вдвое больше, когда приблизится к моей области. Не тревожь же своего сердца, так как твое дело уже исполнено». После этого эмир прислал мне три перемены платья, которые я возвращал ему, когда он их присылал, а также всю утварь для бани, которую он присылал мне в те три раза. Я принял все это, и, когда султан проехал через Диярбекр, эмир дал мне деньги, а я увез их и догнал с ними султана».

В хорошем управлении большая польза для благосостояния страны. Это видно из следующего случая.

Атабек Зенги, да помилует его Аллах, посватался к дочери правителя Хилията⁵; ее отец умер, и мать управляла областью⁶. Хусам ад-Даула ибн Дильмадж тоже послал к ней сватов для своего сына, правителя Бадлиса⁷. Атабек с отличными войсками направился к Хилияту, избегая проезжих дорог, чтобы обойти Бадлис. Во время пути он проходил через горы, и мы делали привал, не разбивая палаток, и каждый выбирал себе место на дороге. Наконец мы достигли Хилията, и атабек расположился лагерем вокруг города.

Мы вошли в крепость Хилията и подписали договор о приданом невесты. Как только дело было решено, атабек приказал Салах ад-Дину⁸ взять большую часть войска и идти осаждать Бадлис. Мы вышли с наступлением ночи, а утром были у Бадлиса. Хусам ад-Даула, правитель Бадлиса, вышел и встретил нас на некотором расстоянии от города. Он поместил Салах ад-Дина на площади, прислал ему отличное угощение, выразил готовность служить ему и пил с ним на площади.

«О господин мой, — сказал он, — что ты мне прикажешь? Ты ведь недаром удалился от своих и затруднил

---

⁵ Город *Хилият*, расположенный на северо-западном берегу озера Ван, был в эту эпоху столицей Армении.

⁶ Событие относится к 1134 году.

⁷ *Бадлис* (Битлис) — город в Армении (около Хилията).

⁸ Имеется в виду Салах ад-Дин аль-Ягсыяни, наместник атабека Зенги в Хама.

себя походом». Салах ад-Дин ответил: «Атабек гневается за то, что ты посватался к девушке, которую он хотел взять в жены. Ты обещал ее родным десять тысяч динаров, и мы хотим получить их от тебя». — «Слушаю и повинуюсь», — ответил Хусам ад-Даула. Он тотчас же доставил ему часть денег и попросил отсрочить уплату остальных до назначенного им дня, и после этого мы возвратились обратно. Его область была в цветущем состоянии от хорошего управления, и он не потерпел никакого ущерба.

Это похоже на то, что случилось с Наджм ад-Даула Маликом ибн Салимом⁹, да помилует его Аллах.

Жоселен¹⁰ напал на ар-Ракку и на «Крепость»¹¹ и занял местности, расположенные вокруг. Он захватил пленных и угнал большие стада и расположился напротив крепости, от которой его отделял Евфрат. Наджм ад-Даула Малик сел в лодку вместе с тремя-четырьмя слугами и переехал к Жоселену через Евфрат. Между ними была давнишняя дружба, и Жоселен был многим обязан Малику. Жоселен подумал, что в лодке едет голец от Малика, но один из франков подошел к нему и сказал: «Это сам Малик сидит в лодке». — «Это неправда!» — воскликнул Жоселен, но к нему подошел другой воин и сказал: «Малик вышел из лодки. Он прошел мимо меня и идет сюда». Тогда Жоселен встал и вышел Малику навстречу. Он оказал ему почет и возвратил все захваченные стада и пленных, и если бы не разумное поведение Наджм ад-Даула, его область была бы опустошена.

---

⁹ Владелец крепости Джа'бара в верхнем течении Евфрата, между Бадлисом и ар-Раккой, наследовавший своему отцу в 1125 году.

¹⁰ Вероятно, Жоселен I, граф эдесский (1118 — 1131).

¹¹ Сокращение обычного названия «крепость Джа'бара».

ОТ СУДЬБЫ НЕ УИДЕШЬ

Когда пройдет назначенное время жизни, не будет пользы ни от доблести, ни от силы. Однажды я был свидетелем того, как войско франков пришло к нам, чтобы сразиться. Часть из нас вместе с атабеком Тугтегином¹ направилась к крепости аль-Джиср², чтобы осадить ее. Атабек и Ильгази ибн Ортук³ соединились с франками из Апамеи, чтобы воевать с войсками султана⁴. Военачальник Бурсук ибн Бурсук⁵ пришел с этими войсками в Сирию и остановился у Хама в воскресенье девятнадцатого мухаррема пятьсот девятого года⁶. Мы же сражались близ стен города с франками и, одержав над ними победу, отогнали их. С уходом франков мы успокоились. Я видел во время боя одного из наших товарищей, которого звали Мухаммед ибн Сейра. Это был юноша, отличавшийся большой силой.

¹ Тугтегин — дамаский атабек (1104 — 1128) из династии Буридов.

² Крепость охраняла мост через аль-Аси (Оронт).

³ Ортукид Наджм ад-Дин Ильгази, правитель Мардина в Верхней Месопотамии (1108—1122).

⁴ Имеется в виду сельджукский султан Мухаммед-шах (1105 — 1118).

⁵ Эмир Хамадана Бурсук был назначен главнокомандующим войсками султана Мухаммед-шаха в 1115 году.

⁶ 14 июня 1115 года.

На него напал франкский всадник, да проклянет его Аллах, и ударил копьём в бедро, так что копьё проникло в тело. Мухаммед схватил копьё рукой, когда оно оказалось в бедре, но франк стал тянуть его, чтобы захватить обратно. Мухаммед тоже тянул копьё, не выпуская его из рук. Копьё вертелось в бедре Мухаммеда, пока не пробуравило его. Мухаммед отнял у франка копьё, погубив сначала свое бедро, и через два дня умер, да помилует его Аллах.

Я видел в этот день, находясь на одном из флангов нашего войска во время боя, как франкский рыцарь напал на нашего всадника. Он ударил копьём его лошадь и убил ее, так что наш товарищ оказался на земле пешим. Я не видел, кто это такой, из-за дальности расстояния между нами и направил к нему свою лошадь, боясь за него из-за франка, который его ударил. Копьё застряло в теле лошади, и она лежала мертвой с вывалившимися кишками, а франк отъехал на некоторое расстояние, обнажил меч и стоял против нашего товарища. Когда я приблизился к нему, то увидел, что это сын моего дяди Насир ад-Даула Камиль ибн Мукаллад, да помилует его Аллах. Я остановился около него, вынул ногу из стремени и сказал: «Садись!» Когда он сел, я повернул голову своей лошади на запад, хотя город находился от нас к востоку. «Куда ты едешь?» — спросил мой двоюродный брат. «К тому, кто ударил копьём твою лошадь и ранил ее между ребрами», — ответил я. Насир протянул руку, схватил поводья лошади и воскликнул: «Тебе нельзя сражаться, когда на твоей лошади сидят два человека в полном облачении! Когда отвезешь меня в город, возвращайся и сражайся с ним». Я повернул назад, доставил Насира к своим и вернулся к этой собаке, но франк уже вошел в ряды войска.

ПОМОЩЬ АЛЛАХА

Я был свидетелем такого проявления милости Аллаха и его благого попечения.

Однажды франки, да проклянет их Аллах, расположились против нас с конницей и пехотой¹ так, что их отделяла от нас река аль-Аси. Вода в ней поднялась на большую высоту, так что франки не могли переправиться к нам, и мы не были в состоянии переправиться к ним. Франки разбили свои палатки на горах, а часть их спустилась к садам, расположенным в стороне. Там они пустили своих лошадей на скошенное поле, а сами легли спать. Молодые пехотинцы из Шейзара сняли доспехи и, сбросив одежду, взяли мечи, переплыли к спящим франкам и перебили часть их. Остальные франки, в большем числе, бросились на наших товарищей, но те кинулись в воду и переплыли обратно, а франкское войско спустилось с горы, точно поток. Около них была мечеть, которую называли мечетью Абу-ль-Маджда ибн Сумейи. В ней находился человек по имени Хасан Аскет. Он стоял на крыше мечети и усердно молился; на нем была черная шерстяная одежда. Мы его видели, но у нас не было к нему пути.

Франки подъехали к мечети, сошли с коней у ее ворот и поднялись к нему. Мы все говорили: «Нет мо-

¹ Имеются в виду события, вероятно, того же 1115 года.

щи и силы, кроме как у Аллаха! Они сейчас убьют его!» Но Хасан, клянусь Аллахом, не прервал своей молитвы и не двинулся с места. Франки спустились на землю, сели на коней и уехали, а он все стоял на месте и молился. Мы не сомневались, что Аллах, да будет ему слава, ослепил их и скрыл его от их взоров. Слава всемогущему, милосердному!

Вот еще пример милости великого Аллаха.

Когда царь румов² осадил Шейзар в пятьсот тридцать втором году³, из Шейзара вышло несколько пехотинцев, чтобы сразиться с ними. Румы разбили их и часть перебили, а часть взяли в плен. В числе пленников был один аскет из племени Бену Кардус, очень добродетельный человек из вольноотпущенников Махмуда ибн Салиха, правителя Алеппо⁴. Когда румы вернулись, они увели его с собой в плен, и он прибыл в Константинополь. Однажды его встретил там один человек и спросил: «Ты Ибн Кардус?» — «Да», — ответил он. «Пойдем, — сказал человек, — приведи меня к твоему господину». Он пошел с ним и представил его хозяину. Незнакомец стал его спрашивать о цене Ибн Кардуса, и они сошлись на сумме, удовлетворившей рума. Незнакомец заплатил деньги и дал Ибн Кардусу еще немного денег на расходы и сказал: «С этим ты доберешься до своих. Отправляйся и положишься на великого Аллаха». Ибн Кардус вышел из Константинополя и пробирался, пока не вернулся в Шейзар. Это пример освобождения, ниспосланного великим Аллахом, и его скрытой милости. Ибн Кардус так и не знал, кто выкупил и освободил его.

Нечто подобное случилось уже со мной, когда франки напали на нас по дороге из Мисра⁵ и убили Аббаса ибн Абу-ль-Футуха и его старшего сына Насра⁶. Мы

---

² Иоанн Комнен (1118—1143).

³ 1138 год.

⁴ Махмуд из династии Мирдасидов; умер в 1076 году.

⁵ Сражение, о котором Усама рассказывал в начале воспоминаний, произошло во время его переезда из Египта 7 июня 1154 года.

⁶ Наср был не убит, а взят в плен, как это указано в соответствующем месте.

спаслись бегством на гору, находившуюся поблизости, и наши люди взобрались на нее, спешившись и таща лошадей за собой. Я сидел на разбитой кляче и не мог идти. Я стал взбираться на гору, сидя на лошади; склоны горы были покрыты впадинами и острыми камешками, и каждый раз, когда лошадь на них наступала, они осыпались у нее под копытами. Я ударил свою клячу, чтобы заставить ее подниматься, но она не могла и стала сползать вниз, увлекая за собой камни. Я сошел с лошади и поднял ее, а сам стоял на месте, так как не мог идти. Один из воинов спустился ко мне с горы и, схватив меня за руку, втащил наверх, а я тянул свою клячу другой рукой, и, клянусь Аллахом, я не знал, кто это такой, и никогда больше его не видел.

В это тяжелое время искали награды за малейшее благодеяние и требовали за все возмещения. Я как-то выпил у одного тюрка глоток воды и дал ему за это два динара. После нашего прибытия в Дамаск тюрки не переставали заявлять мне о своих нуждах и добивались своих целей благодаря глотку воды, тогда как тот, кто помог мне, был точно ангел, которого великий Аллах, смилостивившись надо мной, послал мне на помощь.

Вот еще пример милости великого Аллаха, о котором рассказал мне Абдаллах «надсмотрщик».

«Однажды я был заключен в тюрьму в Хейзане⁷, — говорил он. — Меня заковали в цепи и всячески притесняли, а у дверей тюрьмы поставили сторожей. Я увидел во сне пророка, да благословит его Аллах и да приветствует, который сказал мне: «Разорви цепь и выходи». Я проснулся, дернул за цепь, и она упала с моей ноги. Я встал и пошел к двери, желая открыть ее, но увидел, что она уже открыта. Я прошел мимо сторожей к расщелине в стене и думал, что не смогу просунуть в нее даже руку, однако пролез через нее и упал на кучу навоза, на которой остались следы моего падения и отпечатки моей ноги. Я спустился в долину, окружавшую стены, вошел в пещеру на склоне горы с той же стороны и говорил себе: «Сейчас они выйдут, увидят следы и схватят меня». Но Аллах, да будет ему слава, послал

---

⁷ Город в Армении (около Ширвана).

снег, который покрыл эти следы. Сторожа вышли и ходили вокруг меня целый день, и я их видел. Когда же наступил вечер и я перестал опасаться погони, я вышел из пещеры и отправился в безопасное место».

Этот человек был надсмотрщиком на кухне Салах ад-Дина Мухаммеда ибн Айюба аль-Ягьсыяни⁸, да помилует его Аллах.

---

⁸ Наместник атабека Зенги в Хама (с 1135 года).

БОРЦЫ ЗА ВЕРУ И ВЕРНОСТЬ

Есть люди, которые сражаются, как сподвижники пророка, да будет доволен ими Аллах, ради рая, а не ради корысти или славы. Примером этого может служить следующее.

Когда франкский король аламанов¹, да проклянет его Аллах, прибыл в Сирию, к нему присоединились все франки, которые были в Сирии, и он двинулся на Дамаск². Войска и жители Дамаска выступили сразиться с ним. В числе их были законовед аль-Финдалави и старец-аскет Абдуррахман аль-Хальхули, да помилует их обоих Аллах. Оба они были из лучших мусульман. Когда они приблизились к франкам, законовед сказал Абдуррахману: «Не румы ли это?» — «Конечно»³, — ответил он. «До каких же пор мы будем стоять на месте?» — спросил законовед, и Абдуррахман воскликнул: «Иди во имя великого Аллаха!» Они выступили вперед и сражались, пока их обоих не убили в одном и том же месте, да помилует их обоих Аллах.

---

¹ Германский король Конрад III, участник неудавшегося второго крестового похода (1147—1149).

² В июле 1148 года.

³ Настоящих «румов», т. е. византийцев, в этой коалиции не было. Ученый, вероятно, не отличал их от «франков» — европейцев.

А некоторые люди сражаются из верности. Вот один такой пример. Среди наших солдат был один курд по прозвищу Фарис⁴, и был он всадник не только по имени, да еще какой всадник! Мой отец и дядя, да помилует их обоих Аллах, участвовали однажды в стычке с Сейф ад-Даула Халафом ибн Мула'ибом⁵, который тогда дурно поступил с ними и предал их. Он собрал и снарядил войско, а они совсем не были подготовлены к тому, что произошло. Причиной этого было то, что он прислал гонца с предложением: «Пойдем в Асфуна⁶! Там франки, и мы заберем их в плен». Наши товарищи прибыли туда раньше него, сошли с коней, направились к крепости и сделали под нее подкоп. Пока они сражались, подъехал Ибн Мула'иб и забрал лошадей тех из наших товарищей, которые спешились. Между ними и Ибн Мула'ибом началось сражение, после того как кончился бой с франками. Оно становилось все ожесточеннее, и Фарис-курд бился с особенной храбростью. Он был ранен несколько раз, но не переставал сражаться и получал все новые раны, пока не был ими усеян. По окончании боя мой отец и дядя, да помилует их обоих Аллах, проходили мимо Фариса, которого несли бойцы. Они остановились над ним и поздравили его со спасением. «Клянусь Аллахом, — сказал Фарис, — я сражался не ради спасения! Вы сделали мне много добра и благодеяний, и я никогда не видел вас в такой опасности, как сегодня. Я сказал себе: «Буду сражаться впереди вас, чтобы отблагодарить вас за ваши благодеяния, и буду убит перед вами».

Аллах, да будет ему слава, predetermined Фарису выздороветь от этих ран. Он отправился в Джабала⁷, где находился Фахр аль-Мульк ибн Аммар⁸, а франки были в Ладикии⁹. Несколько всадников из конницы

⁴ Арабское *фарис* значит «всадник, рыцарь».

⁵ Временный правитель Апаеи, убитый в 1106 году.

⁶ *Асфуна* — укрепленный город около аль-Маарры, к западу от Кафартаба.

⁷ Приморский город к югу от Ладикии.

⁸ Бывший эмир Триполи. После взятия этого города крестоносцами (в 1109 г.) одно время вел борьбу с ними из Джабала.

⁹ Ладикия одно время принадлежала Мункызидам, но с 1108 года окончательно перешла к Антиохийскому княжеству.

Фахр аль-Мулька выступили из Джабала в Ладикию, а всадники Ладикии выступили оттуда, намереваясь сделать набег на Джабала. Оба отряда расположились на дороге, и между ними был пригорок. Один франкский всадник поднялся на пригорок со стороны их отряда, чтобы осмотреть местность, а Фарис-курд влез с другой стороны, чтобы сделать разведку для своих товарищей. Оба всадника встретились на гребне холма и бросились друг на друга. Они одновременно ударили одного копьями, и оба упали мертвыми. Лошади продолжали бросаться друг на друга на холме, хотя оба всадника были убиты.

В нашем войске был сын этого Фариса по имени Аллан. У него была прекрасная лошадь и отличные доспехи, но он не был похож на своего отца. Однажды на нас напал Танкред, властитель Антиохии, и вступил с нами в бой еще прежде, чем разбил палатки¹⁰. Этот Аллан, сын Фариса, сидел на хорошей сивой лошади, на одной из лучших лошадей. Он стоял на пригорке, когда один франкский рыцарь напал на него, а он как будто не обратил на это внимания. Франк ударил его лошадь копьём в шею и проткнул ее. Лошадь поднялась на дыбы и сбросила Аллана. Франк поехал обратно, а рядом с ним шла лошадь, у которой в шее торчало копьё, и казалось, будто она идет сбоку, гордясь своей прекрасной добычей.

---

¹⁰ Речь идет, по-видимому, о событиях весны 1110 года.

СЛУЧАИ С ЛОШАДЬМИ

Если уже упоминать о лошадях, то между ними есть терпеливые, как среди людей, а есть и слабые. В нашем войске, например, был один курд по имени Камиль аль-Маштуб, человек доблестный, благочестивый и достойный, да помилует его Аллах. У него была черная, стойкая, как верблюд, лошадь. Как-то он столкнулся в бою с франкским рыцарем, и тот ударил его лошадь в шейные связки. Шея лошади свернулась на сторону от силы удара, и копьё, пройдя через основание шеи, пронзило бедро Камиля аль-Маштуба и вышло с другой стороны. Но ни лошадь, ни всадник не пошатнулись от этого удара. Я видел рану на бедре Камиля после того, как она затянулась и зажила. Эта рана казалась больше всех, какие только бывают.

Лошадь Камиля выздоровела, и он снова участвовал на ней в боях. Он встретился однажды в сражении с франкским рыцарем, и тот ударил его лошадь в лоб и пронзил его. Но лошадь не покачнулась и уцелела и после второй раны. Когда рана затянулась и кто-нибудь накладывал ладонь руки на лоб лошади там, где была рана, ладонь оказывалась одинаковой ширины с этой раной. Вот удивительный случай, происшедший с этой лошадью. Мой брат Изз ад-Даула Абу-ль-Хасан Али¹,

¹ Старший брат Усамы, покинувший вместе с ним Шейзар и умерший в Газе в 1152 году.

да помилует его Аллах, купил ее у Камиля аль-Маштуба. Она стала тяжелой на бегу, и он отдал ее как залог дружбы, которая была у нас с одним франкским рыцарем из Кафартаба. Лошадь пробыла у него год и пала. Тогда он прислал к нам, требуя ее стоимость. «Ты купил эту лошадь, ездил на ней, и она пала у тебя,—сказали мы. — Как же ты требуешь за нее плату?» — «Вы напоили ее чем-то, от чего умирают через год»,— ответил нам франк. Мы удивились его глупости и ограниченности его ума.

Однажды подо мной была ранена лошадь у Хомса². Удар пронзил ей сердце, и в нее попало множество стрел. Она вынесла меня с поля сражения, хотя кровь шла у нее из ноздрей, как из сита, а я ничего не подозревал. Лошадь довезла меня до моих товарищей и пала.

Другая лошадь получила подо мной три раны у Шейзара во время войны с Махмудом ибн Караджей. Я продолжал сражаться на ней и, клянусь Аллахом, не знал, что она ранена, так как ничего особенного в ней не заметил.

Что касается слабости лошадей и чувствительности их к ранам, то вот пример этому.

Войско Дамаска однажды обложило Хама. Этот город принадлежал тогда Салах ад-Дину ибн Айюбу аль-Ягысьяни, а Дамаск — Шихаб ад-Дину Махмуду ибн Бури ибн Тугтегину. Я был в Хама, когда враги подошли к городу с большими силами. Правителем Хама был Шихаб ад-Дин Ахмед, сын Салах ад-Дина; он находился тогда на Тель-Муджахид. Хаджиб Гази ат-Тули приехал к нему и сказал: «Наши пехотинцы разошлись, и их шлемы блестят среди палаток. Враги сейчас двинутся на наших людей и погубят их». — «Отправляйся и вороти наших», — сказал Шихаб ад-Дин. «Клянусь Аллахом, — ответил хаджиб, — никто не сможет их воротить, кроме тебя или такого-то»; — он указывал на меня.

---

² Вероятно, во время войны между Мункызидами и сыновьями Караджи, правителями Хомса и Хама (около 1115—1124 гг.).

Шихаб ад-Дин сказал мне: «Ты выйдешь и воротишь их». Я снял с одного из моих слуг кольчугу, которая была на нем, и надел ее. Затем я вышел и воротил сперва наших людей палицей. Подо мной была светло-гнедая лошадь, одна из самых породистых и рослых. Когда я воротил людей, враги уже двинулись на нас, и ни один всадник, кроме меня, не оставался вне стен Хама. Некоторые из них вошли в город, уверенные, что иначе их захватят в плен; другие спешились и были в моем отряде. Когда враги напали на нас, я осадил лошадь назад, повернувшись к ним лицом, а когда они отступили, я медленно последовал за ними вследствие тесноты и скопления людей. В ногу моей лошади попала стрела и пронзила ее. Лошадь упала вместе со мной, поднялась и снова упала. Я стал так сильно бить ее, что бойцы моего отряда сказали мне: «Войди в бастион, сядь на другую лошадь». — «Клянись Аллахом, — воскликнул я, — я не сойду с нее». Я видел у этой лошади такую слабость, какой еще не видел ни у одной.

Вот пример выносливости лошадей.

Тирад ибн Вухейб, нумейрит, участвовал в сражении племени Бену Нумейр. Они убили Шамс ад-Даула Салима ибн Малика, правителя ар-Ракки, и овладели городом³. Бой шел между ними и его братом Шихаб ад-Дином Маликом ибн Шамс ад-Даула⁴. Под Тирадом ибн Вухейбом была породистая лошадь большой ценности. Она получила рану в бок, и кишки у нее вывалились. Тирад завязал их ремнем, чтобы лошадь не наступила на них и не разорвала, и продолжал сражаться до конца боя. Лошадь вернулась с ним в ар-Ракку и там пала.

---

³ Событие относится к 1125—1128 годам.

⁴ Правитель крепости Джа'бара в верхнем течении Евфрата

ГОТОВНОСТЬ К БОЮ

Продолжаю. Упоминание о лошадях напомнило мне то, что случилось у меня с Салах ад-Дином Мухаммедом ибн Айюбом аль-Ягысьяни, да помилует его Аллах. А именно, царь эмиров атабек Зенги, да помилует его Аллах, расположился напротив Дамаска в пятьсот тридцатом году¹ в области Дарайя². Властитель Баальбека Джемаль ад-Дин Мухаммед ибн Бури ибн Тугтегин³, да помилует его Аллах, прислал к нему гонца с извещением, что он идет к нему. Он выступил из Баальбека и направился к атабеку. До того дошли сведения, что войска Дамаска выступили из города, намереваясь захватить Джемаль ад-Дина. Атабек приказал Салах ад-Дину направиться с нами навстречу Джемаль ад-Дину и отразить от него дамаскинцев.

Посланный Салах ад-Дина пришел ко мне ночью и передал его приказ: «Садись на коня». Моя палатка была рядом с палаткой Салах ад-Дина. Он уже сел на коня и стоял у своей палатки. Я сейчас же вскочил на лошадь.

---

¹ Осада Дамаска атабеком Зенги относится к 532 году хиджры (1137 — 1138 гг.).

² *Дарайя* — селение в четырех милях от Дамаска.

³ Брат дамаского атабека Шихаб ад-Дина Махмуда, враждовавший с ним.

«Ты знал о том, что я сел на лошадь?» — спросил Салах ад-Дин. «Нет, клянусь Аллахом», — отвечал я. «Как только я послал к тебе, — продолжал он, — ты сейчас же сел на лошадь». — «О господин мой, — сказал я, — мой конь ест свой ячмень, а стремянный взнуздывает его и садится у входа в палатку, держа коня за поводья, а я надеваю доспехи, опоясываюсь мечом и так ложусь спать. Когда ко мне пришел твой посланный, ничто меня уже не задерживало».

Салах ад-Дин стоял на месте, пока к нему не присоединилась часть войска. «Наденьте оружие», — сказал он. Большинство присутствующих было уже одето, а я стоял рядом с ним. «Сколько раз буду я говорить: наденьте оружие!» — закричал Салах ад-Дин. «О господин мой, — сказал я, — не меня ли ты имеешь в виду?» — «Тебя», — ответил Салах ад-Дин. «Клянусь Аллахом, я не могу надеть доспехов, — отвечал я. — Теперь только начало ночи, а под моим казакином две кольчуги, одна над другой. Когда я увижу врага, я надену казакин».

Салах ад-Дин умолк, и мы двинулись в путь. Утром мы были у Думейра⁴. «Что же ты не сойдешь с коня и не поешь немного, — спросил Салах ад-Дин, — ты ведь проголодался оттого, что не спал ночь». — «Прикажи только», — ответил я. Мы спешили, но еще не расположились на земле, как Салах ад-Дин спросил: «Где твой казакин?» Я приказал слуге принести его и вытащил его из мешка. Я вынул нож, распорол казакин на груди и показал край двух кольчуг. В его нижней части была франкская кольчуга, а над ней до середины его другая; у каждой из них была подкладка, шерсть и заячий мех. Салах ад-Дин обернулся к своему слуге и сказал ему что-то по-тюркски, а я не понял, что он говорит. Слуга привел к нему гнедого коня, похожего на массивную скалу, высеченную из вершины горы, которого подарил ему атабек в это время. Салах ад-Дин сказал: «Эта лошадь подходит к этому казакину, дай ее слуге такого-то», — и слуга Салах ад-Дина передал ее моему слуге.

---

⁴ Местность около самого Дамаска.

ПРИСУТВИЕ ДУХА И ХРАБРОСТЬ УСАМЫ

Я продолжаю. Мой дядя Изз ад-Дин, да помилует его Аллах, требовал от меня присутствия духа в бою и испытывал меня вопросами. Однажды мы участвовали в одной из войн с правителем Хама¹. Он снарядил и собрал войско, расположился в одной из деревень в области Шейзара и принялся поджигать и грабить. Мой дядя выбрал из войска около шестидесяти или семидесяти всадников и сказал мне: «Возьми их и иди к врагам».

Мы поскакали к ним и встретились с их конными разведчиками; мы обратили их в бегство, разбили их и выбили из того места, которое они заняли. Я послал одного из наших всадников к дяде и отцу, да помилует их обоих Аллах, а они стояли на месте с остальным войском и множеством пехоты, и велел гонцу сказать им: «Идите с пехотой, я уже разбил их». Они двинулись ко мне, и когда они приблизились, мы бросились на врагов и разбили их. Враги бросились со своими лошадьми в Шаруф² и переправились через него вплавь, хотя вода была высока, и ушли, а мы вернулись с победой.

---

¹ Шихаб ад-Дин Махмуд, сын Караджи (1115—1124).

² Один из притоков аль-Аси (Оронта).

Мой дядя сказал мне: «Что ты прислал мне передать?» — «Я велел сказать тебе, — ответил я, — чтобы ты двинулся с пехотой, так как мы их разбили». — «С кем ты прислал ко мне это известие?» — продолжал дядя. Я ответил: «С рабом Реджебом». — «Верно, — сказал дядя. — Я вижу, что ты сохранил присутствие духа и что сражение тебя не испугало».

В другой раз мы бились с войсками Хама, и Махмуд ибн Караджа призвал на помощь, чтобы сразиться с нами, войска своего брата Хайрхана ибн Караджи, властителя Хомса. В это время у них появился обычай носить составные копыя, прикрепляя одно к другому, так что длина их доходила до двадцати или восемнадцати локтей. Передо мной остановился один их отряд, а я был во главе отряда из пятнадцати всадников. На нас бросился из их рядов Ульван Иракский, один из их доблестных героев. Когда он приблизился к нам, мы не тронулись с места, и он возвратился, таща копьё за собой. Я увидел, что копьё волочится по земле, точно канат, и он не может его приподнять. Я пустил на Ульвана свою лошадь и ударил его копьём, а он уже доехал к своим товарищам, и их знамена развевались над моей головой. Тут подоспели мои товарищи, среди которых был мой брат Беха ад-Даула Мункыз, да помилует его Аллах, и обратили их в бегство. Половина моего копыя сломалась в казакине Ульвана. Мы были вблизи от моего дяди, который меня видел, и, когда бой кончился, он спросил: «Куда ты ударил Ульвана Иракского?» — «Я метил ему в спину, — ответил я, — но ветер отклонил мое копьё, и оно попало ему в бок». — «Верно, — сказал дядя. — Ты не потерял присутствия духа в это время».

Мой отец, да помилует его Аллах, никогда не удерживал меня от сражения и опасных предприятий, хотя очень любил меня и я видел от него много ласки и заботы. Однажды у нас в Шейзаре были франкские и армянские рыцари, заложники за франкского короля Балдуина ³, который должен был заплатить выкуп Ху-

³ Балдуин II, король перусалимский (1118—1131).

сам ад-Дину Тимурташу, сыну Ильгази⁴, да помилует его Аллах. Когда они уплатили все сполна и собирались вернуться в свою страну, Хайрхан, правитель Хомса, выслал против них своих всадников, и те устроили засаду около Шейзара.

Когда заложники направились в путь, эти всадники бросились и захватили их. Поднялся крик, и мой отец и дядя, да помилует их обоих Аллах, сели на коней и стали на месте. Всякого, кто подъезжал к ним, они посылали за этими всадниками. Подъехал и я, и отец сказал мне: «Поезжай за ними со своими людьми, бросьтесь на них и освободите заложников». Я поехал вслед за всадниками и нагнал их после того, как проскакал большую часть дня; я освободил тех, кого они захватили в плен, и сам забрал нескольких всадников из Хомса. Я восторгался словами моего отца: «Бросьтесь на этих всадников».

Раз я был с ним, да помилует его Аллах, когда он стоял в одной из комнат своего дома. Вдруг громадная змея свесила голову со сводчатого потолка галереи, бывшей в доме. Отец стоял и смотрел на нее. Я принес лестницу, стоявшую рядом с домом, поставил ее под змеей и стал взбираться к ней. Мой отец видел это, но не удерживал меня. Я вытащил из-за пояса маленький нож и опустил его на шею змеи, которая спала. Между моим лицом и головой змеи было меньше локтя. Я стал пилить ей голову, а она вылезла вся и обвилась вокруг моей руки. Наконец я отрезал ей голову и бросил ее в комнату мертвой.

Но я видел его, да помилует его Аллах, также тогда, когда мы вышли на охоту на льва, который появился около крепости аль-Джиср. Когда мы приехали туда, лев бросился на нас из чащи, где прятался. Сначала он ринулся на всадников, а потом остановился. Я и мой брат Беха ад-Даула Мункыз, да помилует его Аллах, стояли между львом и отрядом, где были мой отец и дядя, да помилует их обоих Аллах. С нами было много воинов. Лев лежал на краю реки, бил грудью о землю

⁴ *Тимурташ* — сын и преемник Ильгази, мардинский Ортукид (1122—1152).

и рычал. Я бросился на него, но отец закричал мне: «Не приближайся к нему, сумасшедший, он схватит тебя!» Но я ударил его копьем, и, клянусь Аллахом, он не двинулся с места и тут же умер.

Я не видел, чтобы отец удерживал меня от боя когда-нибудь, кроме этого раза. Аллах, великий и славный, создал своих тварей разнообразными по характеру и по природе: он создал белых и черных, красивых и безобразных, высоких и низких, сильных и слабых, храбрых и трусливых согласно со своей мудростью и всеобъемлющей мощью.

СУДЬБА

Я видел одного молодого туркмена из сыновей эмиров, бывших на службе у царя эмиров атабека Зенги, да помилует его Аллах. В этого юношу попала стрела, но не вошла в кожу и на глубину ячменного зернышка. Он сделался вялым, его члены расслабли, он лишился речи, и рассудок словно покинул его. А это был человек, подобный льву, самый крупный среди людей. К нему привели врача и хирурга. Врач сказал: «С ним не случилось ничего страшного, но, когда он будет ранен вторично, он умрет». Этот туркмен оправился и стал двигаться и ездить верхом, как прежде, но через некоторое время его поразила другая стрела, нанесла ему еще более легкую и безвредную рану, и он умер.

Я видел нечто похожее на это.

У нас в Шейзаре было два брата, которых звали Бену Маджаджу. Имя одного было Абу-ль-Маджд, а другого звали Мухасин. Они арендовали мельницу на мосту за восемьсот динаров. Около мельницы была бойня для баранов, которых били городские мясники, а следы крови убитых животных привлекали ос. Однажды Мухасин ибн Маджаджу проходил на мельницу и его ужалила оса; у него сделался паралич одной половины тела, он лишился речи и был близок к смерти. Он оставался в таком положении некоторое время, затем

оправился и долго не ходил на мельницу. Его брат Абу-ль-Маджд бранил его и говорил: «О брат мой, мы оба наняли эту мельницу за восемьсот динаров, а ты не заходишь на нее и не желаешь взглянуть. Завтра мы не сможем заплатить аренду и умрем в тюрьме». И Мухасин ответил ему: «Ты хочешь, чтобы меня ужалила другая оса и убила?» — а на другой день он пошел на мельницу, его ужалила оса, и он умер. Самое легкое становится тяжелым, когда кончится земной предел, и предзнаменования иногда связаны со словами.

Нечто подобное произошло, когда у нас в области Шейзара появился лев. Мы выехали на него и увидели, что слуга эмира Сабика ибн Вассаба ибн Махмуда ибн Салиха, которого звали Шаммас, пасет в этом месте свою лошадь. «Где лев?» — спросил его мой дядя. «Вон в этой заросли», — ответил Шаммас. «Иди туда впереди меня», — сказал мой дядя. «Ты хочешь, — возразил тот, — чтобы лев напал на меня и растерзал». Он пошел впереди дяди, а лев вышел к нему навстречу, как будто его кто-нибудь послал к Шаммасу, схватил его и убил. Из всех присутствующих погиб один только Шаммас, и льва тут же убили.

СЛУЧАИ СО ЛЬВАМИ

Однажды я видел со стороны льва нечто такое, чего никогда не мог предполагать: я не воображал, что львы, как и люди, бывают храбрые и бывают трусливые. Как-то раз пастух, который пас лошадей, прискакал к нам и сказал: «В чаще в Телль ат-Тулуль три льва». Мы сели на коней и поехали туда. Оказалось, что там львица и еще два льва. Мы рыскали в чаще, львица выскочила и бросилась на наших людей. Я остановился, а мой брат Беха ад-Даула Абу-ль-Мугис Мункыз, да помилует его Аллах, кинулся на нее, ударил копьем и убил; копье сломалось в теле львицы.

Мы возвратились в чащу, и на нас выскочил один из львов и погнал наших людей. Я и мой брат Беха ад-Даула встали ему поперек дороги, ожидая, когда он вернется, отогнав лошадей. Ведь если лев уйдет со своего места, он непременно и без сомнения должен туда вернуться. Мы повернули наших лошадей к нему задом и обратили на него свои копья. Мы думали, что он ринется на нас и мы проткнем его копьями и убьем, но не успели мы опомниться, как он помчался на нас точно ветер. Он схватил лошадь одного из наших всадников, которого звали Са'даллах аш-Шейбани, и свалил ее. Тогда я ударил льва копьем и вонзил его в середину его тела, и лев умер на месте, а мы возвратились к дру-

тому льву. С нами было около двадцати человек армянских лучников. Лев, самый огромный из трех, вышел из логовища; он пошел на нас, и армяне встретили его стрелами. Я стоял с армянами рядом, выжидая, пока он бросится на них и схватит кого-нибудь, чтобы потом ударить его копьем. Лев ходил, и каждый раз, когда в него попадала стрела, он ревел и взмахивал хвостом. Я говорил себе: «Сейчас он кинется на них», — но он все ходил, и это продолжалось до тех пор, пока он не пал мертвым. Я увидел со стороны этого льва нечто такое, чего никак не предполагал.

Позже я видел¹ со стороны одного льва нечто еще более удивительное. В Дамаске был львенок, которого воспитал у себя укротитель. Он вырос и стал гонять лошадей и обижать народ. Как-то раз, когда я был у эмира Му'ин ад-Дина², да помилует его Аллах, ему сказали: «Этот лев обижает народ, и лошади пугаются его. Он постоянно торчит на дороге». И действительно, этот лев день и ночь сидел на каменной скамье вблизи дома Му'ин ад-Дина. Эмир сказал пришедшим: «Передайте укротителю, чтобы он привел льва сюда». Затем он обратился к дворецкому и сказал ему: «Выведи из бойни при кухне ягненка и оставь его во дворе, чтобы мы могли посмотреть, как лев растерзает его».

Дворецкий привел ягненка во двор, а укротитель вошел туда вместе со львом и спустил его с цепи, которая была у льва на шее. Как только ягненок увидел льва, он бросился на него и ударил рогами. Лев пустился бежать и стал кружить вокруг бассейна, а ягненок бежал сзади, гнал его вперед и бил рогами. Мы не могли удержаться от смеха, и эмир Му'ин ад-Дин, да помилует его Аллах, сказал: «Это злосчастный лев. Выведите его отсюда и зарежьте, снимите шкуру и принесите ее сюда». Его зарезали и сняли шкуру, а ягненок был спасен от смерти.

Еще один удивительный случай со львом. Один лев появился в области Шейзара. Мы выехали к нему вместе с пехотинцами из городского войска; среди них был

¹ Рассказ относится ко времени первого пребывания Усамы в Дамаске (1138—1144).

² Покровитель Усамы, первый везир дамасских Буридов.

один слуга того господина, которому жители гор оказывали повиновение и почти поклонялись³. С этим слугой была его собака. Лев выскочил на лошадей, и они разбежались перед ним от испуга. Лев ринулся на пехотинцев и, схватив этого самого слугу, присел над ним. Собака вскочила льву на спину; он бросил человека и вернулся в чашу. Этот слуга, смеясь, явился к моему отцу, да помилует его Аллах. «О господин мой, — сказал он, — клянусь твоей жизнью, он не ранил меня и не принес мне вреда». Льва убили, а этот человек вернулся к себе и умер в ту же ночь. Он не получил никакой раны, но у него разорвалось сердце. Я пришел в восторг от храбрости этой собаки перед львом, тогда как все животные бегут от льва и сторонятся его.

Однажды я смотрел, как голову льва несли к одному из наших домов, и было видно, как кошки бегут из этого дома и бросаются с крыш, хотя они никогда раньше не видели льва. Мы же снимали со льва шкуру и бросали мясо из крепости к подножию бастиона. Ни собаки, ни какая-либо птица не приближались к нему, а когда орлы, завидев мясо, спускались к нему, то потом, подлетев ближе, начинали кричать и улетали.

Как похож страх животных перед львом на страх птиц перед орлом! Когда цыпленок, который никогда не видел орла, заметит его, он начинает кричать и пускается бежать от страха, ибо Аллах великий вложил в сердца остальных животных страх перед орлом и львом.

Если же говорить еще о львах, то у нас было два брата, которых звали Бену-р-Руам; это были гонцы, ходившие туда и обратно из Шейзара в Ладикию, которая принадлежала моему дяде Изз ад-Даула Абу-ль-Мурхафу Насру⁴. В Ладикии находился его брат Изз ад-Дин Абу-ль-Асакир-султан⁵, да помилует их обоих Аллах, и эти два скорохода носили письма от одного моего дяди к другому. Они рассказывали: «Однажды мы вышли из Ладикии и поднялись на перевал аль-Ман-

³ Текст не вполне ясен; быть может, имеется в виду глава ассасинов — «старец горы», как его называли крестоносцы.

⁴ Старший дядя Усамы, правитель Шейзара (1082—1098).

⁵ Впоследствии правитель Шейзара (после смерти брата).

да. Это был очень высокий перевал, который возвышался над окружающей равниной. Мы увидели льва, который лежал у реки, протекавшей под холмом, и остановились на месте, не решаясь спуститься из страха перед львом. Вдруг мы увидели, что приближается какой-то человек; мы закричали ему и замахали рукой одеждой, предостерегая его от льва. Но он не слушал нас, натянул свой лук, наложил на него стрелу и направился ко льву. Лев увидел этого человека и прыгнул на него, но он выстрелил в льва, попал ему прямо в сердце и поразил его, а затем подошел ко льву и прикончил его. Он вытащил стрелу из тела льва и пошел к реке. Там он снял сапоги, разделся и, бросившись в воду, стал мыться. Потом он вышел из воды, оделся на наших глазах и стал выжимать волосы, чтобы их высушить. Потом он надел один сапог, прилег на бок и долго пробыл в таком положении. «Клянемся Аллахом, — сказали мы, — он молодец, но перед кем же он хвастается?» Мы спустились к нему, а он все оставался в том же положении, и нашли его мертвым. Мы не понимали, что с ним случилось, но, сняв с его ноги сапог, мы нашли в нем маленького скорпиона; он ужалил этого человека в большой палец, и человек тотчас же умер. Мы удивились этому силачу, который убил льва, а сам был убит скорпионом величиной в палец. Да будет слава Аллаху всемогущему, проявляющему свою волю на тварях!»

Я продолжаю.

Я выдержал со львами много боев, которых мне не перечесть, и убил из них столько, что никто не может в этом сравниться со мной, хотя во многом другом у меня есть соперники; я приобрел такой опыт и умение в бою со львами, какого не имеет никто, кроме меня. Скажу еще, что львы, как и другие дикие животные, боятся сынов Адама и бегут от них. Лев беспечен и ленив, пока не ранен, а когда получит рану, то действительно становится львом; тогда-то и следует его бояться. Если он выйдет из леса или чащи и погонится за лошадью, он непременно вернется обратно туда же, откуда вышел, даже если на его дороге будет огонь. Я знал это по опыту и, когда лев бросался на лошадей, я становился на дороге, по которой он должен был вер-

нуться, прежде чем его ранят; а когда он возвращался, я позволял ему подойти ко мне, ударял копьём и убивал.

Что же касается леопардов, то бой с ними тяжелее, чем бой со львами, из-за их легкости и больших прыжков. Они селятся только в пещерах или расщелинах, как гиены, а львы лежат только в берлогах или чашах.

СЛУЧАИ С ЛЕОПАРДАМИ

Однажды у нас в одной из деревень области Шейзара, называемой Муарзаф, появился леопард. Мой дядя Изз ад-Дин, да помилует его Аллах, выехал ему навстречу. Он послал ко мне всадника, когда я уже сидел на коне, чтобы ехать по своему делу, с приказом: «Поезжай вслед за мной к Муарзафу». Я догнал его, и мы поехали к тому месту, где, по рассказам, был леопард, но не увидели его там. В этом месте была расщелина; я слез с лошади, держа в руках копьё, и сел у края расщелины. Она была неглубока, приблизительно в человеческий рост; сбоку ее было какое-то отверстие вроде норы. Я сунул копьё в это отверстие и пошевелил его. Леопард высунул оттуда голову, чтобы схватить копьё. Когда мы узнали, что он в этом месте, некоторые мои товарищи спешили вместе со мной, и один из них тыкал копьём в это отверстие, а другой ударял леопарда, когда он высовывался. Всякий раз, как он хотел выскочить из рва, мы колотили его копьями, пока не убили. Он был громадных размеров и съел столько животных в этой деревне, что отяжелел и не мог защитить себя.

Леопард, единственный из всех животных, прыгает более чем на сорок локтей. В церкви местечка Хунак ¹

¹ Хунак — одна из крепостей, защищавших аль-Маарру, к северо-востоку от Шейзара.

было окошко на высоте сорока локтей; каждый полдень туда прыгал леопард и спал там до конца дня, а потом выпрыгивал оттуда и уходил. В это время через Хунак проезжал франкский рыцарь по имени Сир Адам, один из франкских дьяволов. Ему рассказали историю леопарда. «Когда вы увидите его, известите меня», — сказал он. Леопард пришел по обычаю и прыгнул в окно. Один из крестьян пошел и рассказал об этом Сир Адаму. Тот надел свою кольчугу, сел на коня, взял щит и копье и поехал к церкви. Она была в развалинах, и только одна из ее стен еще стояла, та самая, в которой было окно. Когда леопард увидел рыцаря, он прыгнул на него из окна, хотя тот сидел на лошади, сломал ему спину и убил его. После этого леопард ушел, а хунакские крестьяне прозвали его «леопард—борец за веру».

Одна из особенностей леопарда та, что, когда он ранит человека, и на того помочится мышь, он умрет, а мышь вообще не уходит от раненного леопардом, пока ему не сделают плот и не посадят на воду. Вокруг него привязывают кошек, так как опасаются за него из-за мышей.

Леопард очень редко приручается к людям и не выкает к ним. Однажды я проезжал через Хайфу, город на побережье², принадлежавший франкам. Один из франков сказал мне: «Не купишь ли у меня великолепного гепарда?» — «Хорошо», — сказал я, и он привел ко мне леопарда, которого приручил до такой степени, что он был, как собака. «Нет, — сказал я, — это леопард, а не гепард. Мне не подходит это». Я удивлялся его прирученности и свободному обращению с ним франка.

Разница между леопардом и гепардом в том, что морда у леопарда продолговатая, как морда собаки, и глаза у него голубые, а морда гепарда круглая и глаза черные.

Один житель Алеппо взял леопарда и пошел с ним просить суда у властителя аль-Кадмуса³, принадле-

² Усама бывал в Хайфе в 1140—1143 годах неоднократно, пользуясь перемирием между крестоносцами и правителем Дамаска, у которого он тогда жил.

³ *Аль-Кадмус* — крепость к западу от Хама, в отрогах Аккарских гор.

жавшего одному из Бену Мухарраз. Он пировал и потом открыл заседание суда; леопард в это время бросился на тех, кто был в зале. Сам эмир стоял у окна башни; он вскочил туда и закрыл за собою дверь. Леопард стал кружить по всему дому. и одних убил, а других ранил, пока не убили его самого.

Я слышал, но сам не видел, что среди диких зверей встречаются барсы. Я этому не верил, но шейх имам Худжжат ад-Дин Абу Хашим Мухаммед ибн Мухаммед ибн Зафар ⁴, да помилует его Аллах, рассказал мне следующее:

«Я ехал на запад вместе со старым слугой, принадлежавшим еще моему отцу, который много путешествовал и много испытал. У нас вышла вся вода, бывшая с нами, и мы страдали от жажды. С нами не было никого третьего, и мы были одни — он да я — верхом на двух верблюдах. Мы увидели на дороге колодец и направились к нему, но нашли около него спящего барса. Мы удалились в сторону, и мой спутник сошел со своего верблюда, дал мне поводья, взял свой меч, щит и бурдюк, бывший с нами, и сказал мне: «Смотри за головой верблюда». Он пошел к колодцу, и когда барс увидел его, то встал и прыгнул по направлению к нему, но проскочил мимо и заревел. К нему бросились его самки с детенышами, которые побежали, догоняя его. Он больше не попадался нам на пути и не причинил никакого вреда. Мы напились и напоили животных, а потом отправились дальше». Так он мне рассказывал, да помилует его Аллах, а он был одним из лучших мусульман по своей религиозности и учености.

---

⁴ Известный ученый и писатель родом из Сицилии, умерший в Хама около 1169 года.

ОСАДА ШЕЙЗАРА РУМАМИ

Вот пример удивительных вещей, творимых роком.

Когда румы подошли к Шейзару в пятьсот тридцать втором году¹, они подвезли к городу ужасающие стенобитные машины, прибывшие с ними из их страны. Эти машины метали камни, которые летели на такое расстояние, какое не пролетит и стрела. Эти камни достигали веса в двадцать пять ритлей². Однажды они бросили такой камень в дом одного моего товарища по имени Юсуф ибн Абу-ль-Гариб, да помилует его Аллах; крыша дома не выдержала тяжести, и он был разрушен сверху донизу одним камнем.

На башне дома эмира возвышалось копьё, на конце которого был привязан флаг. Дорога же в крепость проходила как раз под домом. Метательный камень ударил в древко и сломал его пополам. Та часть древка, где было острие, перевернулась, опрокинулась и упала на дорогу. По дороге как раз проходил один из моих товарищей. Половина древка с острием упала с такой высоты на ключицу проходившего человека, прошла сквозь тело и упала на землю, убив его.

¹ В 1138 году. Об этой осаде Усама говорил в начале своих воспоминаний.

² *Ритль* — мера веса, около 400 граммов.

Хутлук, невольник моего отца, да помилует его Аллах, рассказал мне следующее: «Однажды мы сидели, осажденные румами, в крепостном проходе, в доспехах и с мечами. Вдруг к нам прибежал какой-то шейх и закричал: «Эй, мусульмане! Гаремы!.. Румы ворвались к нам!» Мы схватили мечи, побежали и увидели, что румы пролезли через брешь в стене, пробитую стенобитной машиной. Мы стали бить их мечами, выгнали из города и преследовали до тех пор, пока не прогнали до их войска. Мы возвратились и шли врассыпную. Я оказался рядом с тем стариком, который позвал нас на помощь. Он остановился и повернулся лицом к стене, чтобы помочиться. Я отошел от него, но вдруг услышал шум падения. Я повернулся, и оказалось, что камень, пущенный из машины, попал старику в голову, разбил ее и как бы вбил в стену; мозг старика стекал со стены. Я поднял тело старика, мы помолились над ним и похоронили его на этом самом месте, да помилует его Аллах».

Метательный камень попал как-то раз в одного из наших товарищей и разбил ему ногу. Его снесли к моему дяде, который сидел в одном из проходов крепости. «Приведите костоправа»,— приказал дядя. А в Шейзаре был один искусный человек по имени Яхья, отлично вправлявший кости. Он пришел и стал вправлять ногу, сидя под навесом за воротами крепости. Камень ударил раненого человека в голову, и она разлетелась. Костоправ вернулся в коридор крепости, и дядя сказал ему: «Как ты быстро вправил ему кость». — «О господин мой, — ответил костоправ, — в него попал второй камень, и вправлять стало не нужно».

ПОХОД ФРАНКОВ НА ДАМАСК

Как божественная воля проявляется и в смерти и в жизни, видно из следующего.

Франки, да покинет их Аллах, все решили двинуться на Дамаск и взять его¹. У франков собралось очень много народа, и к ним присоединились власти Эдессы², Телль-Башира³ и Антиохии⁴. Властитель Антиохии по дороге в Дамаск расположился около Шейзара. Франкские владыки уже продавали один другому дамасские дома, бани и базары, а горожане⁵ покупали их и отвешивали за них плату. Они нисколько не сомневались, что их войска войдут в Дамаск и овладеют им.

Кафартаб в то время принадлежал властителю Антиохии. Он выделил из войска Кафартаба сотню отборных рыцарей и велел им оставаться в городе, чтобы действовать против нас и против Хама. Когда он выступил в Дамаск, сирийские мусульмане соеди-

---

¹ Поход относится, вероятно, к весне 1113 года.

² Балдуин II, впоследствии король иерусалимский (1118).

³ *Телль-Башир* лежал на пути между Алеппо и Эдессой. Правителем его был в это время Жоселен I, впоследствии (с 1118 г.) граф эдесский.

⁴ Рожер, племянник Танкреда, князь антиохийский с 1112 года.

⁵ В подлиннике *бурджасия* — искаженное латинское слово.

нились и решили двинуться на Кафартаб. Они послали туда одного нашего товарища по имени Кунейб ибн Малик. Он пробрался в Кафартаб ночью, обошел его, потом вернулся и сказал: «Радуйтесь добыче и безопасности!».

Мусульмане пошли на Кафартаб и попали в засаду, но Аллах, да будет ему слава, все-таки даровал победу исламу, и наши перебили всех франков. Кунейб, который был лазутчиком мусульман в Кафартабе, увидел во рву, окружавшем город, много вьючных животных. Когда мусульмане одержали победу над франками и перебили их, Кунейбу очень захотелось захватить тех животных, которые были во рву, и он надеялся воспользоваться добычей один. Он поскакал ко рву, но кто-то из франков бросил в него с крепости камень и убил его. Среди нас была мать Кунейба, старая старуха, плакальщица на наших поминках. Она стала оплакивать своего сына, и когда она причитала над Кунейбом, из ее груди сочилось молоко в таком количестве, что залило всю рубашку. А когда она кончила причитать, и скорбь у нее утихла, ее груди опять превратились в куски кожи и в них не было ни капли молока. Слава тому, кто напитал сердца нежностью к детям!

Когда властителю Антиохии, который был под Дамаском, сказали, что мусульмане перебили его товарищей, он воскликнул: «Это неправда! Я оставил в Кафартабе сотню рыцарей, которые померятся со всеми мусульманами!» Аллах, да будет ему слава, предопределил, чтобы мусульмане в Дамаске победили франков и произвели среди них великое избиение. Они захватили всех их вьючных животных, и франки пустились в обратный путь от Дамаска в самом печальном и униженном состоянии. Слава Аллаху, господа миров!

Во время этого столкновения с франками произошел удивительный случай. В войсках Хама было два брата курда; одного из них звали Бедр, другого — Анназ. Этот Анназ отличался слабым зрением. Когда франки потерпели поражение и были перебиты, солдаты рубили им головы и привязывали к лошадиной

сбруе. Анназ тоже отрубил для себя голову и прикрепил ее к ремню. Его увидели солдаты из войска Хама и спросили: «О Анназ, что это у тебя за голова?» — «Да будет слава Аллаху,— ответил он,— за то, что произошло у меня с этим франком, пока я его не убил». — «Эй ты, человек,— сказали ему,— да это ведь голова твоего брата Бедр!» Анназ взглянул на голову и внимательно осмотрел ее, и оказалось, что это действительно голова его брата. Анназ устыдился людей и ушел из Хама. Мы не знали, куда он направился, и больше не слышали о нем ничего. А его брат Бедр погиб в этом столкновении и был убит франками, да покинет их Аллах.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ УДАРЫ МЕЧОМ

Удар метательного камня, который разбил голову того старика, да помирует его Аллах, напомнил мне об ударах острого меча. Однажды один из наших товарищей по имени Хаммам аль-Хаджж¹ во время военных действий исмаилитов² против Шейзара³ столкнулся с одним из них в галерее дома моего дяди, да помирует его Аллах. В руке исмаилита был нож, а в руке аль-Хаджжа — меч. Батынит⁴ бросился на него с ножом, но Хаммам ударил его своим мечом над глазами и рассек ему череп. Мозг исмаилита выпал на землю и разлетелся по ней во все стороны. Хаммам выронил из рук свой меч, и его вырвало, так как ему сделалось дурно при виде этого мозга.

В этот день на меня напал один из исмаилитов, в руке которого был кинжал, а я держал в руке меч. Он бросился на меня с кинжалом, но я ударил его по

---

¹ *Аль-Хаджж* (паломник) — почетное звание мусульман и христиан, совершивших паломничество в Мекку или Иерусалим.

² Центром сирийских исмаилитов были Аккарские горы, к западу от Шейзара, откуда они часто делали набеги внутрь страны, подчиняя своей власти целые области.

³ На Шейзар исмаилиты нападали в эту эпоху неоднократно — в 1109, 1114 и 1135 годах.

⁴ *Батыниты* (от арабск. *батын* — «сокровенное») — одно из названий исмаилитов.

руке между кистью и локтем; кинжал он держал так, что рукоятка и лезвие прилегли у него к руке. Мой удар отрубил кусок лезвия длиной в четыре пальца, рассек руку исмаилита пополам и отделил ее. На лезвии моего меча остался след кончика кинжала.

Один из наших мастеров увидал этот след и сказал: «Я сведу эту царапину с меча». — «Оставь его, как он есть, — сказал я ему, — этот след самое красивое, что есть в мече». И до сих пор, когда кто-нибудь видит эту царапину, ему ясно, что это след кинжала.

Этот меч имеет свою историю, которую я расскажу.

У моего отца, да помилует его Аллах, был стремянный по имени Джамии. Франки сделали на нас набег, и отец, надев казакин, вышел из своего дома, чтобы сесть на лошадь. Он не нашел ее у дверей и постоял немного, ожидая ее. Стремянный Джамии, который замешкался, привел лошадь. Мой отец ударил его этим самым мечом, которым был опоясан, не вынимая его из ножен. Удар рассек ножны меча, серебряные наконечники, плащ, который был на стремянном, и шерстяную рубашку; локоть у Джамии был разрублен, и рука отлетела. Мой отец, да помилует его Аллах, содержал Джамии, а после него — его детей из-за этого удара, а меч был прозван Джамиевским, по имени стремянного.

Вот еще знаменитый удар мечом: четыре брата из родственников эмира Ифтихар ад-Даула Абу-ль-Футуха ибн Амруна, властителя крепости Букубейс⁵, влезли в крепость, когда он спал, и нанесли ему много ран. В крепости с ним никого не было, кроме его сына. Братья вышли, полагая, что убили эмира, и направились к его сыну, но Аллах наделил этого Ифтихар ад-Даула великой силой. Он поднялся с постели, обнаженный, взял свой меч, который висел у него в комнате, и пошел за нападавшими. К нему навстречу вышел один из них, который был их предводителем и самым доблестным из них. Ифтихар ад-Даула ударил его мечом и отскочил от него в сторону,

---

⁵ *Букубейс* лежал к западу от Шейзара.

боясь, что тот достанет его ножом, бывшим у него в руке. Потом обернулся и увидел, что он лежит на земле, убитый этим ударом. Эмир повернулся к другому брату, ударил его мечом и убил, а остальные двое пустились бежать и бросились вниз с крепости; один из них умер, а другой спасся.

Слух об этом дошел к нам в Шейзар, и мы послали к эмиру поздравить его со спасением. Через три дня мы отправились в крепость Букубейс навестить его. Его сестра была замужем за моим дядей Изз ад-Дин⁶, и он имел от нее детей. Эмир рассказал нам, что с ним случилось и как он действовал, и затем сказал: «У меня чешется между лопатками, и я не могу достать до этого места». Он позвал своего слугу, чтобы тот взглянул на спину и посмотрел, что его там колет. Слуга посмотрел, и оказалось, что это рана, в которой застрял конец кинжала, сломавшегося в его спине. Он даже не знал об этом и ничего не чувствовал, но, когда рана затянулась, это место стало чесаться.

Примером силы этого человека может служить то, что он брал мула за копыто задней ноги и бил его, и мул не мог вырвать своей ноги у него из рук. Он также брал пальцами гвозди от подков и вонзал их в дубовую доску. Он был столь же прожорлив, как и силен, или даже еще более.

---

⁶ Абу-ль-Асакир-султан, часто упоминаемый правитель Шейзара.

ВЫДАЮЩИЕСЯ ЖЕНЩИНЫ

Я упомянул о некоторых деяниях мужчин и теперь упомяну также о деяниях женщин, но предварительно сделаю небольшое предисловие.

Антиохия принадлежала дьяволу из франков по имени Роджер. Он отправился в паломничество в Иерусалим, властителем которого был принц Балдуин¹. Балдуин был старик, а Роджер — юноша. Он сказал Балдуину: «Заклучим такое условие: если я умру прежде, чем ты, Антиохия будет твоя, а если ты умрешь раньше меня, Иерусалим будет принадлежать мне». Они заключили такой договор и обязали им друг друга. Аллах великий предопределил, чтобы Наджм ад-Дин Ильгази ибн Ортук, да помилует его Аллах, встретил Роджера у Баданиса в четверг пятого числа первой джумады пятьсот тринадцатого года². Он убил его и перебил все войско, и в Антиохию вошло не больше двадцати человек из его бойцов. Балдуин отправился в Антиохию и вступил во владение городом.

---

¹ Балдуин II, король иерусалимский (1118—1131), на сестре которого был женат Рожер. (Его имя Усама сопровождает транскрипцией титула «принц».)

² 14 августа 1119 года. Об этом сражении Усама говорил раньше и там указывал верно, что Рожер был убит в сражении при аль-Балате.

Через сорок дней он дал бой Наджм ад-Дину, а когда этот последний пил вино, похмелье длилось у него двадцать дней. Он принялся пить после того, как разбил франков и перебил их, и им овладело похмелье, от которого он оправился не раньше, чем король Балдуин, принц, подошел к Антиохии с войском.

Второе сражение между ними шло с равным успехом. Отряды франков разбили отряды мусульман, а отряды мусульман разбили отряды франков; и с той и с другой стороны было много убитых. Мусульмане взяли в плен Роберта, властителя Сыхьяуна³ и Балятунуса⁴ и всей соседней области. Роберт в то время был другом атабека Тугтегина, властителя Дамаска, и действовал заодно с Наджм ад-Дином Ильгази, когда тот соединился с франками в Апамее при приближении восточного войска под начальством Бурсука ибн Бурсука⁵. Этот Роберт «прокаженный» сказал тогда атабеку Тугтегину: «Не знаю, как оказать тебе гостеприимство. Я отдаю тебе во власть мою страну. Пошли твоих всадников, пусть они проедут по ней и возьмут себе все, что найдут там, лишь бы не брали людей в плен и не убивали вьючных животных, а деньги и урожай пусть будут им, они могут их забрать с моего позволения».

Когда Роберт был взят в плен, атабек Тугтегин участвовал в сражении, помогая Ильгази. Роберт сам назначил за себя выкуп в десять тысяч динаров. «Отведите его к атабеку,— приказал Наджм ад-Дин,— может быть, он испугает Роберта, и тот назначит за себя больший выкуп». Роберта отвели к атабеку, который сидел в своей палатке и пил. Увидев приближавшегося Роберта, он встал, заткнул за пояс подол своего платья, взял меч и, выйдя к Роберту, отрубил ему голову. Ильгази послал к нему гонца, упрекая за это и говоря: «Мы нуждаемся в каждом динаре для уплаты

---

³ *Сыхьяун* — замок между Ладикией и Хомсом, к юго-востоку от первого.

⁴ *Балятунус* (лат. *Platanus*) — замок между Ладикией и Антиохией.

⁵ Весной 1115 года. Об этих событиях Усама говорил раньше.

туркменам, а этот назначил за себя выкуп в десять тысяч динаров. Я послал его к тебе, думая, что ты испугаешь его и он увеличит свой выкуп, а ты убил его». — «Я не умею лучше пугать, чем так», — отвечал атабек.

Тогда Антиохией стал владеть Балдуин, принц. Он был многим обязан моему отцу и дяде, да помилует их обоих Аллах. Когда он был взят в плен Нур ад-Даула Балаком⁶, да помилует его Аллах, а после убийства Нур ад-Даула перешел к Хусам ад-Дину Тимурташу ибн Ильгази⁷, тот отправил его к нам в Шейзар, чтобы мой отец и дядя, да помилует их обоих Аллах, оказали посредничество в получении за него выкупа, и они хорошо обращались с ним. Когда Балдуин получил власть⁸, на нас лежал долг властителю Антиохии. Балдуин охотно сложил его с нас, и наши дела с Антиохией пошли успешно.

И вот, когда Балдуин находился в таком положении, и у него был послом наш товарищ, к Сувайдии⁹ однажды приплыла лодка, в которой был юноша в лохмотьях. Он явился к Балдуину, и тот узнал в нем Ибн Маймуна¹⁰. Балдуин вручил тогда юноше власть над городом, а сам ушел и разбил свои палатки в окрестностях. Наш посол в Антиохии клялся, что он, то есть король Балдуин, покупал в этот же вечер на базаре корм для своих лошадей, хотя амбары Антиохии были наполнены собранным урожаем. Впоследствии Балдуин вернулся в Иерусалим.

Народ перенес от этого дьявола Ибн Маймуна великие бедствия. Однажды он пошел на нас с войсками и стал лагерем. Мы сели на коней и построились про-

---

⁶ *Нур ад-Даула Балак* — владетель нескольких крепостей в области Малатии (Мелитены), один из ожесточенных противников крестоносцев; убит в 1124 году. Балдуин был взят им в плен в апреле 1123 года

⁷ *Хусам ад-Дин Тимурташ* — сын и преемник мардинского Ортукида Ильгази, к которому после смерти Балака перешел Алеппо, где был заключен Балдуин.

⁸ Он был отпущен из плена в августе 1124 года.

⁹ *Сувайдия* — порт Антиохии на Средиземном море.

¹⁰ *Ибн Маймун* — Боэмунд II, князь антиохийский (1126—1131), женившийся на дочери Балдуина.

тив франков, но ни один из них не пошел на нас, и все оставались в своих палатках. Мы стояли на пригорке и смотрели на них; между нами была река аль-Аси. Мой двоюродный брат Лейс ад-Даула Яхья ибн Малик ибн Хумейд, да помилует его Аллах, спустился с этого пригорка и направился к реке. Мы думали, что он хочет напоить свою лошадь, но он переправился через реку около отряда франков, стоявшего близ палаток. Когда Лейс ад-Даула приблизился к франкам, к нему подкакал один из рыцарей. Оба противника бросились друг на друга, но каждый из них уклонился от удара другого. Тогда я поспешил к сражавшимся с моими молодыми сверстниками. Франкский отряд отступил, а Ибн Маймун сел на коня вместе с войсками, и они ринулись вперед, словно поток. Лошадь нашего товарища была ранена.

Первые ряды франков столкнулись с нашими передовыми солдатами. В наших войсках был один курд по имени Микаил, который попал, спасаясь бегством, в первые ряды франков. Один франкский рыцарь, преследуя Микаила, пронзил его копьем; курд, убегая от него, стонал и громко кричал.

Я догнал Микаила, а франк отвернулся от курда и свернул с моей дороги, направляясь к нашим всадникам, стоявшим толпой близ реки на нашем берегу. Я помчался за ним следом, погоняя лошадь, чтобы настигнуть его и ударить копьем, но лошадь не могла за ним поспеть. Франк не оборачивался ко мне, стремясь только к этим столпившимся всадникам. Наконец он достиг их, а я все следовал за ним. Наши товарищи нанесли его лошади несколько ран, но франкские солдаты уже устремились по следам рыцаря в таком множестве, что мы бы их не одолели. Франкский рыцарь повернул назад, и его лошадь была при последнем издыхании. Он поехал навстречу своим солдатам, повернул их всех обратно и сам воротился с ними.

Этот рыцарь был Ибн Маймун, владыка Антиохии. Он был еще юноша ¹¹, и его сердце наполнилось стра-

---

¹¹ Боэмунд II стал антиохийским князем, еще не достигнув двадцатилетнего возраста.

хом, но если бы он оставил своих солдат действовать, они бы обратили нас в бегство и гнали бы до самого города.

В течение всего этого времени на берегу реки среди всадников стояла старуха, которую звали Бурейка; это была невольница одного нашего товарища, курда по имени Али ибн Махбуб. Бурейка держала в руке сосуд с водой, из которого пила сама и поила народ. Большинство наших товарищей на пригорке, когда увидели франков, приближавшихся в таком множестве, устремились к городу, а эта дьяволица продолжала стоять, и это великое дело не пугало ее.

Я расскажу кое-что про эту Бурейку, хотя здесь и не место, но ведь рассказы цепляются друг за друга.

Хозяин Бурейки Али был человек благочестивый и не пил вина. Однажды он сказал моему отцу: «Клянусь Аллахом, о эмир, я считаю недопустимым есть на счет дивана; я буду питаться только заработком Бурейки». Этот глупец полагал, что такое незаконное, постыдное ремесло более позволительно, чем жалование с дивана, где он получал содержание.

У этой старухи был сын по имени Наср, рослый человек, который управлял одной из деревень моего отца, да помилует его Аллах, вместе с другим человеком, по имени Бакийя ибн Усайфир. Этот Бакийя рассказал мне следующее:

«Как-то вечером я направился в город, намереваясь зайти к себе домой по одному делу. Когда я приближался к городу, я заметил среди могил при свете луны какую-то фигуру, не похожую ни на человека, ни на зверя. Я остановился со страху поодаль от нее, но потом сказал себе в душе: «Не будь я Бакийя! Что это за страх перед одним существом?» Я положил свой меч, щит и копье, бывшие со мной, и стал потихоньку двигаться вперед. Я услышал, что это существо поет и кричит. Приблизившись, я прыгнул на него с кинжалом в руке и схватил его, но вдруг оказалось, что это Бурейка. Она сидела верхом на палке с непокрытой головой и взъерошенными волосами и ржала и гарцевала между могилами.

«Горе тебе! — воскликнул я. — Что ты делаешь здесь в такое время?» — «Колдую», — ответила она. «Да обезобразит Аллах тебя и твое колдовство, — воскликнул я, — и твое ремесло среди всех ремесел!»

Твердость души у этой собаки напомнила мне о поступках женщин во время нашего столкновения с исмаилитами, хотя эти поступки были иного рода. Предводитель исмаилитов Алаван ибн Харрар столкнулся в тот день в крепости с моим двоюродным братом по имени Синан ад-Даула Шабиб ибн Хамид ибн Хумейд, да помилует его Аллах. Он был мой сверстник и ровесник — мы с ним родились в один день — в воскресенье двадцать седьмого числа второй джумады четырехста восемьдесят восьмого года¹². Синан ад-Даула не участвовал в этот день в бою, а я был как бы осью всего сражения. Алаван хотел привлечь его к себе и сказал ему: «Вернись в свой дом, возьми оттуда все, что можешь, и выходи, — тебя не убьют, а крепостью мы уже овладели». Синан возвратился в дом и сказал, обращаясь к своей тетке и женам его дяди: «У кого есть что-нибудь, передайте мне», — и каждый из них дал ему что-нибудь. В это время в дом вдруг вошел человек в кольчуге и шлеме с мечом и щитом в руке. Когда Синан увидел его, он уверился, что умрет. Вошедший снял шлем, и оказалось, что это мать его двоюродного брата Лейс ад-Даула Яхьи, да помилует его Аллах.

«Что ты хочешь сделать?» — спросила она Синана. «Я возьму с собой все, что могу, — ответил он, — спущусь из крепости по веревке и буду себе жить на свете». — «Скверно ты делаешь, — ответила ему тетка. — Ты оставишь своих двоюродных сестер и жен этим чесальщикам шерсти, а сам уйдешь? Какова-то будет твоя жизнь, когда ты опозоришь себя перед семьей и убежишь от нее. Выходи! Сражайся за своих, пока тебя не убьют среди них. Накажи тебя Аллах еще и еще раз».

Она удержала его от бегства, да помилует ее Аллах, и после этого он был одним из славнейших всадников.

---

¹² 4 июля 1095 года.

Моя мать, да помилует ее Аллах, раздала в этот день войнам мои мечи и казакины. Она пошла к моей старшей сестре и сказала ей: «Надевай твои сапоги и покрывало». Та надела, и матушка свела ее на балкон в моей комнате, который возвышался над долиной с восточной стороны. Она посадила сестру на балконе, а сама села у его дверей. Аллах, да будет ему слава, даровал нам победу над врагами, и я зашел в дом, желая взять что-то из оружия, но не нашел ничего, кроме ножен мечей и мешков от казакинов.

«Матушка, где мое оружие?» — спросил я. «О сынок, — ответила она, — я отдала его тем, кто сражался за нас, так как не думала, что ты уцелеешь». — «А что делает здесь моя сестра?» — спросил я. «Я посадила ее на балкон, и сама села около нее; если бы я увидела, что батыниты добрались до нас, я бы толкнула ее и сбросила в долину. Лучше мне видеть ее мертвой, чем в плену у этих мужиков и шерсточесов!»

Я и сестра поблагодарили ее за это, и сестра воздала ей добром. Такая гордость еще сильнее, чем гордость мужчин.

В этот же день одна старуха, невольница моего деда эмира Абу-ль-Хасана Али¹³, да помилует его Аллах, которую звали Фануна, закрылась покрывалом, взяла меч и бросилась в бой. Она не переставала сражаться до тех пор, пока мы не одержали верх и не превзошли числом своих противников.

Нельзя отрицать у благородных женщин храбрости, гордости и правильности в суждениях. Однажды я выехал с отцом, да помилует его Аллах, на охоту. Он очень любил охотиться, и у него было такое собрание соколов, ястребов, кречетов, гепардов и охотничьих собак, какое едва ли было у какого-нибудь, кроме него. Он выезжал во главе сорока всадников, своих детей и невольников, и каждый из них был опытный охотник и знающий зверолов. У него в Шейзаре было два места охоты. Один день он ехал на запад от города к реке в тростниковые заросли и охотился там зарябчиками, водяными птицами, зайцами и газелями и бил кабанов, а другой день уезжал в горы, располо-

¹³ Правитель Шейзара (1059—1082)

женные к югу от города, чтобы поохотиться за куропатками и зайцами.

Однажды мы были в горах, когда пришло время вечерней молитвы. Отец сошел с коня, и мы все спешили и молились, каждый отдельно. Вдруг к нам вскачь подъехал слуга и крикнул: «Вон лев!».

Я окончил молитву прежде отца, да помилует его Аллах, чтобы он не помешал мне сразиться со львом, и вскочил на коня, взяв с собой копьё. Я ринулся на льва, который бросился мне навстречу и зарычал. Моя лошадь шарахнулась, и копьё выпало у меня из рук, так как оно было очень тяжелое. Лев гнал меня порядочное расстояние, потом вернулся к подножию горы и стал там. А этот лев был огромный и походил на каменный мост, и был он тогда голоден. Всякий раз, как мы к нему приближались, он спускался с горы и отгонял наших лошадей, а затем возвращался на свое место. При каждом таком спуске он оставлял след среди наших товарищей. Я видел даже, как он вскочил на лошадь позади одного из слуг моего дяди, которого звали Баштекин Гарза. Лев вспрыгнул на круп лошади и разорвал когтями одежду слуги и его сапоги, а потом вернулся на гору.

Я не мог с ним ничего поделаться, пока не взобрался выше него по склонам горы, и тогда я пустил на льва свою лошадь и ударил его копьём, проткнув его. Я оставил копьё в боку льва, и он скатился до подножия горы с копьём в теле; лев умер, а копьё сломалось.

Мой отец, да помилует его Аллах, стоял на месте и глядел на нас. С ним были дети его брата Изз ад-Дина, еще юноши, смотревшие на все, что происходило. Мы понесли льва и к вечеру прибыли в город. Моя бабушка, мать отца, да помилует их обоих Аллах, пришла ко мне ночью, держа в руках свечку. Она была старая старуха, почти ста лет от роду. Я не сомневался, что она пришла поздравить меня со спасением и сказать мне, как она радуется тому, что я сделал. Я вышел ей навстречу и поцеловал ее руки, но она сказала мне с раздражением и гневом: «О сынок, что понесло тебя на эту беду, где ты подверг опасности

и себя и свою лошадь и сломал свое оружие? Нерасположение и злоба против тебя в сердце твоего дяди только увеличатся». — «О госпожа, — сказал я ей, — я подвергал опасности жизнь и теперь и в других подобных случаях только для того, чтобы приблизить к себе сердце своего дяди». — «Нет, клянусь Аллахом, — ответила она, — это тебя не приблизит к нему, это только еще больше отдалит тебя от него и увеличит его нерасположение и злобу к тебе».

Я понял, что бабушка, да помилует ее Аллах, давала мне в этих словах хороший совет, и она была права, клянусь жизнью! Такие женщины действительно матери мужчин.

Эта старуха, да помилует ее Аллах, была одной из праведниц среди мусульман. Она отличалась благочестием, раздавала милостыню, постилась и молилась наилучшим образом. Я присутствовал, когда в ночь на пятнадцатое ша'бана она молилась вместе с моим отцом, а отец, да помилует его Аллах, был одним из лучших чтецов книги великого Аллаха, и его мать молилась так же, как он.

Отец пожалел ее и сказал ей: «О матушка, если бы ты села и молилась сидя». — «О сынок, — ответила она, — остается ли мне еще жизни настолько, чтобы дожить до такой же ночи, как эта ночь? Нет, клянусь Аллахом, я не сяду!» Мой отец достиг тогда уже семидесяти лет, а она приближалась к ста годам, да помилует ее Аллах.

Мне пришлось быть свидетелем удивительного проявления гордости среди женщин. Один из товарищей Халафа ибн Мула'иба¹⁴ по имени Али Абд ибн Абу-р-Рейда был наделен Аллахом таким зрением, каким не обладала даже «голубоглазая из Йемамы»¹⁵. Когда он отправлялся куда-нибудь с Ибн Мула'ибом, то замечал караван на расстоянии целого дня пути.

---

¹⁴ Халаф правил городом Апамеей в 1086—1106 годах (с перерывами).

¹⁵ «Голубоглазая из Йемамы» (*Зарка аль-Йемама*) — легендарная героиня доисламской эпохи, предупредившая благодаря своему острому зрению обитателей города Йемамы (в центральной Аравии) о движении врагов.

Один из его друзей по имени Салим аль-Иджази, который перешел на службу к моему отцу после убийства Халафа ибн Мула'иба, рассказывал мне:

«Однажды мы отправились в набег и с утра поставили Али ибн Абу-р-Рейда часовым; он пришел к нам и сказал: «Радуйтесь добыче, сюда приближается большой караван». Мы посмотрели и ничего не увидели. «Мы не видим ни каравана, ни чего-либо другого», — сказали мы. «Клянусь Аллахом, — ответил он, — я в самом деле вижу караван и впереди него двух лошадей с отметинами, у которых развешаются гривы».

Мы остались сидеть в засаде до вечера. Караван подошел к нам, и впереди него шли две лошади с отметинами. Тогда мы вышли и захватили караван».

Салим аль-Иджази рассказывал мне еще следующее:

«Однажды мы выступили в набег, и Али Абд ибн Абу-р-Рейда поднялся на возвышенность, чтобы сторожить. Он заснул и не заметил, как его схватил один тюрк из тюркского отряда, который совершал набег. «Кто ты такой?» — спросил тюрк Али. «Я человек бедный, — ответил он. — Я отдал в наем своего верблюда в караван одного купца; дай мне твою руку в знак того, что ты вернешь мне моего верблюда, если я приведу вас к каравану». Предводитель тюрков дал ему свою руку, и Али шел впереди них, пока не привел их к нам в засаду. Мы бросились на них и забрали их. Али ухватился за того, кто был впереди него, и взял его лошадь со всем снаряжением, а мы захватили у них богатую добычу».

Когда Ибн Мула'иб был убит, Али Абд ибн Абу-р-Рейда перешел на службу к франку Теофилу, властителю Кафартаба. Он делал вместе с франками набеги на мусульман и усиленно вредил им, грабил их и проливал их кровь и доходил до того, что обирал мусульманских путешественников на большой дороге.

У него была жена в Кафартабе, который тогда принадлежал франкам. Она не одобряла таких поступков и удерживала его, но он не подчинялся ей. Она послала за своим родственником из ремесленников — я по-

лагаю, что это был ее брат, — спрятал его у себя дома до ночи и вместе с ним напала на своего мужа Али Абд ибн Абу-р-Рейда. Они убили его и забрали все его имущество. На другой день она была у нас в Шейзаре и сказала нам: «Я рассердилась за мусульман из-за того, что делал с ними этот нечестивый». Она избавила людей от этого дьявола, и мы были признательны ей за то, что она сделала. Она осталась у нас и пользовалась почетом и уважением.

Среди эмиров Мисра был человек по имени Нади ас-Сулейхи. На его лице были два рубца, один шел от правой брови до корней волос на голове, а другой — от левой брови тоже до корней волос. Я спросил его о них ¹⁶ и он сказал:

«Когда я был еще юношей, мы делали набег из Аскалона, причем я ходил пешком. Как-то раз я вышел на дорогу в Иерусалим, намереваясь напасть на франкских паломников. Мы наткнулись на несколько человек, и среди них я увидел одного паломника с копьем, сзади которого была его жена, державшая в руках деревянный ковш с водой. Этот человек ударил меня копьем, — один из рубцов — след от этого удара, — и я тоже ударил его и убил. Потом я направился к его жене, и она ударила меня своим деревянным ковшом по лицу и нанесла мне другую рану. Обе эти раны оставили следы на моем лице».

Вот пример храбрости женщин.

Однажды несколько франкских паломников, совершив паломничество, вернулись в Рафанийю ¹⁷, которая в то время принадлежала им, и вышли оттуда, направляясь в Апамею. Ночью они сбились с дороги и пришли в Шейзар. Он не был тогда окружен стенами, и паломники, которых было около семисот-восьмисот мужчин, женщин и детей, вошли в город. А войско Шейзара тогда выступило оттуда с моими двумя дядями Изз ад-Дином Абу-ль-Асакир-султаном и Фахр ад-Дином Абу Камилем Шафи, да помилует их обоих

---

¹⁶ Усама, как говорилось вначале, был в Египте с 1144 по 1154 год.

¹⁷ Рафанийя лежала в пределах графства Триполи, к западу от Хама и Хомса.

Аллах, чтобы встретить двух девушек-сестер из рода Бену Суфи в Алеппо, на которых они только что поженились. Мой отец, да помилует его Аллах, был в крепости. Кто-то из жителей вышел из города вечером по делу, увидел одного из франков, вернулся, взял свой меч и убил этого франка. В городе поднялся крик, и народ вышел на улицу. Франков убили и захватили женщин и детей, которые были с ними, а также серебро и вьючных животных.

В Шейзаре жила женщина, жена одного из наших товарищей, которую звали Надра дочь Бузармата. Она вышла вместе с остальным народом, захватила одного франка и привела его к себе домой, а затем вышла снова, забрала другого франка и тоже привела к себе. Выйдя снова в третий раз, она захватила еще одного франка, и у нее оказалось их трое. Она взяла у них то, что ей годилось из их вещей, а затем вышла из дома и позвала нескольких своих соседей, которые убили этих франков.

Оба мои дяди с войском вернулись ночью в город. Множество франкских паломников обратилось в бегство, и жители Шейзара преследовали их и убили в окрестностях города. Лошади наших бойцов спотыкались ночью о тела убитых, и всадники не знали, обо что они спотыкаются, пока один из них не сошел с лошади и не увидел трупы во мраке. Это перепугало наших бойцов, и они вообразили, что город был неожиданно захвачен, а на самом деле это была добыча, которую Аллах, да будет он возвеличен и прославлен, пригнал к нашим людям.

В дом моего отца, да помилует его Аллах, было приведено несколько пленных франкских девушек, да проклянет их Аллах; они принадлежат к проклятой породе и не привыкают ни к кому, кроме своих сородичей. Отец увидел среди них молодую красивую девушку и сказал своей домоправительнице: «Сведи эту девушку в баню, одень ее получше и снаряди в путешествие».

Служанка так и сделала, а он поручил девушку одному из своих слуг и отправил к эмиру Шихаб ад-Дину Малику ибн Салиму ибн Малику — власти-

телю крепости Джа'бара¹⁸. Мой отец был ему другом и написал ему так: «Мы забрали у франков добычу, и я посылаю тебе часть ее».

Девушка пришлась по душе эмиру и очень понравилась ему. Он взял ее для себя, и она родила ему сына, которого назвали Бедран; его отец назначил его своим наследником. Когда Бедран вырос и отец его умер, он стал управлять городом и народом, а в сущности его мать и приказывала и запрещала. Она подговорила нескольких человек и спустилась из крепости по веревке. Эти люди пошли с ней в Серудж, который тогда принадлежал франкам, и она там вышла замуж за одного французского сапожника, тогда как ее сын был властителем крепости Джа'бара.

Среди тех, кто был приведен в дом моего отца, находилась одна старуха, с которой была ее дочка, молодая женщина прекрасной внешности, и сын, сильный юноша. Сын приняв ислам, и его вера была искренняя, как можно было видеть по его молитвам и посту. Он выучился точить мрамор у резчика мрамора, который облицевал дом моего отца. Когда он пробыл у нас долгое время, отец женил его на одной женщине из праведной семьи и предоставил ему все, в чем он нуждался для свадьбы и домашнего хозяйства. Он прижил от нее двоих сыновей; они выросли, и каждому исполнилось лет пять-шесть, и тот парень, Рауль, только радовался на них. И однажды он взял с собой обоих детей, их мать и все, что было в доме, и уже на другой день был в Апамее у франков, и опять принял христианство вместе со своими детьми, после ислама, молитвы и истинной веры. Пусть очистит от них Аллах великий землю!

---

¹⁸ Крепость *Джа'бара* была расположена в верхнем течении Евфрата, между Балисом и ар-Раккой.

ПРАВЫ ФРАНКОВ

Слава творцу и создателю! Всякий, кто хорошо понимает дела франков, будет возвеличивать Аллаха и прославлять его. Он увидит во франках только животных, обладающих достоинством доблести в сражениях и ничем больше, так же как и животные обладают доблестью и храбростью при нападении.

Я расскажу кое-что о делах франков и об их диковинном уме. В войсках короля Фулько, сына Фулько¹, был всадник, пользовавшийся большим почетом, который прибыл из их страны, совершая паломничество, и возвращался туда. Он подружился со мной, привязался ко мне и называл меня «брат мой»; между нами была большая дружба, и мы часто посещали друг друга. Когда он собрался возвращаться по морю в свою страну, он сказал мне: «О брат мой, я отправляюсь в свою страну и хотел бы, чтобы ты послал со мной своего сына». А мой сын был в это время при мне, и было ему от роду четырнадцать лет². «Пусть он посмотрит на наших рыцарей, научится разуму и рыцарским обычаям. Когда он вернется, он станет настоящим умным человеком».

¹ Фулько V, король иерусалимский (1131--1142).

² Вероятно, Мурхаф (1126 — 1216), любимый сын Усамы, сопровождавший отца почти во всех его скитаниях.

Мой слух поразили эти слова, которых не мог бы произнести разумный; ведь даже если бы мой сын попал в плен, плен не был бы для него тяжелее, чем поездка в страну франков.

Я ответил моему другу: «Клянусь твоей жизнью, то же было и у меня в душе, но меня удерживает от этого лишь то, что его бабушка — моя мать — очень его любит и не позволила ему выехать со мной, пока не заставила поклясться, что я привезу его к ней обратно». — «Значит, твоя мать еще жива?» — спросил франк. «Да», — сказал я. «Тогда не поступай против ее желаний», — сказал он.

Вот один из удивительных примеров врачевания у франков.

Властитель аль-Мунайтыры³ написал письмо моему дяде, прося прислать врача, чтобы вылечить нескольких больных его товарищей. Дядя прислал к нему врача-христианина, которого звали Сабит. Не прошло и двадцати дней, как он вернулся обратно.

«Как ты скоро вылечил больных», — сказали мы ему. «Они привели ко мне рыцаря, — рассказывал нам врач, — на ноге у которого образовался нарыв, и женщину, больную сухоткой. Я положил рыцарю маленькую припарку, и его нарыв вскрылся и стал заживать, а женщину я велел разогреть и увлажнить ее состав⁴. К этим больным пришел франкский врач и сказал: «Этот мусульманин ничего не понимает в лечении. Что тебе приятнее, — спросил он рыцаря, — жить с одной ногой или умереть с обеими?» — «Я хочу жить с одной ногой», — отвечал рыцарь.

«Приведите мне сильного рыцаря, — сказал врач, — и принесите острый топор». Рыцарь явился с топором, и я присутствовал при этом. Врач положил ногу больного на бревно и сказал рыцарю: «Ударь по его ноге топором и отруби ее одним ударом». Рыцарь на-

---

³ *Аль-Мунайтыра* — крепость в горах Ливана, принадлежавшая графству Триполи.

⁴ По теории арабской медицины, болезни происходят от преобладания сухих или влажных, горячих или холодных элементов в человеческом организме («в его составе», как говорят арабы). Задача врача состоит в приведении их к равновесию.

Нес удар на моих глазах, но не отрубил ноги; тогда ударил ее второй раз, мозг из костей ноги вытек, и больной тотчас же умер. Тогда врач взглянул на женщину и сказал: «В голове этой женщины дьявол, который влюбился в нее. Обрейте ей голову». Женщину обрили, и она снова стала есть обычную пищу франков — чеснок и горчицу. Ее сухотка усилилась, и врач говорил: «Дьявол вошел ей в голову». Он схватил бритву, надрезал ей кожу на голове крестом и сорвал ее с середины головы настолько, что стали видны черепные кости. Затем он натер ей голову солью, и она тут же умерла. Я спросил их: «Нужен ли я вам еще?» И они сказали: «Нет», и тогда я ушел, узнав об их врачевании кое-что такое, чего не знал раньше».

Был я свидетелем и противоположного этому в отношении врачевания. У франкского короля⁵ был казначей из рыцарей по имени Барнад⁶, да проклянет его Аллах, один из самых проклятых и отвратительных франков. Лошадь лягнула его в ногу, и с ногой приключилась какая-то болезнь; на ней образовались раны в четырнадцати местах, и как только рана закрывалась в одном месте, она открывалась в другом. Я молил Аллаха, чтобы он погиб, но к нему пришел франкский врач, который снял с его ноги пластыри и стал обмывать ее крепким уксусом. Его раны затянулись, больной выздоровел и поднялся, подобный дьяволу.

Еще удивительный пример их врачевания.

У нас в Шейзаре был ремесленник по имени Абу-ль-Фатх. У его сына образовалась на шее свинка, и каждый раз, когда болячка проходила в одном месте, она открывалась в другом. Абу-ль-Фатх поехал в Антиохию по какому-то делу и взял сына с собой. Один франк, увидев его, спросил о нем, и Абу-ль-Фатх ответил: «Это мой сын». — «Поклянись мне твоей верой, — сказал ему франк, — что, если я опишу тебе лекарство, которое вылечит его, ты не будешь брать

---

⁵ Вероятно, упоминавшегося выше Фулько V.

⁶ Быть может, в этой передаче кроется европейское имя Бернад.

ни с кого платы за лечение этим лекарством. В таком случае я укажу тебе лекарство, которое его вылечит».

Абу-ль-Фатх поклялся, и рыцарь сказал ему: «Возьми нетолченого ушнана⁷, сожги его, смешай с прованским маслом и крепким уксусом и смазывай этой смесью твоего сына, пока она не разъест болячку. Затем возьми пережженного олова, прибавь к нему жира и также помажь им болячки. Это лекарство вылечит твоего сына». Абу-ль-Фатх намазал своего сына этим составом, и тот выздоровел. Раны затянулись, и он стал таким же здоровым, как и прежде. Я советовал применять это лекарство всякому, кто заболел такой болезнью. Оно приносило пользу, и страдания больных прекращались.

Все франки, лишь недавно переселившиеся из франкских областей на восток, отличаются более грубыми нравами, чем те, которые обосновались здесь и долго общались с мусульманами.

Вот пример грубости франков, да обезобразит их Аллах. Однажды, когда я посетил Иерусалим, я вошел в мечеть аль-Акса⁸; рядом с мечетью была еще маленькая мечеть, в которой франки устроили церковь. Когда я заходил в мечеть, а там жили храмовники — мои друзья, — они предоставляли мне маленькую мечеть, чтобы я в ней молился.

Однажды я вошел туда, произнес «Аллах велик» и начал молиться. Один франк ворвался ко мне, схватил меня, повернул лицом к востоку и крикнул: «Молись так!» К нему бросилось несколько человек храмовников и оттащили его от меня, и я снова вернулся к молитве. Однако этот самый франк ускользнул от храмовников и снова бросился на меня. Он повернул меня лицом к востоку и крикнул: «Так молись!» Храмовники опять вбежали в мечеть и оттащили франка. Они извинились передо мной и сказали: «Это чужестранец, он приехал на этих днях из франкских земель и никогда не видал, чтобы кто-нибудь молился иначе,

⁷ Ушнан — растение, зола которого богата щелочью.

⁸ Мечеть, построенная на месте Соломонова храма, напротив так называемой Омаровой мечети.

как на восток». — «Хватит уже мне молиться», — ответил я и вышел из мечети. Меня очень удивило выражение лица этого дьявола, его дрожь и то, что с ним сделалось, когда он увидел молящегося по направлению к югу⁹.

Я видел, как один франк пришел к эмиру Му'ин ад-Дину¹⁰, да помилует его Аллах, когда тот был в ас-Сахра¹¹, и сказал: «Хочешь ты видеть бога ребенком?» — «Да», — сказал Муин ад-Дин. Франк пошел впереди нас и показал нам изображение Мариам, на коленях которой сидел маленький Мессия, да будет над ним мир. «Вот бог, когда он был ребенком», — сказал франк. Да будет превознесен великий Аллах над тем, что говорят нечестивые, на великую высоту!

У франков нет никакого самолюбия и ревности. Бывает, что франк идет со своей женой по улице; его встречает другой человек, берет его жену за руку, отходит с ней в сторону и начинает разговаривать, а муж стоит в сторонке и ждет, пока она кончит разговор. Если же разговор затянется, муж оставляет ее с собеседником и уходит.

Я был свидетелем следующего случая.

Когда я приезжал в Набулус¹², я останавливался в доме одного человека по имени Му'изз, у которого жили все мусульмане. В этом доме были окна, выходящие на дорогу, а напротив, на другой стороне улицы, стоял дом одного франка, продававшего купцам вино. Он наливал вино в бутылку и кричал: «Такой-то купец открыл бочку такого-то вина, и кто хочет получить его, пусть придет в такое-то место, и я представлю ему такое вино, как в этой бутылке!»

---

⁹ То есть в сторону Мекки, как этого требует мусульманский ритуал.

¹⁰ *Му'ин ад-Дин Анар* — везир дамасских Буридов, покровитель *Усамы*.

¹¹ *Ас-Сахра* (точнее *Куббет ас-Сахра* — «Купол скалы») — так называемая Омарова мечеть, воздвигнутая на том месте, где, по преданию, была гора Мориа. В эпоху крестоносцев она была превращена в христианский храм.

¹² *Набулус* (греч. *Неаполис*) — библейский Сихем в Самарии, у подножия горы Гаризим.

Однажды торговец вернулся домой и нашел в своей постели человека, который лежал рядом с его женой. «Почему ты около моей жены?» — спросил он у него. «Я был утомлен, — ответил незнакомец, — и зашел сюда отдохнуть». — «Как ты оказался в моей постели?» — продолжал торговец. «Я увидел, что постель постлана, — ответил человек, — и лег на нее». — «Но жена ведь лежит с тобой!» — воскликнул торговец. «Ведь постель принадлежит ей, — ответил человек, — разве я мог не пустить ее на ее собственную постель?» — «Клянусь истиной моей веры, — воскликнул франк, — если ты еще раз сделаешь это, мы с тобой поссоримся!» Так проявилось его недовольство и высшая степень ревности.

Еще пример.

У нас был один банщик из жителей аль-Маарры¹³ по имени Салим, который служил в банях моего отца, да помилует его Аллах. Салим рассказал мне: «Я открыл в аль-Маарре баню, чтобы жить доходами от нее. Однажды в баню пришел франкский рыцарь, а они не одобряют тех, кто, находясь в бане, опоясывается покрывалом. Он протянул свою руку, сорвал мое покрывало с пояса, отбросил его и увидел меня без всего, а я недавно обрил себе волосы на лобке.

«Салим», — крикнул мне франк. Я подошел к нему, и он положил руку мне на лобок. «Салим, вот хорошо! — воскликнул он. — Клянусь истиной моей веры, сделай со мной то же самое». И он лег на спину, а у него на этом месте была точно вторая борода. Я обрил его, а он провел по этому месту рукой, погладил его и сказал мне: «О Салим, заклинаю тебя истиной твоей веры, сделай то же с аль-дамой». А «аль-дама» значит на их языке госпожа, и он имел в виду свою жену.

«Скажи аль-даме, чтобы она пришла», — крикнул он слуге, тот пошел и привел его жену. Она легла на спину, и рыцарь сказал: «Сделай с ней то же, что ты сделал со мной».

---

¹³ *Аль-Маарра*, или *Мааррат ан-Ну'ман*, — город в области Алеппо по дороге в Хама.

И я брил ей эти волосы, а муж сидел и смотрел на меня. Затем он поблагодарил меня и дал мне денег за мою услугу».

Посмотрите на это великое противоречие: у них нет ревности, ни самолюбия, но они отличаются великой доблестью, а разве доблесть не происходит от самолюбия и боязни бесславия?

Вот случай, похожий на этот.

Однажды, будучи в городе Тире¹⁴, я вошел в баню и сидел там в отдельной комнате. Один из моих слуг сказал мне: «С нами в бане есть женщина». Когда я вышел в общее помещение и сел на каменную скамью, вдруг появилась та женщина, которая была в бане, и встала напротив меня. Она уже оделась и стояла вместе со своим отцом. Я не был уверен, что это женщина, и сказал одному из своих товарищей: «Ради Аллаха, посмотри, женщина ли это? Я хочу, чтобы ты осведомился о ней». Он пошел, на моих глазах поднял подол ее платья и посмотрел. Тогда ее отец обернулся ко мне и сказал: «Это моя дочь. Мать у нее умерла, и ей некому вымыть голову. Я привел ее с собой в баню и вымыл ей голову сам». — «Ты хорошо сделал, — сказал я. — За это будет тебе небесная награда».

Еще удивительный случай врачевания у франков рассказал нам Кильям Дабур¹⁵, властитель Табарии¹⁶, который был предводителем франков. Случилось, что он провожал эмира Му'ин ад-Дина, да помилует его Аллах, из Акки¹⁷ в Табарию, и я был с ними. По пути он рассказал нам следующее: «В нашей стране был один очень сильный рыцарь. Он заболел и был близок к смерти. Мы отправились к самому главному из наших священников и сказали ему: «Пойди с нами взглянуть на такого-то рыцаря». Он сказал: «Хоро-

¹⁴ *Тир* (арабск. *Сур*) — известный город на Средиземном море, где Усама бывал, вероятно, во время своей жизни в Дамаске (1138 — 1144).

¹⁵ В арабской форме имени кроется, вероятно, Гильом де Бури, бывший около этого времени правителем Тивериады.

¹⁶ *Табария* — библейская Тивериада на берегу Генисаретского озера.

¹⁷ *Акка* (Сен-Жан д'Акр) — город на побережье Средиземного моря, к югу от горы Кармель.

шо»,— и отправился с нами. Мы были уверены, что, когда он положит на больного руку, тот выздоровеет. Когда священник увидел его, он сказал: «Дайте мне воску». Мы принесли ему немного, он смял его, сделал из него шарики такой толщины, как суставы пальцев, и сунул по шарик в ноздри рыцаря, и тот умер. «Он умер»,— сказали мы. «Да,— ответил священник.— Он мучался, и я заткнул ему нос, чтобы он умер и успокоился».

«Брось это и поговори снова о Хариме!»¹⁸

Обратимся от рассказа об их привычках к чему-нибудь другому. Я присутствовал в Табарии при одном из франкских праздников. Рыцари выехали из города, чтоб поиграть копьями. С ними вышли две дряхлые старухи, которых они поставили на конце площади, а на другом конце поместили кабана, которого связали и бросили на скалу. Рыцари заставили старух бежать наперегонки. С каждой из этих старух двигалось несколько всадников, которые их подгоняли. Старухи падали и подымались на каждом шагу, а рыцари хотогали. Наконец, одна из них обогнала другую и взяла этого кабана в награду.

Однажды в Набулусе я был свидетелем того, как привели двух франков для единоборства. Причина была та, что мусульманские разбойники захватили деревню около Набулуса. Франки заподозрили одного из крестьян и сказали: «Это он привел разбойников в деревню». Крестьянин убежал; король¹⁹ послал схватить его детей. Тогда он вернулся и сказал королю: «Будь ко мне справедлив и позволь мне сразиться с тем, кто сказал про меня, что я привел разбойников в деревню». И король приказал владельцу разграбленной деревни: «Приведи кого-нибудь, кто сразится с ним».

Тот отправился в свою деревню, где был один кузнец, и он взял его и сказал: «Ты будешь сражаться на

---

¹⁸ Полустиише из большого стихотворения знаменитого доисламского поэта Зухейра, в котором он прославлял Харима, миротворца двух враждовавших арабских племен. Впоследствии обратилось в поговорку для обозначения перехода к другой теме.

¹⁹ Вероятно, Фулько V, король иерусалимский (1131—1142).

поединке». Ограбленный хозяин старался уберечь своих крестьян, чтобы ни одного из них не убили, и хозяйство его не пропало бы.

Я видел того кузнеца: это был сильный юноша, но когда он шел, то часто останавливался, садился и просил чего-нибудь выпить. Другой же, который требовал поединка, был старик с твердой душой. Он проносил воинственные стихи и не думал о поединке. Виконт²⁰, правитель города, пришел на место битвы и дал каждому из сражавшихся палку и щит, а народ встал вокруг них, и они бросились друг на друга. Старик теснил кузнеца, а тот отступал, пока не оказывался прижатым к толпе. Потом старик возвращался в середину круга, и они бились до того яростно, что стали похожи на окровавленные столбы. Дело затянулось, и виконт торопил их и кричал: «Скорее!» Кузнецу помогло то, что он привык работать молотом. Старик устал, и кузнец ударил его. Старик упал спиной на свою палку, а кузнец стал над ним на колени, чтобы вырвать ему пальцами глаза, но не мог этого сделать, потому что у него из глаз текло много крови. Тогда он поднялся и так ударил его палкой по голове, что убил. На шею старика сейчас же набросили веревку, потащили его и повесили. Хозяин этого кузнеца подарил ему поместье, посадил сзади себя на седло, взял с собой и уехал. Вот пример законов и суда франков, да проклянет их Аллах!

Однажды я отправился с эмиром Му'ин ад-Дином, да помилует его Аллах, в Иерусалим. По пути мы остановились в Набулусе. Там к Му'ин ад-Дину пришел один слепой юноша-мусульманин, хорошо одетый. Он принес Му'ин ад-Дину плодов и попросил разрешения поступить к нему на службу в Дамаске. Му'ин ад-Дин позволил ему, а я расспросил об этом юноше, и мне рассказали, что его мать была выдана замуж за франка и убила своего мужа. Ее сын заманивал хитростью франкских паломников и убивал их с помощью матери. В конце концов его заподозрили в этом и применили к нему франкский способ суда. Они по-

---

²⁰ В арабском тексте транскрипция европейского титула.

ставили громадную бочку, наполнили ее водой и укрепили над ней деревянную перекладину. Затем подозреваемого схватили, привязали за плечи к этой перекладине и бросили в бочку. Если бы этот человек был невиновен, он погрузился бы в воду, и его подняли бы с помощью этой веревки, и он не умер бы в воде. Если же он согрешил в чем-нибудь, то он не мог бы погрузиться в воду.

Когда этого юношу бросили в воду, он старался нырнуть, но не мог, и они его осудили, да проклянет их Аллах, и выжгли ему глаза. Этот человек прибыл потом в Дамаск, и эмир Му'ин ад-Дин, да помилует его Аллах, снабдил его всем необходимым.

Эмир сказал одному из своих слуг: «Сведи этого человека к Бурхан ад-Дину аль-Балхи, да помилует его Аллах, и скажи ему, чтобы он приказал кому-нибудь научить его Корану и кой-чему из законов».

Тогда слепец сказал Му'ин ад-Дину: «Победа и одоление! Я надеялся не на это». — «На что же ты рассчитывал?» — спросил эмир. «Что ты дашь мне лошадь, мула и оружие, — ответил юноша, — и сделаешь меня всадником». — «Я никогда не думал, что слепые могут стать всадниками», — ответил эмир.

Многие франки обосновались в наших землях и подружались с мусульманами. Эти франки гораздо лучше тех, кто недавно приехал из франкских стран, но они исключение, по которому нельзя судить вообще.

Вот пример. Однажды я послал своего товарища в Антиохию по делу. Главарем там был Теодор ибн ас-Сафани, с которым у меня была большая дружба. Он пользовался в Антиохии сильным влиянием. Однажды он сказал моему товарищу: «Один из моих франкских друзей пригласил меня к себе, ты пойдешь со мной, чтобы посмотреть на их обычаи».

«Я пошел с ним, — рассказывал мой товарищ, — и мы вошли в дом одного рыцаря. Это был один из старожилков, которые прибыли сюда во время первых походов франков²¹. Его освободили от канцелярской и

---

²¹ Вероятно, речь идет о первом крестовом походе, начавшемся в 1096 году.

военной службы, но у него были в Антиохии владения, доходами с которых он жил. Нам принесли прекрасно накрытый стол, чисто и хорошо приготовленные кушанья. Рыцарь увидел, что я воздерживаюсь от еды, и сказал мне: «Ешь, ублаготвори свою душу; я сам не ем ничего из франкских кушаний и держу египетских кухарок, я ем только то, что ими приготовлено, и в моем доме не бывает свиного мяса». Я стал есть, но был осторожен, а потом мы ушли. Однажды я проходил по рынку, и ко мне привязалась какая-то франкская женщина. Она что-то бормотала на их языке, и я не понимал, что она говорит. Вокруг нас собралась толпа франков, и я убедился в своей гибели. Вдруг приблизился этот самый рыцарь. Он увидел меня, подошел ко мне и сказал, обращаясь к женщине: «Что у тебя с этим мусульманином?» — «Этот человек убил моего брата Урса!» — воскликнула она, а этот Урс был рыцарь в Апамее²², которого убил кто-то из войска Хама. Рыцарь закричал на нее и сказал: «Этот человек бурджаси (т. е. купец), он не сражается и не принимает участия в бою». Он прикрикнул на собравшихся, и те рассеялись; тогда рыцарь взял меня за руку и пошел со мной. Мое спасение от смерти было следствием того, что я у него поел».

---

²² *Апамея* — город в 20 километрах к северу от Шейзара, принадлежавший франкам.

ТРУСЛИВЫЕ ХРАБРЕЦЫ

Удивительная особенность человеческих сердец та, что человек погружается в пучины и идет навстречу величайшим опасностям, и его сердце не пугается, но этот же человек боится того, чего не боятся дети или женщины.

Я видел это у моего дяди Изз ад-Дина Абу-ль-Асакир-султана¹, да помилует его Аллах, который был одним из самых храбрых в своем роду. Он участвовал в знаменитых походах и прославился памятными ударами копья, но когда он видел мышь, то менялся в лице, им овладевала как бы дрожь, и он уходил с того места, где видел мышь.

Среди его слуг был один храбрый человек, знаменитый своей доблестью и бесстрашием, по имени Сандук. Он до того боялся змей, что точно сходил с ума. Мой отец, да помилует его Аллах, сказал ему, когда он стоял перед моим дядей: «О Сандук, ты человек хороший, известный своей доблестью, не стыдно ли тебе так пугаться змей?» — «О господин мой, — ответил он, — что ж тут удивительного? В Хомсе есть храбрый человек, герой из героев, который чуть не до смерти боится мышей». Он имел в виду своего хозяина, и мой дядя, да помилует его Аллах, закричал на

¹ Правитель Шейзара с 1098 года.

него: «Пусть обезобразит тебя Аллах, ах ты такой-сякой!»

Я видел одного невольника моего отца, да поми-лует его Аллах, по имени Лулу; это был замечательно храбрый человек. Однажды ночью я выехал из Шейзара, взяв с собой много мулов и вьючных животных, чтобы привезти с гор лесу, который я там нарубил, чтобы сделать оросительную машину². Мы вышли из окрестностей Шейзара, думая, что рассвет уже близок, но прибыли в деревню Дубейс еще до наступления полуночи. «Сходите с коней,— сказал я товарищам,— мы не пойдем в горы ночью». Когда мы спешили и расположились отдыхать, то вдруг услышали ржание лошади.

«Это франки!» — воскликнули мы и стали в темноте садиться на лошадей. Я говорил себе: «Я убью одного франка и захвачу его лошадь, а они заберут всех наших вьючных животных и людей, которые их вели».

Я сказал Лулу и еще трем слугам: «Поезжайте вперед, разведайте, что это за ржание». Они поскакали вперед и встретили всадников, которых было очень много. Лулу двинулся к всадникам и крикнул: «Говорите, а не то я вас всех перебью», — а он отлично стрелял из лука. Встречные узнали его голос и сказали: «Ты хаджиб Лулу?» — «Да», — ответил Лулу. Оказалось, что это войско Хама с эмиром Сейф ад-Дином Суваром³, да помилует его Аллах. Они возвращались после набега на франкские области.

Такова была храбрость Лулу перед такой толпой, а когда он видел у себя в доме змею, то бегом выбежал оттуда и говорил своей жене: «Возьмись уж ты за змею». И жена его шла на змею и убивала ее.

---

² Вся область города Хама издревле славилась своими оросительными машинами в форме колес громадных размеров (арабское *на'ура*, откуда европейское *нория*), иногда достигавших высоты нескольких этажей

³ Наместник атабека Зенги в Алеппо. Набег его на франкские области, о котором, по-видимому, идет речь, относится к 1136 году.

НЕСЧАСТНЫЕ СЛУЧАИ

Всякого воина, будь он подобен льву, может погубить и обессилить ничтожное препятствие, как произошло со мной у Хомса; когда я вышел в бой, мою лошадь убили, и я получил пятьдесят ударов мечом. Это случилось во исполнение воли Аллаха и благодаря небрежности моего стремянного при укреплении поводьев лошади. Он привязал повод к кольцам, но не продел его через них, и когда я потянул за узду, желая уйти от врагов, узел поводьев развязался, и меня постигло то, что постигло.

Однажды мы услышали в Шейзаре крик глашатая с юга. Мы перепугались и надели доспехи, но кричавший оказался лжецом. Мой дядя и отец, да помилует их обоих Аллах, поехали вперед, а я остановился поодаль от них. Вдруг донесся крик с севера, со стороны франков. Я пустил свою лошадь вскачь по направлению к кричавшему и увидел, что люди идут вброд, сидя верхом друг на друге, и кричат: «Франки!»

Я тоже пошел вброд и сказал солдатам: «Не бойтесь, я впереди вас!» Затем я вскачь поднялся на Холм Карматов и вдруг увидел франкских всадников, приближавшихся в большом числе.

Из их рядов выступил всадник, одетый в кольчугу и шлем, и стал приближаться ко мне. Я двинулся на него, чтобы воспользоваться его удалением от товарищей. Всадник подъехал ко мне совсем близко, но, когда я двинул к нему свою лошадь, у меня лопнуло стремя. Я уже не мог избежать встречи с этим всадником и поднялся на седле без стремени. Когда мы съехались и нам оставалось только начать бой, всадник вдруг почтительно меня приветствовал. Оказалось, что это начальник Омар, дядя начальника Зейн ад-Дина Исмаила ибн Омара ибн Бахтиара¹. Он участвовал в набеге войск Хама на Кафартаб, но франки напали на мусульман, и те обратились в бегство и вернулись в Шейзар, куда еще раньше их прибыл эмир Сувар, да помилует его Аллах.

Человеку военному приходится осматривать сбрую своей лошади, так как самая незначительная и мелкая вещь в ней может принести вред и погубить; но все это связано с тем, что пошлет воля Аллаха и его приговор.

Я участвовал в сражениях со львами и в стольких облавах, что мне их не перечесть, и убил такое количество львов, что никто не сравняется со мной в этом, но мне не было от них никакого вреда. Однажды я выехал на охоту с отцом, да помилует его Аллах; мы направились в горы, расположенные близ Шейзара, чтобы поохотиться там с соколами на куропаток. Отец вместе с нами и сокольничими стоял у подножья горы, чтобы отбирать дичь у соколов и наблюдать за кустами.

Вдруг на нас выскочила гиена. Она вошла в пещеру, где была скалистая нора, и залегла в ней. Я кликнул своего стрелянного, которого звали Юсуф. Он снял платье, взял в руку нож и вошел в эту пещеру. Я стоял лицом к ней с копьём в руке, чтобы ударить гиену, когда она выйдет из норы. Вдруг слуга закричал: «Берегитесь, она выскочила к вам!» Я ударил копьём, но промахнулся, так как у гиены очень тонкое туловище. «У меня другая гиена!» — крикнул

---

¹ Оба эти лица в истории неизвестны.

слуга. Она пробежала по следам первой мимо меня. Я опять остановился у входа в пещеру. Вход был узок, и пещера возвышалась над землей на два человеческих роста. Я хотел посмотреть, что сделают наши товарищи, бывшие в долине, с гиенами, которые к ним спустились. Но тут на меня выскочила третья гиена, а я был занят тем, что смотрел на первых двух. Гиена опрокинула меня и сбросила с площадки у входа в долину под пещерой. Она едва не переломала мне кости, и, таким образом, я пострадал от гиены, хотя мне не принесли вреда даже львы. Да будет же слава вершителю судеб и первопричине всех причин!

Я видел у некоторых людей такую душевную слабость и робость, которую не предположил бы даже у женщин.

Однажды, например, я стоял у входа в дом моего отца, да помилует его Аллах. Я был еще мальчиком, и мне не исполнилось и десяти лет. Один из слуг моего отца по имени Мухаммед аль-Аджами ударил по лицу мальчика, прислуживавшего в доме. Тот бросился бежать от него и уцепился за мое платье. Мухаммед догнал мальчика и еще раз ударил его, когда он уцепился за мое платье. Тогда я ударил Мухаммеда тростью, бывшей у меня в руке, но Мухаммед оттолкнул меня от себя. Я выхватил из-за пазухи нож и ударил им Мухаммеда; нож попал ему в левый сосок, и он упал.

К нам подошел старый слуга моего отца, которого звали аль-Каид Асад. Он остановился над Мухаммедом и осмотрел его рану. Когда он пришел в себя, из его раны полилась кровь, пузырясь, как вода. Мухаммед пожелтел, задрожал и лишился сознания. Его снесли в его дом в таком положении, а он жил вместе с нами в крепости. Мухаммед не оправился от обморока до конца дня и тогда же умер от этой раны, и его похоронили.

Вот еще близкий к этому случай. Нас в Шейзаре посещал один житель Алеппо, человек достойный и образованный. Он играл в шахматы и за доской и вдали от нее. Его звали Абу-ль-Мурадджа Салим ибн Канит, да помилует его Аллах, и он жил у нас по

году, и больше, и меньше. Иногда ему случалось захворать, и врач прописывал ему кровопускание. Как только приходил цирюльник, Абу-ль-Мурадджа бледнел и начинал дрожать, а когда ему пускали кровь, он терял сознание и приходил в себя только после того, как ему перевязывали надрез. Потом он оправлялся.

ТВЕРДОСТЬ ДУХА

Вот пример противоположного. Среди наших товарищей был один негр из племени Бену Кинана, которого звали Али ибн Фарадж. У него на ноге сделался нарыв, пальцы ноги загнили и стали разлагаться, и нога даже начала дурно пахнуть. Хирург сказал ему: «Твою ногу остается только отнять, иначе ты погибнешь». Он взял пилу и стал пилить Али ногу. Али так слабел от потери крови, что терял сознание, а когда он приходил в себя, хирург снова пилил ему ногу, пока не отпилил ее до середины голени. Он залечил ногу, и она поправилась.

Этот Али, да помилует его Аллах, был одним из самых огромных и сильных людей. Он садился на седло с одним стремяном, а с другой стороны был ремень, поддерживавший его колени, и он участвовал в сражениях и бился копьями с франками в таком положении. Я видел его, да помилует его Аллах, в это время, и ни один человек не мог им овладеть ни хитростью, ни силой.

Несмотря на свою силу и доблесть, он отличался веселым нравом. Однажды утром, находясь в нашей крепости аль-Джиср¹, где он жил вместе с Бену

¹ Неоднократно упоминавшееся предместное укрепление, которое охраняло переправу через Оронт к Шейзару.

Кинана, Али послал сказать нескольким знатым кинанитам: «Сегодня дождливый день, а у меня осталось немного вина и еды. Сделайте милость, приходите ко мне попить вместе». Кинаниты собрались у него, а он сел в дверях своего дома и сказал: «Есть кто-нибудь среди вас, кто может выйти из двери, если я не захочу этого?» — он намекал на свою силу. «Клянемся Аллахом, нет», — ответили ему. «Сегодня дождливый день, — продолжал Али, — а у меня в доме с утра нет ни муки, ни хлеба, ни вина. У всякого же из вас есть в доме то, в чем он нуждается на один день. Пошлите к себе домой и принесите свое кушанье и свое вино, а я предоставлю дом. Тогда мы сегодня проведем время вместе, выпьем и поговорим». — «Как ты хорошо придумал, о Абу-ль-Хасан», — сказали все собравшиеся. Они послали к себе домой, велели принести все, какие там были кушанья и напитки, и окончили день у Али, который пользовался у них почетом.

Да будет же слава тому, кто сотворил своих тварей в разных образах! Как далека твердость и душевная сила этого человека от робости и слабости души у тех людей! Нечто похожее рассказал мне один из кинанитов в крепости аль-Джиср. У одного из жителей крепости сделалась водянка. Он вскрыл себе живот, поправился и стал снова таким же здоровым, как был. «Я хотел бы посмотреть на него и расспросить его», — сказал я. А тот, кто рассказал мне это, был кинанит по имени Ахмед ибн Ма'бад ибн Ахмед. Он привел мне того человека, и я расспросил его о его положении и о том, как он с собой поступил, и он ответил: «Я человек нищий и одинокий, мое туловище распухло от водянки и увеличилось до такой степени, что я уже не мог двигаться и почувствовал отвращение к жизни. Я взял бритву, ударил ею себя по животу выше пупка и вскрыл живот, и оттуда вышло две кастрюли или два котла воды. Вода продолжала выделяться из моего туловища, пока живот не опал. Тогда я зашил и залечил рану, она зажила, и моя болезнь миновала».

Он показал мне место разреза у себя на животе, которое было шире, чем пядь. Без сомнения, этому

человеку на земле был дарован полный удел. Я ведь видел другого водяночного, которому врач вскрыл живот, и из него вышло столько же воды, сколько вышло из тела того, кто сам себя проколол, но только он умер от этого вскрытия. Поистине, судьба надежная крепость!

ПОМОЩЬ АЛЛАХА

Победа на войне — от Аллаха, да будет он благословен и превознесен, а не от распоряжений и планов, не от количества людей и помощников. Когда мой дядя, да помилует его Аллах, посылал меня на бой с турками или франками, я говорил ему: «О господин мой, дай мне указания, как распоряжаться, когда я встречу врага», но дядя отвечал мне: «О сынок, война сама распоряжается собой», и он был прав.

Однажды он приказал мне взять с собой его детей и жену, «госпожу», дочь Тадж ад-Даула Тутуша¹, и отряд войска и доставить их в крепость Масиас², которая принадлежала тогда ему. Из любви к ним дядя хотел избавить их от жары Шейзара. Я сел на коня, а отец и дядя, да помилует их обоих Аллах, проводили нас на некоторое расстояние и вернулись. С ними не было никого, кроме маленьких невольников, которые вели на поводу лошадей и несли оружие, а все войска были со мной.

Когда отец и дядя приблизились к городу, они услышали бой крепостного барабана. «В крепости

¹ Тутуш — брат сельджукского султана Мелик-шаха — правил от его имени в Алеппо (1094 — 1095).

² Крепость Масиас лежала к юго-западу от Хама, на границе с графством Триполи.

аль-Джиср что-то случилось», — сказали они. Они погнали своих лошадей и поехали рысью к крепости. Между нами и франками, да проклянет их Аллах, было перемирие, но они послали вперед человека, который показал им брод, чтобы переправиться к городку аль-Джиср. Городок находился на полуострове, и к нему нельзя было добраться иначе, как по сводчатому мосту, построенному из камня и извести. Франки не могли бы подойти к мосту, но этот лазутчик указал им брод, и они все выехали из Апамеи³ и утром были у того места, которое он им указал. Они переправились через реку, овладели городом, разграбили его, захватили пленных и многих убили. Они послали часть добычи и пленных в Апамею и заняли наши дома. Каждый из франков укрепил на доме, чтобы отметить его, свой крест и воткнул перед домом знамя.

Когда мой отец и дядя, да помилует их обоих Аллах, приблизились к крепости, жители ее вознесли хвалу Аллаху и закричали. Аллах, да будет ему слава, наслал на франков страх и смятение. Они забыли, в каком месте переправились через реку, и бросились на лошадях в воду, одетые в кольчуги, но не там, где был брод, и очень многие из них потонули. Всадники, прыгая в реку, падали с седла и погружались в воду, а лошади выплывали на поверхность. Те из франков, которым удалось спастись, бросились в бегство, не заботясь один о другом. Они были в большом числе, а с отцом и дядей было десять маленьких невольников.

Мой дядя остался в крепости аль-Джиср, а отец вернулся в Шейзар. Я доставил детей моего дяди в Масиас и в тот же день поехал обратно. К вечеру я был уже в Шейзаре, и мне рассказали все, что случилось. Я явился к отцу, да помилует его Аллах, и спросил у него совета: должен ли я тотчас же отправиться к моему дяде в крепость аль-Джиср.

«Ты приедешь ночью, — сказал отец, — и они все будут спать. Лучше поезжай к ним с утра».

---

³ Апамея — ближайший к Шейзару пункт, занятый в эту эпоху крестоносцами.

На другое утро я отправился в путь и прибыл к дяде. Мы выехали верхом к тому месту, где потонули франки. В реку спустились несколько пловцов и вытащили из воды много мертвых франкских рыцарей.

«О господин мой, — сказал я моему дяде, — не отрубить ли нам у них головы и не послать ли в Шейзар?» — «Сделай так», — сказал дядя, и мы отрубили около двадцати голов; из них так текла кровь, как будто они только что были убиты, хотя уже прошли целый день и ночь; я думаю, что вода сохранила в них кровь. Наши люди захватили много всякого оружия, кольчуг, мечей, копий, шлемов и ножных панцирей.

Я видел одного из крестьян аль-Джисра, когда он пришел к моему дяде. Он держал руку под платьем, и дядя сказал ему в шутку: «Что ты мне предназначаешь из добычи?» — «Я приготовил тебе лошадь с полным снаряжением, — ответил крестьянин, — кольчугу, щит и меч».

Он пошел и принес все это, и дядя взял снаряжение, а самую лошадь отдал крестьянину и спросил его: «Что с твоей рукой?» И крестьянин ответил: «О господин мой, я схватился с одним франком, но у меня не было ни доспехов, ни меча. Я опрокинул франка и так ударил его в лицо, покрытое стальным забралом, что ошеломил его. Тогда я взял его же меч и убил его им. Кожа у меня на пальцах полопалась, и рука так вспухла, что я не могу ею пользоваться».

Он показал нам свою руку; она действительно была такова, как он говорил, и кости его пальцев обнажились.

В войске крепости аль-Джиср был курд, которого звали Абу-ль-Хабаш. У него была дочь по имени Раффуль, которую франки захватили в плен. Он не переставал вздыхать о ней и говорил каждому встречному: «Раффуль попала в плен». Однажды утром мы выехали, направляясь к реке, и увидели на воде, у берега что-то черное. Мы сказали одному из слуг: «Поплыви, посмотри, что это там чернеет». Слуга поплыл туда, и вдруг оказалось, что этот темный предмет — тело Раффуль, одетое в синее платье. Она бросилась в воду

с лошади франка, который захватил ее, и утонула, а ее платье зацепилось за куст ивы. После этого скорбь ее отца Абу-ль-Хабаша утихла.

Крик, который поднялся среди франков, их бегство и гибель — все это произошло по милости Аллаха, да будет он возвеличен и прославлен, а не из-за силы врагов или их войска. Да будет же благословен Аллах, властный над тем, чего хочет!

ПОМОЩЬ СТРАХА

Иногда бывает полезно испугать врагов во время войны. Раз, например, атабек¹ прибыл вместе со мной в Сирию в пятьсот двадцать девятом году² и двинулся на Дамаск³. Когда мы достигли аль-Кутайифы⁴, Салах ад-Дин⁵, да помилует его Аллах, сказал мне: «Поезжай впереди нас к аль-Фустуке, оставайся на дороге, чтобы ни один из солдат не перебежал в Дамаск». Я поехал вперед, но простоял недолго. Салах ад-Дин неожиданно нагнал меня с маленьким отрядом своих товарищей. Мы увидели в аль-Азра какой-то дым, и Салах ад-Дин послал одного всадника посмотреть, что это за дым. Оказалось, что это солдаты из войска Дамаска жгут солому; они бросились в бегство, а Салах ад-Дин принялся их преследовать. С нами было, может быть, тридцать всадников. Мы достигли аль-Кусейра, и вдруг оказалось, что там находится все войско Дамаска, перерезавшее дорогу к мосту. Мы находились у постоялого двора и спрятались за стенами.

¹ Имеется в виду атабек Зенги, мосульский Сельджукид.

² Весной 1135 года.

³ Дамаск в эту эпоху принадлежал Буриду Шихаб ад-Дину Махмуду (1135 — 1139).

⁴ Город к северо-востоку от Дамаска, на пути в Пальмиру.

⁵ Салах ад-Дин аль-Ягъсыяни, наместник атабека Зенги в Хама.

Пять-шесть наших всадников выходили из-за прикрытия, чтобы дамасское войско их заметило, а потом возвращались за стены; таким образом мы внушили им мысль, что у нас там устроена засада. Салах ад-Дин послал одного всадника к атабеку, чтобы известить его о нашем положении. Неожиданно мы увидели человек десять всадников, поспешно приближавшихся к нам. Сзади двигались войска, следуя друг за другом. Они подошли к нам, и оказалось, что это атабек, который шел впереди, а войско двигалось по его следам.

Атабек был недоволен Салах ад-Дином за то, что он сделал, и сказал ему: «Ты поспешил к дамасским воротам с тридцатью всадниками, чтобы тебя разбили, о Мухаммед». Он стал упрекать его, но они говорили по-тюркски, и я не понимал их слов.

Когда первые ряды войска дошли до нас, я сказал Салах ад-Дину: «Если ты прикажешь, я возьму этих солдат, которые сейчас прибыли, переправлюсь к всадникам Дамаска, что стоят против нас, и выбью их». — «Не так и не этак, — ответил Салах ад-Дин. — Кто дает мне такой совет, пока я на службе у атабека, тот не слышал, как атабек только что со мной обошелся». И если бы не милость великого Аллаха, соединенная с испугом франков и нашей хитростью, враги бы выбрали нас.

Нечто подобное случилось со мной, когда я ехал с моим дядей⁶, да помилует его Аллах, из Шейзара в Кафартаб⁷. С нами было много крестьян и бедняков, намеревавшихся пограбить посеvy зерна и хлопка в Кафартабе. Эти люди рассеялись, обирая поля, а конница Кафартаба тем временем выехала и остановилась около города. Мы находились между ними и нашими людьми, рассеявшимися по пашням и посевам хлопка. Один из наших разведчиков вдруг подскакал к нам и крикнул: «Конница Апамеи идет сюда!» Мой дядя тогда сказал мне: «Ты станешь напротив конницы Кафартаба, а я отправлюсь с войсками навстречу коннице Апамеи».

---

⁶ Правитель Шейзара Изз ад-Дин Абу-ль-Асакир-султан.

⁷ Кафартаб в этот период принадлежал франкам.

Я остановился во главе десяти всадников среди оливковых деревьев и спрятался за ними. Трое-четверо из нас выходили, показывались франкам и вновь прятались за оливковые деревья, а франки воображали, что нас очень много. Они съезжались, кричали и гнали к нам своих лошадей, пока не подъезжали совсем близко, но мы не трогались с места. Тогда они возвращались назад, а мы продолжали действовать таким образом, пока не вернулся мой дядя.

Франки, шедшие из Апамеи, обратились в бегство, и один из мусульман сказал моему дяде: «О господин мой, посмотри, что сделал этот (он имел в виду меня): он оставил тебя и не пошел с тобой навстречу коннице Апамеи». — «Если бы он не стоял здесь с десятью всадниками против конницы и пехоты Кафартаба, — сказал дядя, — враги захватили бы всех этих людей». На этот раз оказалось выгодней испугать франков и действовать против них хитростью, чем сражаться, так как нас было мало, а их очень много.

ОПАСНОСТЬ ОТ ЧРЕЗМЕРНОЙ СМЕЛОСТИ

Нечто подобное случилось со мной в Дамаске¹. Однажды я был вместе с эмиром Му'ин ад-Дином, да помилует его Аллах, когда к нему подъехал какой-то всадник и сказал: «Разбойники захватили на перевале караван с хлопком». — «Поезжай к ним», — сказал мне Му'ин ад-Дин. «Воля твоя, — ответил я, — но лучше вели чаушам² двинуть с тобой бойцов». — «Зачем нам бойцы?» — спросил Му'ин ад-Дин. «А что будет плохого, если они поедут?» — возразил я. «Нам не нужны бойцы», — повторил Му'ин ад-Дин. Он, да помилует его Аллах, был одним из храбрейших героев, но бесстрашие в некоторых обстоятельствах оказывается чрезмерным и опасным.

Мы выехали с двумя десятками всадников. На рассвете Му'ин ад-Дин послал двух всадников в одну сторону, двух — в другую, двух — туда, двух — сюда, чтобы они осмотрели дороги, а мы двинулись вперед с небольшим отрядом. Подошло время вечерней молитвы, и дядя сказал одному моему слуге: «Эй, Сувиндж, поднимись на пригорок, определи, в какую сторону нам молиться». Но не успели мы начать молитву, как

---

¹ Во время первого пребывания Усамы здесь в 1133 — 1144 годах.

² Чауш — низший офицерский чин.

к нам подскакал слуга и крикнул: «Вон люди в долине, и на головах у них тюки хлопка!» Му'ин ад-Дин, да помилует его Аллах, крикнул: «Поезжайте!» — «Дай нам время надеть казакины, — возразил я. — Когда мы увидим разбойников, мы опрокинем их нашими лошадьми, побьем их копьями, и они не будут знать, много нас или мало». — «Когда подъедем к ним, тогда и наденем доспехи», — ответил Му'ин ад-Дин и поехал вперед, а мы двинулись к разбойникам. Мы догнали их в долине Хальбун³. Это очень узкая долина, и расстояние между скалами иногда не превышает пяти локтей. Горы с обеих сторон очень обрывисты и круты, и дорога так узка, что всадники могут там проехать только один сзади другого.

Разбойников было около семидесяти человек, вооруженных луками и стрелами. Когда мы догнали разбойников, наши слуги с оружием были сзади нас и не могли к нам подъехать, а разбойники были частью в долине, частью на склонах горы; я же думал, что люди в долине — наши приятели, крестьяне из ближних деревень, которые погнались за разбойниками, а те, что на склонах горы, — разбойники. Я вытащил меч и ринулся на тех, кто был на горе, но моя лошадь, поднявшись на крутизну, едва не испустила дух. Когда я добрался до разбойников, лошадь остановилась, не будучи в состоянии двинуться. Один из разбойников наложил стрелу на лук, чтобы поразить меня, но я закричал и испугал его. Он удержал свою руку, и я стал снова спускаться с горы, не веря своему спасению от них. Эмир Му'ин ад-Дин поднялся на самую макушку горы, чтобы посмотреть, нет ли там крестьян, которых можно собрать для боя, и закричал мне с вершины горы: «Не отходи от них, пока я не вернусь!».

Потом он скрылся от нас, а я вернулся к тем, которые были в долине. Я теперь уже знал, что это были разбойники, и бросился на них в одиночку, так как долина была узкая. Разбойники пустились бежать и побросали хлопок, который был с ними. Мы отняли

---

³ *Хальбун* — селение в отрогах Антиливана, в трех часах пути к северу от Дамаска.

у них двух выючных животных, также нагруженных хлопком. Они поднялись в пещеру на склонах горы, и мы их видели, но у нас не было к ним подступа.

Эмир Му'ин ад-Дин, да помилует его Аллах, возвратился к концу дня, не найдя людей, которых можно было бы собрать для боя, а если бы с нами было войско, мы бы снесли всем разбойникам головы и отняли бы все, что у них было.

В другой раз со мной тоже случилось нечто подобное; причиной этого было проявление божественной воли, а также малый опыт в войне.

Мы выступили с эмиром Кутб ад-Дином Хусрау ибн Талилем⁴ из Хама, направляясь в Дамаск на службу к аль-Малику аль-Адилю Нур ад-Дину⁵, да помилует его Аллах. Мы прибыли в Хомс, а когда эмир собрался ехать дальше по дороге в Баальбек, я сказал ему: «Я поеду вперед: осмотрю баальбекскую церковь, пока ты приедешь». — «Сделай так», — сказал он.

Я сел на коня и поехал. Когда я был в церкви, ко мне прибыл от него всадник и передал его слова: «Шайка разбойников напала на караван и захватила его. Садись на коня и выезжай мне навстречу к горе».

Я поехал и присоединился к эмиру. Мы поднялись на гору и увидели разбойников под нами, в долине, окружавшей гору, на которой мы находились.

Один из приближенных Хусрау сказал ему: «Спустись к ним». — «Не делай этого! — воскликнул я. — Мы будем кружить на горе, оставаясь над разбойниками, преградим им дорогу на запад и захватим их». А разбойники были из земель франков. «Зачем нам вертеться на горе? — сказал другой. — Мы уже подошли к ним и почти захватили их».

Мы спустились, но разбойники, увидев нас, поднялись на гору. Хусрау сказал мне: «Поднимись к ним». Я силился подняться, но не мог. На горе было пять-

---

⁴ *Хусрау ибн Талиль* — курдский эмир, вассал Нур ад-Дина.

⁵ *Нур ад-Дин* — сын и преемник знаменитого мосульского атабека Имад ад-Дина Зенги, перенесший свою резиденцию в Сирию — сперва в Алеппо, затем в Дамаск (1146 — 1174). В Дамаске Усама жил под его покровительством почти десять лет (1154 — 1164).

шесть наших всадников. Они сошли с коней и пошли пешком, ведя лошадей на поводу. А разбойники, которых было очень много, бросились на наших товарищей и двух из них убили. Они захватили их лошадей и еще одну лошадь, владелец которой спасся. Они спустились с другой стороны со своей добычей, а мы вернулись обратно. У нас убили двух всадников и отняли трех лошадей; кладь каравана тоже пропала. Вот пример безрассудства от малой опытности в войне.

ХРАБРОСТЬ ОТ САМОЛЮБИЯ

А что касается безрассудства в смелости, то оно происходит не от презрения к жизни. Причина его лишь в том, что когда человек, известный своей храбростью и прославленный доблестью, вступает в сражение, то честолюбие заставляет его действовать соответственно своей славе, а все остальное становится неважным; однако душа его боится смерти и опасностей, и страх едва не берет над ним верх и едва не удерживает его от того, что он хочет сделать; пока человек не пересилит душу и не побудит ее к тому, что ей неприятно. Им овладевает из-за этого дрожь, и он меняется в лице, но когда он вступает в бой, то подавляет страх, и его волнение проходит.

Я присутствовал при осаде крепости *ас-Саур*¹ вместе с царем эмиров атабеком Зенги, да помилует его Аллах, о котором было уже кое-что упомянуто раньше. Эта крепость принадлежала эмиру Фахр ад-Дину Кара-Арслану ибн Дауду ибн Сукману ибн Ортуку², да помилует его Аллах, а гарнизон ее со-

¹ Крепость *ас-Саур* была расположена около Мардина, в области Диарбекра.

² Кара-Арслан стал впоследствии покровителем Усамы, дав ему под старость приют в своей крепости Кайфа.

стоял из лучников. Это происходило после того, как Зенги потерпел поражение под Амидом³.

Как только разбили палатки, атабек послал одного из своих людей, а тот крикнул под крепостью: «Лучники! Атабек говорит вам: «Клянусь милостью султана⁴, если хоть один из моих товарищей будет убит вашей стрелой, я велю отрубить вам руки!»

К крепости подвели стенобитные машины, и они разрушили одну сторону, и не были еще стены настолько сокрушены, чтобы двинуть туда пехотинцев, как один из бойцов атабека из жителей Алеппо по имени Ибн аль-Урейк поднялся к брешу. Он стал биться мечом с врагами, и те нанесли ему несколько ран и сбросили с башни в ров. Наши люди во множестве прошли через брешь и овладели крепостью. Уполномоченные атабека поднялись в крепость, и атабек взял ее ключи, которые послал к Хусам ад-Дину Тимурташу ибн Ильгази⁵, передав ему эту крепость.

Случилось так, что стрела какого-то лучника попала в колено хорасанскому бойцу, пробила ему чашку над коленным суставом, и он умер. Как только атабек овладел крепостью, он потребовал к себе лучников, которых было девять человек, и они пришли, держа натянутые луки на своих плечах. Он велел отпилить им большие пальцы у самого основания, и руки у них расслабили и пропали, а Ибн аль-Урейк вылез из своих ран после того, как был близок к смерти. Это был смелый человек, и он часто подвергал себя опасности.

Я уже видел нечто подобное. Однажды атабек расположился вокруг крепости аль-Бариа⁶. Ее окружали скалы и камни, на которых нельзя было разбить палатки. Атабек тогда спустился в долину и приказал эмирам по очереди возглавлять войска. Однажды ата-

---

³ Событие относится к 1133-34 году.

⁴ Имеется в виду сельджукский султан Махмуд-шах.

⁵ Хусам ад-Дин Тимурташ — сын и преемник борца с крепостносцами Наджм ад-Дина Ильгази, эмира Мардина.

⁶ Крепость аль-Бариа лежала к западу от Хомса и Хама и в это время (1137 г.) принадлежала Раймунду II, графу Триполи

бек приехал к крепости, когда была очередь Абу Бекра ад-Дубейси. На этом эмире не было боевого снаряжения. Атабек остановился около эмира и сказал ему: «Ступай вперед сражаться с нами». Эмир двинулся вместе со своими бойцами, которые были без доспехов, и против них вышла пехота из крепости. Один из воинов Абу Бекра по имени Мазьяд, который прежде не был известен своей доблестью в бою, выступил вперед. Он сражался с великим ожесточением, нанося врагам удары мечом, и рассеивал их отряды. Он получил несколько ран, и я видел его, когда его несли в лагерь при последнем издыхании. Затем он выздоровел, и Абу Бекр ад-Дубейси выдвинул его, богато одарил и назначил в свою свиту.

ЖЕСТОКОСТЬ АЛЬ-ЯГЫСЬЯНИ

Атабек говаривал: «У меня есть трое молодцов; один из них боится великого Аллаха и не боится меня (он имел в виду Зейн ад-Дина Али Кучука¹, да помилует его Аллах); другой боится меня и не боится великого Аллаха (он подразумевал Насир ад-Дина Сункара², да помилует его Аллах), а третий не боится ни Аллаха, ни меня». Этот третий был Салах ад-Дин Мухаммед ибн Айюб аль-Ягысьяни³, да помилует его Аллах.

Я видел со стороны Салах ад-Дина, да простит его Аллах, нечто такое, что подтверждало слова атабека. Однажды мы двинулись на Хомс⁴; накануне ночью на землю пролился сильный дождь, так что лошади не могли двигаться, ибо дорога стала тяжелой от грязи. Пехотинцы сражались; Салах ад-Дин стоял на месте, и я был рядом с ним. Мы смотрели на бойцов, сражавшихся перед нами, и вдруг один из пехотинцев перебежал к пехотинцам Хомса и присоединился к ним на глазах Салах ад-Дина.

¹ *Али Кучук* — правитель крепости Мосула с 1144 года, впоследствии везир атабека Маудуда (сына Зенги) в Мосуле, умер в 1168 году.

² Один из везиров Зенги; убит около 1145 года.

³ Часто упоминавшийся правитель Хама, вассал Зенги, которого не следует смешивать со знаменитым Салах ад-Дином (Саладином).

⁴ Поход относится к маю 1137 года.

Тогда Салах ад-Дин сказал одному из своих приближенных: «Поддай сюда того человека, который стоял рядом с ним», и тот пошел и привел его. Салах ад-Дин спросил этого бойца: «Кто это стоял рядом с тобой и убежал и вошел в Хомс?»—«Клянусь Аллахом, о господин мой, я не знаю его», — ответил солдат. «Разрубите его пополам!» — воскликнул Салах ад-Дин, но я сказал ему: «Заклучи этого человека в тюрьму и разузнай, кто был беглец. Если он его знал или был связан с ним родством, ты отрубишь ему голову, если же нет, ты посмотришь, как поступить с ним».

Салах ад-Дин уже соглашался со мной, но один из слуг, бывших в свите, сказал: «Когда кто-нибудь бежит, берут того, кто с ним рядом, и отрубают ему голову или перерубают его пополам».

Слова слуги разъярили Салах ад-Дина, и он крикнул: «Разрубите этого бойца пополам!», и его скрутили, как это обычно делалось, и разрубили пополам. А у Салах ад-Дина не было другого порока, кроме упрямства и недостаточной боязни великого Аллаха.

Я был вместе с Салах ад-Дином в другой раз, когда мы вернулись со сражения под Багдадом⁵. Атабек желал проявить твердость и силу и приказал Салах ад-Дину отправиться со своим отрядом против эмира Кипчака⁶. Мы шли из Мосула шесть дней и испытали крайние лишения. Наконец мы добрались до места, где был эмир, и оказалось, что он точно повис в горах Кухистана⁷. Мы расположились около крепости, называвшейся Масурра, и разбили свой лагерь при восходе солнца. Из крепости показалась какая-то женщина, которая сказала нам: «Есть у вас материя?» — «Время ли теперь покупать и продавать?» — ответили мы. «Нам нужна материя, — ответила она, — чтобы сделать вам саваны, потому что вы все умрете через пять дней». Она хотела этим сказать, что Кухистан — нездоровое место.

---

⁵ Вероятно, около 1138 года.

⁶ *Эмир Кипчак* — предводитель туркменских племен.

⁷ *Кухистан* — горная местность к югу от Мосула, с двумя крепостями — *Масурра* и *аль-Керхини*.

Разбив лагерь, Салах ад-Дин распорядился приготовиться и начать с утра штурм крепости. Он приказал землекопам проникнуть под одну из башен крепости, а крепость была вся построена из необожженного кирпича, и ее гарнизон состоял из крестьян. Мы бросились на приступ и поднялись к пролому, а хорасанцы сделали подкоп под одну из башен, и она упала. На ней было два человека: один из них умер, а другого захватили наши товарищи и привели к Салах ад-Дину. «Разрубите его пополам», — приказал тот. «О господин мой, — сказал я ему, — теперь месяц рамадан⁸, а это мусульманин: не будем же отягчать свои души его убийством».

Но Салах ад-Дин воскликнул: «Разрубите его пополам, чтобы они сдали крепость!» — «О господин мой, — возразил я, — ты сию минуту овладеешь крепостью», — но Салах ад-Дин повторял: «Разрубите его пополам», — и уперся на этом. Пленного разрубили, а мы взяли крепость почти сейчас же после этого.

Салах ад-Дин направился к воротам крепости, желая спуститься оттуда; с ним было множество победоносного войска. Он оставил нескольких своих приближенных сторожить крепость, а сам удалился и сидел в своей палатке до тех пор, пока не разошлись бойцы, бывшие с ним.

Затем он сел на лошадь и сказал мне: «Садись на коня». Мы сели на коней и поднялись в крепость. Салах ад-Дин сел и призвал к себе дозорного, который наблюдал за крепостью и осведомлял его о том, что там делается.

К нему привели женщин и детей — христиан и евреев, и с ними пришла одна старуха из курдов. Она спросила этого сторожа: «Видел ли ты моего сына такого-то?» — «Он убит, — ответил ей сторож, — его поразила стрела». — «А другого моего сына?» — сказала она. «Его разрубил пополам эмир», — ответил сторож. Старуха закричала и сорвала покрывало с головы; ее волосы походили на расчесанный хлопок. «Замолчи, — сказал сторож, — ведь тут эмир». — «А что

⁸ *Рамадан* — девятый месяц мусульманского года, посвящен посту и считается священным.

еще может эмир со мной сделать, — ответила она. — У меня было два сына, и он убил их».

Старуху увели, а сторож пошел и привел старого шейха с прекрасной седой бородой, который шел, опираясь на две палки. Он приветствовал Салах ад-Дина, а тот спросил: «Что это за шейх?» — «Это имам крепости», — ответил сторож. «Подойди, о шейх! — воскликнул Салах ад-Дин. — Подойди, подойди!» Шейх сел перед Салах ад-Дином, а тот протянул руку и, схватив его за бороду, вытащил нож, привязанный на поясе его платья, и срезал бороду шейха от самого подбородка. Борода осталась в руке Салах ад-Дина, похожая на бунчук.

Тогда этот шейх сказал ему: «О господин мой, за что ты сделал со мной такое дело?» — «За твое неповиновение султану⁹», — ответил Салах ад-Дин. «Клянись Аллахом, — сказал шейх, — я не знал о вашем прибытии до тех пор, пока сейчас не пришел сторож, который сказал мне об этом и призвал меня к тебе».

Затем мы уехали и остановились у другой крепости, тоже принадлежавшей эмиру Кипчаку, которая называлась аль-Керхини, и захватили ее. В ней нашли кладовую, наполненную одеждой, сшитой из грубой материи, которая предназначалась в подаяние беднякам Мекки.

Все христиане и евреи, находившиеся под защитой в крепости, были взяты в плен, а их имущество было разграблено так, как грабят только румы. Пусть Аллах, да будет ему слава, простит Салах ад-Дина.

Закончу на этом месте настоящий отдел, приведя слова своего же стихотворения:

Брось вспоминать про тех, кто убивает с любовью,
ведь от рассказов о них сделаются седыми наши новорожденные дети.

---

⁹ Имеется в виду сельджукский султан Махмуд-шах.

ПРЕВРАТНОСТИ СУДЬБЫ

Возвращусь к упоминанию кое-чего, случившегося у нас с исмаилитами в крепости Шейзар¹.

В этот день один из моих двоюродных братьев, по имени Абу Абдаллах ибн Хашим, да помилует его Аллах, проходя мимо, увидел в башне дома моего дяди одного батынита, с которым были меч и щит. Дверь дома была открыта, и снаружи стояло много народа из наших товарищей, но ни один из них не осмеливался войти к исмаилиту.

Тогда мой брат сказал одному из стоявших: «Войди к нему». Тот вошел, но батынит немедля ударил его мечом и ранил. Наш товарищ вышел раненый, и Ибн Хашим сказал другому: «Войди к нему». Тот вошел, но батынит опять ударил его мечом и ранил, и воин вышел в таком же виде, как вышел его товарищ. Мой двоюродный брат воскликнул: «О начальник Джавад, войди к нему!» — «Эй, распорядитель, — сказал Ибн Хашиму батынит, — а ты сам почему не входишь? Посылаешь ко мне других людей, а сам стоишь на месте. Входи, распорядитель, чтобы самому посмотреть». И Джавад вошел к нему и убил его.

---

¹ Речь идет, по-видимому, об одном из поздних нападений исмаилитов в 1135 году.

А этот Джавад был нашим судьей в спорах и доблестным борцом, но над ним протекло только немного лет, и я опять увидел его в Дамаске в пятьсот тридцать четвертом году², он торговал фуражом и продавал ячмень и солому. Джавад стал стар, как протертый бурдюк, и не мог даже отогнать мышей от своего товара.

Чего только не делается с людьми! Я удивился тому, с чего начал Джавад, и тому, что с ним случилось в конце его дел и в какое состояние его привела долгая жизнь. Я не знал, что болезнь старости есть нечто общее всем и что она нападает на каждого, о ком забыла смерть, но когда я добрался до вершины девяноста, и течение лет и дней исчерпало мои силы, я сделался таким же, как Джавад, торговец фуражом, и стал непохож на щедрого³ и расточительного. Слабость пригвоздила меня к земле, и одна часть моего тела вошла от старости в другую, так что я не узнал самого себя и стал вздыхать о том, чем я был вчера.

Я сказал, описывая свое состояние, такие стихи:

Когда я дошел до жизненного предела, которого раньше желал, я стал жаждать смерти.

Благодаря продолжительности жизни у меня не осталось силы, чтобы дать отпор превратностям судьбы, когда они на меня нападают.

Мои силы ослабли, и два моих верных союзника — мое зрение и мой слух — предали меня, когда я достиг этого предела.

Когда я встаю, мне кажется, что я подымаю гору, а при ходьбе я иду, как закованный в цепи.

Я тащусь, держа палку в той самой руке, которую я знал раньше несущей в сражении копье и меч из индийской стали.

Я провожу ночь на мягкой постели, но не сплю и ворочаюсь, словно я лежу на скалах.

Человека переворачивает жизнь, и, достигнув полного совершенства, он опять возвращается к тому, с чего начал.

---

² В 1139-40 году христианской эры.

³ Игра слов: *Джавад* — собственное имя и в то же время слово «щедрый».

А в Мисре я сказал, проклиная в жизни покой и отдых, которые так быстро и поспешно оканчиваются:

Посмотри, как превратности судьбы приучили меня, после того как я поседел, к привычкам, не похожим на прежние.

В перемене воли судьбы заключается назидание, да и какое положение не меняется с течением дней?

Я был факелом войны, и всякий раз, когда она угасала, я разжигал ее, высекая белыми клинками огонь из головы врага.

Моей заботой было нападать на соперников, которых я считал добычей, отданной мне на растерзание, а они страшились меня.

В страшной схватке я двигался быстрее, чем ночь, я был стремительнее потока и тверже в бою, чем судьба.

А теперь я стал, как томная девушка, возлежащая на мягких подушках за покрывалом и пологом.

Я почти загнил от долгого отдыха, подобно тому как индийский меч ржавеет от продолжительного пребывания в ножнах.

После кольчуг войны я закутан в плащи из дабикских⁴ материй. Горе мне и этим плащам!

Я не ищу довольства и не добиваюсь его, мне нет до благосостояния ни дела, ни заботы.

Я не хочу достигнуть славы в спокойствии или добиться высокого положения, не разбив в куски белых мечей и копий.

Я полагал, что в жизни новое не стареет и тот, кто силен, не слабеет, и что, когда я вернусь в Сирию, окажутся мои дни такими же, как раньше, и время их не изменит после меня. Но когда я вернулся, то лживыми оказались обещания моих надежд, и рассеялись эти предположения, словно блестящее марево. О боже, прости за эти случайные слова, вырвавшиеся вследствие заботы, которая меня постигла, а затем рассеялась!

Возвращусь же к тому, что меня занимает, и сброшу с себя гнет мрачной ночи.

---

⁴ Дабик — селение в Северном Египте, известное выработывавшимися там тканями.

ЖИЗНЕННОГО ПРЕДЕЛА НЕ ИЗМЕНИТЬ

Если бы сердца были чисты от скверны грехов и вручали себя ведающему сокрытое, они бы знали, что устремление в опасности войны не сокращает времени, остающегося до назначенного предела. Однажды я видел, когда мы сражались с исмаилитами в крепости Шейзар¹, назидательный пример, из которого ясно и доблестному, и умному, и трусливому, и глупому, что срок жизни заранее установлен и предопределен, что ее предел нельзя ни приблизить, ни отдалить.

А именно, когда мы кончили в тот день сражение, кто-то закричал из крепости: «Враги!» Около меня было несколько моих товарищей, имевших с собой оружие. Мы поспешно бросились к тому, кто крикнул, и сказали ему: «Что с тобой?» — «Я слышу шорох людей вот здесь», — сказал он. Мы пошли к пустой и темной конюшне и, войдя туда, нашли там двух вооруженных людей и убили их. Мы обнаружили в конюшне убитым одного нашего товарища, тело которого на чем-то лежало. Мы подняли его и нашли под ним одного батынита, который закрылся саваном и положил убитого себе на грудь. Мы подняли тело нашего товарища и убили того, кто был под ним, а товарища

---

¹ Вероятно, в 1135 году, как и в предыдущем рассказе.

положили в мечеть близ этого самого места. Он получил опасные раны, и мы не сомневались, что он умер, так как он не двигался и не дышал. Клянусь Аллахом, я потрогал его голову ногой на плитах мечети, и мы были уверены, что он мертв.

Этот несчастный проходил мимо конюшни и услышал шорох. Он всунул в стойло голову, чтобы проверить, что он слышит, и один из исмаилитов втащил его туда. Они били его ножами до тех пор, пока не решили, что он умер, но Аллах великий судил, чтобы его раны на шее и на теле были защиты, он выздоровел и стал так же здоров, как прежде. Да будет благословен Аллах, определяющий судьбы и назначающий срок кончин и жизней.

Я был свидетелем одного похожего случая. Франки, да проклянет их Аллах, сделали на нас набег в последнюю треть ночи. Мы сели на коней, намереваясь их преследовать, но мой дядя Изз ад-Дин², да помилует его Аллах, удержал нас от преследования и сказал: «Это разведка, а набег будет ночью».

Из города без нашего ведома выступила за франками пехота. Франки напали на некоторых пехотинцев, когда они возвращались, и убили их, а некоторые спаслись.

На другое утро я расположился в Бендер Канине, деревне около города. Я увидел три приближающиеся фигуры, две из которых были как люди, а у среднего лицо не походило на человеческое. Когда они приблизились ко мне, оказалось, что среднего ударил мечом по носу один франк и рассек лицо до самых ушей. Половина лица отвисла и оказалась у него на груди, а между двумя половинами был разрез величиной в пядь, и тем не менее он шел между двумя другими. Этот человек отправился в город, и врач зашил и залечил его лицо. Его рана затянулась, он выздоровел и оставался таким же, как прежде, пока не умер на своей постели. Он был продавцом вьючных животных и назывался Ибн Гази «рассеченный». Его прозвали рассеченным из-за этой раны.

---

² Правитель Шейзара.

ТЯГОСТЬ СТАРОСТИ

Но пусть не вздумают предполагать, что смерть можно приблизить, подвергая себя опасности, или отдалить усиленной осторожностью. В моей долгой жизни самое яркое наизидание: сколько я встретил ужасов и сколько раз устремлялся в страшные места и подвергался опасностям, сражался со всадниками и убивал львов, рубил мечами, ударял копьями и наносил раны стрелами и луками! И все-таки я был защищен от рока надежной крепостью, так что достиг девяноста лет, и смотрел на свое здоровье и долголетие так, как говорил пророк, да благословит его Аллах и да приветствует: «Довольно и такой болезни, как здоровье»¹. За моим спасением от этих ужасов последовало нечто более тягостное, чем смерть в бою и сражении: гибель во главе войска приятнее, чем тяготы жизни. Благодаря долгой жизни дни потребовали от меня обратно все разнообразные удовольствия и наслаждения, а тяжелая нужда замутила безоблачное счастье жизни. Я сказал о самом себе такие стихи:

Судьба к восьмидесяти годам иссушила мою кожу,
и меня огорчает слабость ног и дрожание рук.

Когда я пишу, почерк у меня очень дрожащий, как
почерк у испуганного человека с трясущимися руками.

---

¹ Смысл этого изречения в том, что слишком преклонная старость так же тягостна, как и болезнь.

Удивляйся же тому, что моя рука слишком слаба, чтобы держать перо после того, как она ломала копыя в груди льва.

Когда я иду с палкой в руке, моя нога становится такой тяжелой, как будто бы я погружаю ее в жидкую подмерзшую грязь.

Скажи тому, кто жаждет долгого пребывания на земле: вот последствия долгой жизни и преклонного возраста.

Мои силы ослабли и почти исчезли, и беспечное счастье прекратилось и пришло к концу. Долгая жизнь среди людей повергла меня, и притушенный огонь моего очага скоро совсем погаснет. Наконец я стал таким, как сказал о себе:

Судьба забыла обо мне, и я стал подобен верблюдице, истомленной долгим путешествием по пустыне.

Мои восемьдесят лет не оставили мне мощи, и когда я хочу встать, я чувствую себя разбитым.

Я произношу молитву сидя, а земные поклоны, когда я хочу поклониться, кажутся мне тягостью.

Это состояние предвещает мне, что время тронуться в последний путь приблизилось и путешествие уже недалеко.

Бессилие от преклонных лет сделало меня слишком слабым для службы султанам. Я покинул пороги их дверей и отделил свои судьбы от их судеб. Я уволился от служения им и возвратил им то, что они мне пожаловали из даров, так как я знал, что бессильная старость не в состоянии исполнять обязанности службы, и промысел со старым стариком не приносит выгоды эмиру. Я перестал выходить из дома и сделал неизвестность своим покровом. И согласилась моя душа на уединенную жизнь на чужбине и разлуку с родиной и милыми сердцу местами, и, наконец, ее неудовольствие успокоилось, так что я не чувствовал никакой горечи. И терпел я, как пленник терпит свои цепи или как жаждущий путешественник терпит жажду, пока не дойдет до воды.

ХВАЛА ВЕЛИКОМУ САЛАДИНУ

Потом меня призвал к себе письмом наш господин, царь победоносный, благо мира и религии¹, султан ислама и мусульман, объединяющий слова истинной веры и поражающий поклонников креста, воздвигающий знамя справедливости и добрых дел, оживитель власти повелителя правоверных, Абу-ль-Музаффар Юсуф ибн Айюб², да украсит Аллах ислам и мусульман, даровав ему долголетие, и да укрепит их остриями его мечей и решений. Да очистит Аллах мусульманам пользовавшие его густой тенью, как он очистил от мути источники его щедрости. Да распространит Аллах до крайних пределов земли его высочайшие приказы и запреты, и да поставит он острия его мечей судьями над шеями его врагов. Его милость откопала меня в глубине стран, хотя я был отделен от него горами и равнинами, и нашла меня в покинутом уголке земли, не имеющим ни средств, ни родины. Он вырвал меня из пасти превратностей своим прекрасным решением и перевел меня к своим высоким дверям обильными и бо-

¹ Игра слов, основанная на буквальном значении почетных титулов Саладина: *аль-Малик ан-Насир* — «царь победоносный» и *Салах ад-Дин* — «благо религии».

² *Юсуф ибн Айюб* — имя султана Салах ад-Дина, последнего покровителя престарелого Усамы, давшего ему приют в Дамаске (в 1174 — 1199 гг.).

гатыми милостями. Он вправил то, что время во мне сломало, и вернул цену благодаря своему великодушию тому, что не имело цены для других по причине моих преклонных лет. Он засыпал меня самыми удивительными щедротами и пожаловал мне по своему великодушию самые драгоценные дары, так что своей безграничной милостью он вознаградил меня за мою прежнюю службу у других. Он засчитал мне эту службу и был так признателен за нее, словно сам был свидетелем ее и очевидцем. Его дары посещали меня ночью во время сна и притекали ко мне, когда я сидел в тоске. Благодаря его щедротам каждый день прибавляет мне милостей и почестей, так как он почитает достойных, хотя я и ничтожнейший из его рабов. Его благородное решение обезопасило меня от перемены счастья, его дары возвратили мне то, что вырвало у меня время губительными бедствиями. Он излил на меня свои преизбыточествующие благодеяния, после того как исполнил все должное и законное, так что всякая шея была бы слишком слаба, чтобы вынести даже легчайшую из его щедрот. Его великодушие не оставило мне ни одной мечты, исполнения которой я мог бы ожидать. Я провожу день и ночь, вознося за него молитвы; его милость достигает всех рабов Аллаха и оживляет своими благами страны. Он тот султан, который вернул к жизни заветы халифов, шедших по прямому пути³, и высоко воздвиг столпы власти и веры. Он река, не высыхающая от множества приходящих на водопой, и благодетель, не урезающий своих щедрот, несмотря на следующих друг за другом посетителей.

Пусть же народ не перестанет чувствовать себя под защитой его мечей в неприступном укреплении, под потоком его щедрот, как бы во время весны с ее благодатными дождями, и под его справедливым управлением, как бы в лучах света, рассеивающего мрак обид и отводящего протянутую руку хищного врага. Пусть его всепокоряющая власть держит народ

---

³ Под этим именем разумеются обыкновенно четыре первых халифа: Абу Бекр, Омар, Осман и Али.

как бы в раскидистой тени и непрекращающемся блаженстве, идущем вновь и вновь по следам прошедшего до тех пор, пока ночь сменяется днем и вращается небесный свод.

Я молился, а два ангела — хранители свитков⁴ провозгласили: «Аминь!» Ведь властитель небесного престола близок к тому, кто призывает его.

Он сказал уже, да будет ему слава, рабам своим: «Просите меня, ибо я тот, кто слышит и отвечает»⁵.

Слава Аллаху, господу миров, и да будет его благословение на господине нашем Мухаммеде и на всем роде его! Достаточно с нас Аллаха, славного промыслителя, и все счастье, которое вы имеете, все от Аллаха.

---

⁴ Ангелы, записывающие добрые и злые деяния людей.

⁵ Ср. Коран, II, 64.

П Р И Б А В Л Е Н И Е
П Е Р В О Е

Говорит Усама ибн Муршид ибн Али ибн Мукаллад ибн Наср ибн Мункыз, да дарует прощение Аллах ему и его родителям и всем мусульманам! Вот любопытные происшествия; часть их случилась в моем присутствии, а часть рассказали мне люди, которым я доверяю. Я сделал их добавлением к своей книге, так как они не входили в состав того, о чем я хотел упомянуть в предыдущем. Я начну с рассказов о праведных, да будет над ними всеми благословение Аллаха.

РАССКАЗЫ О ПРАВЕДНИКАХ

Шейх имам проповедник Сирадж ад-Дин Абу Тахир Ибрахим ибн аль-Хусейн ибн Ибрахим, проповедник города Ис'ерда¹, рассказал мне там в месяце зу-ль-ка'да пятьсот шестьдесят второго года² следующее:

Абу-ль-Фарадж Багдадский³ рассказал мне событие такого рода: «Я присутствовал, — говорил он, — на собрании у имама Абу Абдаллаха Мухаммеда аль-Басри в Багдаде, когда к нему пришла какая-то женщина и сказала: «О господин мой, ты был среди свидетелей при подписании договора о моем приданом. Я потеряла бумагу о приданом и прошу тебя оказать мне милость и подтвердить свое свидетельство у судьи». — «Я не сделаю этого, — ответил шейх, — пока ты не принесешь мне халвы». Женщина стояла, полагая, что он шутит, говоря так, но шейх повторил: «Не затягивай, я не пойду с тобой, пока ты не принесешь мне халвы».

Женщина ушла, а потом вернулась и вынула из мешка под покрывалом сверток бумаги, в котором была сухая халва. Товарищи шейха удивлялись, что он потребовал халвы, несмотря на свою воздержан-

¹ *Ис'ерд* — нынешний Сеерт, город в Диарбекре, в верховьях Тигра.

² 19 августа — 17 сентября 1167 года.

³ *Абу-ль-Фарадж Багдадский* — вероятно, знаменитый историк, известный под именем Ибн аль-Джаузи (1164—1202).

ность и строгий образ жизни. Шейх взял мешок, открыл его и выбрасывал халву кусок за куском, пока мешок не опустел. Абу Абдаллах посмотрел на него, и оказалось, что это договор о приданом женщины, который она потеряла.

«Возьми твой договор, — сказал ей шейх, — вот он».

Присутствующие превозносили то, что он сделал, но он сказал им: «Ешьте дозволенное! ⁴ Вы сами делали такие вещи и даже больше».

Шейх Абу-ль-Касим аль-Хыдр ибн Муслим ибн Кусейм из Хама рассказал мне в этом городе в понедельник, в последний день зу-ль-хиджже в пятьсот семидесятом году ⁵ следующее.

К нам пришел один житель Куфы, потомок пророка, и рассказал со слов своего отца:

«Я был вхож к верховному судье в Сирии, уроженцу Хама, который оказывал мне почести и отличал меня. Он сказал мне однажды: «Я люблю жителей Куфы ради одного из них. Когда я был еще юношей, я был в Хама во время кончины Абдаллаха ибн Маймуна аль-Хамави, да помилует его Аллах. Ему сказали: «Сделай свое завещание», а он ответил: «Когда я умру, и вы кончите облачать меня, вынесите меня на равнину, и пусть кто-нибудь влезет на пригорок, возвышающийся над кладбищем, и закричит: «О Абдаллах ибн Кубейс, Абдаллах ибн Маймун умер, приди к нему, помолись над ним!» Когда Ибн Маймун умер, они сделали то, что он приказал, и к ним приблизился человек в одежде из грубой ткани и шерстяном плаще, с той стороны, по направлению к которой кричал возглашавший. Он подошел к телу и помолился над ним, а люди остоленели и не сказали ему ни слова. Когда он кончил молитву, он ушел обратно туда, откуда пришел, и все стали упрекать друг друга, что не удержали его и не расспросили. Они поспешили по его следам, но он ушел от них, не сказав им ни одного слова».

---

⁴ Ср. Коран, II, 164.

⁵ 21 июля 1175 года.

Я был свидетелем похожего на это события в крепости Кайфа⁶. В мечети аль-Хыдра был человек по имени Мухаммед ас-Самма, у которого была келья в боковой пристройке мечети. Он выходил оттуда во время молитвы, чтобы помолиться со всеми, а потом возвращался в свою келью. Это был истинно святой человек, и он жил недалеко от меня. Когда перед ним предстала смерть, он сказал мне: «Я бы желал от великого Аллаха, чтобы ко мне пришел мой наставник Мухаммед аль-Бусти». И не успели еще люди приготовиться обмыть тело и закутать в саван, как его наставник шейх Мухаммед аль-Бусти уже был около него и взялся его обмыть. Он шел за телом впереди нас и помолился над ним.

Шейх поселился в келье Мухаммеда ас-Самма и прожил там короткое время; он заходил ко мне, а я заходил к нему. Мухаммед аль-Бусти, да помилует его Аллах, был мудрец и аскет, и я никогда не видал и не слышал о подобных ему. Он постоянно постился, не пил воды и не ел ни хлеба, ни каких-либо злаков. Он разговлялся или двумя гранатами, или кистью винограда, или парой яблок, а раз или два в месяц он ел кусок-другой жареного мяса.

«О шейх Абу Абдаллах, — сказал я ему однажды, — как случилось, что ты не ешь хлеба и не пьешь воды, хотя постоянно соблюдаешь пост?» — «Я постился и совсем ничего не ел, — ответил он, — и увидел, что могу это осилить. Тогда я провел голодным три дня и сказал себе: «Все, что я ем, я буду считать для себя падалью, которая позволена тому, кто вынужден к этому трехдневной голодовкой». Оказалось, что и это для меня посильно, и я перестал есть и пить воду. Моя душа привыкла к этому и успокоилась, и я постоянно стал это делать».

Один из вельмож крепости Кайфа построил этому шейху келью в саду, предназначенном для него. В первый день месяца рамадана шейх пришел ко мне и сказал: «Я пришел проститься с тобой». — «А как же

---

⁶ Там Усама жил при дворе Кара-Арслана в 1169—1174 годах.

келья, которая приготовлена для тебя, и сад?» — спросил я. «О брат мой, — сказал он, — я не нуждаюсь в них и не останусь». Он простился со мной и ушел, да помилует его Аллах, и было это в пятьсот семидесятом году⁷.

Шейх Абу-ль-Касим аль-Хыдр ибн Муслим ибн Кусейм из Хама рассказал мне там в упомянутое выше время, что в саду Мухаммеда ибн Мис'ара, да помилует его Аллах, работал один человек. Этот работник пришел к родным Мухаммеда, сидевшим у дверей их дома в аль-Маарре⁸, и сказал: «Я слышал сейчас нечто удивительное». — «А что же ты слышал?» — спросили его. «Мимо меня проходил человек, у которого был маленький бурдюк, — ответил работник. — Он попросил налить в него воды, и я дал ему. Он совершил омовение, и я хотел дать ему пару огурцов, но он отказался их взять. «Половина этого сада принадлежит мне в уплату за мою работу, — сказал я ему, — а половина — собственность Мухаммеда ибн Мис'ара». — «Совершал ли Мухаммед в этом году паломничество?» — спросил незнакомец. Я ответил: «Да». — «Вчера, когда мы ушли с «остановки»⁹, он умер, и мы помолились над ним», — сказал человек».

Родные Мухаммеда бросились ему вслед, чтобы расспросить его, и увидели его вдали, но не могли догнать. Они возвратились и отметили день этого происшествия, и дело было так, как он сказал.

Досточтимый Шихаб ад-Дин Абу-ль-Фатх аль-Музаффар, сын Ас'ада сына Мас'уда сына Бухтегина сына Себуктегина, вольноотпущенник Му'изз ад-Даула Буида¹⁰, рассказал мне в Мосуле восемнадцатого рамадана пятьсот шестьдесят пятого года¹¹ следующее:

---

⁷ В 1174 году, незадолго до переезда Усамы в Дамаск.

⁸ *Мааррат ан-Ну'ман* (около Алеппо).

⁹ «Остановка» (на горе Арафат близ Мекки) — один из обрядов мусульманского паломничества.

¹⁰ Му'изз ад-Даула правил в Ираке (Месопотамии) в 932 — 967 годах.

¹¹ 5 июня 1170 года.

«Повелитель правоверных аль-Муктафи би-амриллах¹², да помилует его Аллах, посетил мечеть Сандудия в окрестностях аль-Анбара¹³, на западной стороне Евфрата. С ним был его везир, и я был тут же. Он вошел в мечеть, которая называлась мечеть повелителя правоверных Али¹⁴, да будет над ним благоволение Аллаха, одетый в платье из дамиеттской ткани и опоясанный мечом со стальными украшениями. Никто не предполагал, что это повелитель правоверных, кроме тех, кто знал его в лицо.

Настоятель мечети стал молиться за везира, но тот воскликнул: «Горе тебе, молись за повелителя правоверных!»—и аль-Муктафи, да помилует его Аллах, сказал ему: «Спроси его о чем-нибудь для него полезном. Спроси его, что случилось с болезнью, которая была у него на лице; я видел его во дни нашего господина аль-Мустазхира¹⁵, да помилует его Аллах, и на лице у него была болезнь». А на лице настоятеля была глубокая язва, покрывавшая большую часть его лица, и, когда он хотел поесть, он затыкал язву платком, чтобы пища попадала ему в рот. И настоятель рассказал везиру: «Я был таким, как ты знаешь, и часто ходил в эту мечеть из аль-Анбара. Меня встретил один человек и сказал: «Если бы ты бывал в доме такого-то (он имел в виду правителя аль-Анбара) так же часто, как бываешь в этой мечети, он бы, наверное, позвал к тебе врача, который бы свел эту болезнь с твоего лица».

В моем сердце поднялось из-за его слов нечто такое, что у меня даже стеснилась грудь. Заснув в эту ночь, я увидел повелителя правоверных Али, сына Абу Талиба, да будет над ним благословение Аллаха, который был в мечети и говорил: «Что это за зелень?» (Он подразумевал зелень на земле.) Я пожаловался ему на то, что со мной происходит, но он отвернулся от меня. Я снова обратился к нему и посетовал на то, что говорил тот человек, и тогда Али сказал: «Ты тоже

¹² Багдадский халиф из династии Аббасидов (1136 — 1160)

¹³ Город к западу от Багдада.

¹⁴ Четвертый «праведный» халиф (654 — 661).

¹⁵ Багдадский халиф (1094 — 1118).

из тех, кто хочет быстро преходящего счастья». Потом я проснулся, и оказалось, что язва сошла и лежала около меня, и болезнь моя прекратилась».

Аль-Муктафи, да помилует его Аллах, воскликнул: «Он говорит правду!» — а потом сказал мне: «Поговори с ним, посмотри, чего он просит, и напиши ему указ, а потом принеси его ко мне для надписи». Я поговорил с настоятелем, и он сказал мне: «У меня большая семья и много дочерей. Я хотел бы иметь ежемесячно три динара». Я составил от его имени заявление, в начале которого он надписал: «Слуга, настоятель мечети Али». Халиф сделал надпись и даровал ему просимое и сказал мне: «Пойди, занеси этот указ в дела дивана». Я пошел и прочитал в указе только слова: «удовлетворить просьбу». А по обычаю для лица, указанного в постановлении, писали копию указа и отбирали у него указ с надписью повелителя правоверных. Когда писец развернул бумагу, чтобы переписать ее, он нашел под словами «настоятель мечети Али» надпись рукой аль-Муктафи, повелителя правоверных, да будут над ним молитвы Аллаха: «Если бы он пожелал большего, ему бы, наверное, было дано».

Судья имам Маджд ад-Дин Абу Сулейман Дауд ибн Мухаммед ибн аль-Хасан ибн Халид аль-Халиди, да помилует его Аллах, рассказал мне в окрестностях крепости Кайфа в четверг двадцать второго числа первого раби пятьсот шестьдесят шестого года ¹⁶, со слов человека, передавшего ему это, что один шейх попросил приема у «великого ходжи» ¹⁷, да помилует его Аллах. Когда он вошел к ходже, тот увидел, что это почтенный и достойный старец. «Откуда ты, шейх?» — спросил его ходжа. «Издалека», — ответил шейх. «Тебе что-нибудь нужно?» — сказал ходжа, и шейх молвил: «Я посланец к Мелик-шаху от посланника Аллаха ¹⁸, да благословит его Аллах и да приветствует». — «О шейх, что это за речи», — воскликнул ходжа. «Если ты приведешь меня к Мелик-шаху», — ответил шейх, —

¹⁶ 3 декабря 1170 года.

¹⁷ Прозвание везира селджуцкого султана Мелик-шаха (1071 — 1092).

¹⁸ То есть пророка Мухаммеда.

я сообщу ему послание, а если нет — я не уйду, пока не встречу с ним и не передам, в чем мое дело». Великий ходжа отправился к султану и осведомил его о том, что сказал шейх, и султан сказал: «Приведите его».

Когда шейха привели, он поднес султану зубочистку и гребень и сказал ему: «Я простой человек, у меня много дочерей, а я беден и не могу обрядить их и выдать замуж. Я каждую ночь взывал к Аллаху великому, чтобы он ниспослал мне, чем обрядить моих дочерей. Я заснул в ночь на пятницу в таком-то месяце, взывая к Аллаху, да будет ему слава, о помощи моим дочерям, и увидел во сне посланника Аллаха, да благословит его Аллах и да приветствует, и он сказал мне: «Это ты взывал к великому Аллаху, чтобы он ниспослал тебе, чем обрядить твоих дочек?» Я ответил: «Да, о посланник Аллаха», — и тогда пророк сказал: «Пойди к такому-то (он назвал его Му'иззом Мелик-шахом, имея в виду султана) и скажи ему: «Посланник Аллаха, да благословит его Аллах и да приветствует, говорит тебе, чтобы ты снарядил моих дочерей». — «О посланник Аллаха, — сказал я, — а если он потребует от меня доказательства того, что я ему скажу?» — «Скажи ему как доказательство, что он каждую ночь перед сном читает главу Корана «Да будет благословен»¹⁹.

Когда султан услышал все это, он сказал: «Это правильное доказательство, и никто не ведает этого, кроме Аллаха, да будет он благословен и прославлен, ибо действительно мой наставник велел мне читать эту главу каждую ночь перед сном, и я это делаю».

Затем он приказал выдать шейху все, что требовалось для приданого его дочек, щедро одарил его и отпустил.

Этот рассказ напоминает то, что я слышал от Абу Абдаллаха Мухаммеда ибн Фатика, теще в мечети. Он говорил:

---

¹⁹ Начальные слова 25 и 67-й сур Корана.

«Однажды я читал Коран под руководством Абу Бекра ибн Муджахид, да помилует его Аллах, чтеца в Багдаде, и к нему подошел шейх в потертой чалме и ветхом плаще и платье. Ибн Муджахид знал этого шейха и сказал ему: «Что это рассказывают про девочку?» — «О Абу Бекр, — ответил шейх, — у меня вчера родилась третья дочь, и родные потребовали у меня даник, чтобы купить масла и меду и смазать ей рот. Я не мог дать им даника и провел ночь в заботе. Я увидел во сне пророка, да благословит его Аллах и да приветствует, и он сказал мне: «Не тяготись и не печалься, а когда наступит утро, пойдя к Али ибн Исе, везиру халифа, передай ему привет от меня и скажи ему в доказательство: «Ты свершил у могилы пророка четыре тысячи молитв. Дай мне сто золотых динаров». — «О Абу Абдаллах, — воскликнул Абу Бекр ибн Муджахид, — из этого будет польза!» Он прекратил чтение Корана, взял шейха за руку и встал, и они пошли с ним к Али ибн Исе. Тот увидел с Абу Бекром шейха, которого не знал, и спросил его: «Откуда у тебя этот человек, о Абу Бекр?» — «Пусть везир позволит ему приблизиться, — ответил Абу Бекр, — и выслушает его слова». Везир велел шейху подойти ближе и спросил его: «Что у тебя за дело, о шейх?» Шейх сказал: «Абу Бекр ибн Муджахид знает, что у меня две дочери, а вчера родилась третья, и родные потребовали у меня мелкую монету, купить меду и масла, чтобы смазать ей рот. Я не мог дать этих денег и провел вчерашнюю ночь в заботе. Я увидел во сне пророка, да благословит его Аллах и да приветствует, и пророк сказал: «Не тяготись и не печалься; когда наступит утро, пойдя к Али ибн Исе, передай ему от меня привет и скажи ему: «Основываясь на доказательстве, что ты молился над могилой пророка четыре тысячи раз, дай мне сто золотых динаров».

«Глаза Али ибн Исы наполнились слезами, — продолжал Ибн Муджахид, — и он воскликнул: «Прав был Аллах и его посланник, и ты, о шейх, сказал правду. Это такая вещь, которую не знал никто, кроме Аллаха всевышнего и его посланника, да благословит его Аллах и да приветствует. Эй, слуга, подай ко-

шель». Слуга принес его, и Али опустил в него руку и вытащил сто динаров и сказал: «Вот сотня, о которой говорил тебе посланник Аллаха, да благословит его Аллах и да приветствует, а это другая сотня за радостную весть, а вот еще сотня в подарок от нас». Этот человек вышел от везира, и у него в руках было триста динаров».

ЧУДЕСНОЕ ИСЦЕЛЕНИЕ

Аль-Кайд аль-Хаджж Абу Али рассказал мне в крепости Кайфа в месяце рамадане пятьсот шестьдесят восьмого года ¹ следующее:

«Я был в Мосуле и сидел в лавке Мухаммеда ибн Али ибн Мухаммеда ибн Ма'ма. Мимо нас прошел один пивовар, очень полный человек с толстыми ногами. Мухаммед позвал его и сказал: «О Абд-Али, ради Аллаха, расскажи вот ему твою историю». И тот рассказал:

«Я, как видишь, продаю пиво. Как-то раз в ночь на среду я лег спать совсем здоровым, но когда проснулся, середина моего тела расслабла, и я не мог двигаться. Ноги у меня высохли и стали до того тонкими, что остались только кожа да кости. Я ползал задом, так как мои ноги не слушались меня, в них совсем не было движения. Я сел на дороге Зейн ад-Дина Али Кучука ², да помилует его Аллах, и он приказал снести меня в свой дом. Меня снесли туда, и он позвал врачей и сказал: «Я хочу, чтобы вы его вылечили». — «Хорошо, мы его вылечим, если пожелает Аллах», — сказали врачи. Затем они взяли гвоздь, раскалили его и прижгли мне ногу, но я его не почувствовал, и врачи сказали Зейн ад-Дину:

«Мы не можем его вылечить, и для этого нет средства».

---

¹ 16 апреля — 15 мая 1173 года.

² Правитель Мосульской крепости.

Тогда Зейн ад-Дин подарил мне два динара и осла, но осел пробыл у меня около месяца и окошел. Я снова сел на пути Зейн ад-Дина, и он подарил мне другого осла, но он тоже окошел, потом получил третьего осла, который также окошел. Я снова попросил милостыню у Зейн ад-Дина, но он сказал одному из своих приближенных: «Вынеси его и брось в ров». — «Ради Аллаха, брось меня на бок: я не почувствую им ничего», — попросил я. «Нет, я брошу тебя только на голову», — ответил тот.

Но тут подошел посланный Зейн ад-Дина, да помилует его Аллах, и вернул меня к нему. Слова Зейн ад-Дина о том, чтобы бросить меня в ров; были шуткой. Когда меня принесли к нему, он дал мне четыре динара и осла. Я оставался в таком положении до тех пор, пока однажды не увидел во сне, будто какой-то человек остановился надо мной и сказал: «Вставай!» — «Кто ты?» — спросил я его. «Я Али, сын Абу Талиба»⁴, — ответил человек. Я поднялся на ноги и встал, а потом разбудил свою жену и сказал ей: «Горе тебе, я видел то-то и то-то». — «Ведь ты стоишь!» — воскликнула она. Я пошел на своих ногах; то, что было со мной, прошло, и я стал таким, как ты меня видишь. Я отправился к Зейн ад-Дину эмиру Али Кучуку, да помилует его Аллах, и рассказал ему свой сон. Он увидел, что все то, что было у меня раньше, исчезло, и дал мне десять динаров». Да будет слава целителю, возвращающему здоровье!

---

⁴ Четвертый «праведный» халиф (654 — 661).

НАГРАЖДЕННОЕ БЕСКОРЫСТИЕ

Шейх, знаток Корана¹, Абу-ль-Хагтаб Омар ибн Мухаммед ибн Абдаллах ибн Ма'мар аль-Улейми рассказал мне в Дамаске в начале пятисот семьдесят второго года², что один человек сообщил ему в Багдаде со слов судьи Абу Бекра Мухаммеда ибн Абд аль-Баки ибн Мухаммеда аль-Ансари, правоведа, которого называли «больничным судьей», следующее:

«Когда я совершал паломничество и делал обход храма, я нашел ожерелье из жемчужин и завязал его в край своей паломнической одежды. Через некоторое время я услышал, что какой-то человек разыскивает его в храме и назначил тому, кто возвратит ему ожерелье, двадцать динаров. Я спросил его о признаках пропавшей вещи, он рассказал мне, и я вручил ему ожерелье.

«Пойдем со мной в мое жилище, чтобы я мог дать тебе то, что назначил»,— сказал человек. «Мне не нужно этого,— ответил я,— я отдал тебе ожерелье не ради вознаграждения, и у меня от Аллаха много всякого добра».— «Так ты отдал мне его только ради Аллаха, да будет он возвеличен и прославлен?» — «Да»,— сказал я. «Повернись с нами к Ка'бе, — молвил тот человек, — и скажи «аминь моей молитве». Мы повернулись к Ка'бе, и он воскликнул: «О Аллах, про-

¹ В тексте *аль-хафиз* — звание, которое прилагается к знающему Коран наизусть.

² Осенью 1176 года.

сти ему и дай мне возможность отблагодарить его». Затем он простился со мной и уехал.

Случилось так, что я путешествовал из Мекки в область Египта и ехал по морю, направляясь на запад. Румы захватили судно, и я был захвачен среди других, взятых в плен. Я достался на долю одного священника и не переставал служить ему, пока не приблизилась его кончина. Он завещал отпустить меня, и я вышел из страны франков и оказался в каком-то городе на западе³. Я стал писцом в лавке одного пекаря, а этот пекарь был управляющим у одного из жителей города. При начале следующего месяца слуга этого горожанина пришел к пекарю и сказал: «Мой господин зовет тебя подвести счеты». Пекарь взял меня с собой, и мы пошли к нему. Я стал громко подсчитывать, и когда горожанин увидел мое умение считать и мой почерк, он попросил меня у пекаря. Он перевел меня жить к себе и поручил наблюдать за своими доходами, а у него было большое состояние. Он отвел мне помещение в пристройке своего дома и, когда прошло немного времени, спросил меня:

«О Абу Бекр, что ты думаешь о женитьбе?» — «О господин мой, — ответил я, — мне не хватает денег на собственные расходы, так как же я возьму на себя расходы на жену?» Мой хозяин ответил: «Я сниму с тебя расходы на приданое, помещение и одежду и снабжу тебя всем, что тебе нужно». — «Приказывай только», — ответил я. «О дитя мое, — сказал он, — у этой твоей жены есть телесные недостатки», — и не оставил на ее теле, с головы до ног, ни одного недостатка, о котором бы не упомянул мне, но я говорил: «Согласен», — и в глубине души я думал то же самое, что высказывал. Мой хозяин сказал мне: «Твоя жена — моя дочь». Он собрал людей и заключил со мной условие.

А через несколько дней он сказал мне: «Собирайся войти в свой дом». Он приказал дать мне прекрасное платье, и я вошел в дом, который был роскошно убран

---

³ В тексте *аль-Магриб*, что обозначает страны Африки к западу от Египта.

и снабжен всякой утварью. Меня посадили на скамью и ввели ко мне невесту под ковровым покрывалом. Я поднялся, чтобы встретить ее, и когда она сняла покрывало, я увидел образ, красивее которого не видал в обиталище здешней жизни. Я выбежал вон из дома, и мой хозяин встретил меня и спросил о причине моего бегства, и я сказал ему: «Поистине эта жена — не та, о которой ты мне говорил, и у нее нет недостатков, упомянутых тобою».

Он улыбнулся и сказал: «О дитя мое, она твоя жена, и у меня нет детей, кроме нее. Я упомянул о том, о чем упомянул, только для того, чтобы ты не пренебрег тем, что увидишь». Я возвратился, и она открылась передо мною, а когда наступило утро, я стал рассматривать, какие на ней были украшения и роскошные драгоценности. Среди множества того, что было на ней надето, я увидел ожерелье, которое нашел когда-то в Мекке. Я удивился этому и погрузился в раздумье. Когда я вышел из дома, хозяин позвал меня и спросил о моем состоянии. «Дозволенное срезало нос ревности», — сказал он. Я поблагодарил его за то, что он мне сделал, и мной опять овладело раздумье об ожерелье и о том, как оно попало к нему.

«О чем ты думаешь?» — спросил меня хозяин. «О таком-то ожерелье, — ответил я, — потому что я совершал паломничество в таком-то году и нашел в храме это ожерелье или похожее на него». Тут хозяин мой вскрикнул и сказал: «Это ты тот человек, который возвратил мне ожерелье?» Я ответил: «Да, это я». — «Радуйся, — воскликнул хозяин, — ибо поистине Аллах простил мне и тебе, потому что в ту минуту я просил Аллаха, да будет он превознесен, чтобы он простил мне и дал возможность отблагодарить тебя тем же самым, а теперь я отдал тебе свое имущество и свое дитя. Я думаю, что мой жизненный предел уже близок». Затем он сделал завещание в мою пользу и через короткое время умер, да помилует его Аллах».

РЕДКИЕ СЛУЧАИ ИСЦЕЛЕНИЯ

Эмир Сейф ад-Даула Зенги ибн Караджа¹, да помилует его Аллах, рассказал мне следующее:

«Шаханшах позвал нас в Алеппо (а он был мужем его сестры). Когда мы собрались у него, мы послали за одним нашим товарищем, с которым мы дружили и вместе пировали. Это был мягкий человек и отличный друг. Мы позвали его, и он пришел. Мы принесли ему напитки, но он сказал: «Я воздерживаюсь, так как врач предписал мне воздержание на несколько дней, пока не вскрыется эта опухоль». А у него в верхней части шеи была громадная опухоль. «Попируй с нами сегодня,—сказали мы ему,—а воздержание начнется с завтрашнего дня».

Он так и сделал и пил с нами до конца дня. Мы потребовали от Шаханшаха чего-нибудь поесть, и он сказал: «У меня ничего нет»,—но мы не отставали от него, пока он не согласился принести нам яиц, которые мы хотели поджарить на сковородке. Он принес яйца, а мы принесли блюдо и, разбив яйца, вылили на блюдо их содержимое. Мы поставили сковородку на жаровню, чтобы ее разогреть, и я посоветовал человеку, у которого была опухоль на шее, выпить яиц. Он поднес блюдо ко рту, чтобы выпить немного, но все,

---

¹ Малоизвестный эмир, которого не следует смешивать со знаменитым атабеком Зенги.

что было на блюде, влилось ему в глотку, когда он захотел выпить.

Мы сказали хозяйину дома: «Дай нам взамен другие яйца», — но он ответил: «Клянусь Аллахом, я этого не сделаю».

Мы выпили еще вина и разошлись. На заре я еще был в постели, когда постучали в дверь. Девушка вышла посмотреть, кто у двери, и оказалось, что это наш товарищ. Я сказал: «Приведи его». Он подошел ко мне, а я лежал в постели, и сказал: «О господин мой, эта опухоль, которая была у меня на шее, исчезла, и от нее не осталось следа». Я посмотрел на место, где была опухоль, а оно было таково же, как все другие стороны его шеи. «Что же свело опухоль?» — спросил я. Он ответил: «Слава Аллаху, я не помню, чтобы я применял еще какое-нибудь средство, которого не применял прежде, кроме того, что выпил сырых яиц». Слава всемогущему, посылающему испытания и исцеляющему!»

У нас в Шейзаре жили два брата; старшего из них звали Музаффар, а другого Малик ибн Ияд. Они были купцы из жителей Кафартаба, путешествовавшие в Багдад и другие страны. У Музаффара сделалась большая грыжа, которая его утомляла. Он проезжал с караваном через ас-Самаву в Багдад. Караван остановился у одного из бедуинских становищ, и их угостили птицами, которых сварили для них. Братья поужинали и легли спать. Музаффар проснулся и, разбудив попутчика, который был около него, сказал ему:

«Я сплю или бодрствую?» — «Бодрствуешь, — ответил попутчик. — Если бы ты спал, ты бы не разговаривал». — «Моя грыжа исчезла, — воскликнул Музаффар, — и от нее не осталось следа!» Сосед взглянул на него, и оказалось, что он так же здоров, как другие. Когда наступило утро, они спросили бедуинов, которые приютили их, чем они их накормили. «Вы остановились у нас, — ответили бедуины, — когда наши животные были уведены на пастбища. Тогда мы вышли, поймали молодых воронят и сварили их для вас».

Когда купцы приехали в Багдад, они пошли в больницу и рассказали начальнику ее эту историю. Он

послал достать молодых воронят и кормил ими тех, у кого была эта болезнь, но это не принесло пользы и не произвело никакого действия. Тогда он сказал: «Воронята, которых он съел, получали от отца в пищу гадюк, и этим объясняется их полезность».

Вот еще один похожий случай. Один человек пришел к врачу Юханне ибн Ботлану², знаменитому своей опытностью, который был в своей лавке в Алеппо. Пришедший пожаловался ему на свою болезнь. Врач взглянул на него и увидел, что у него развилась водянка. Его туловище раздулось, шея похудела, и цвет лица изменился. Врач сказал ему: «О сынок, клянусь Аллахом, у меня нет для тебя средства, и лечение на тебя не подействует». Больной ушел, а через некоторое время он опять проходил мимо Ибн Ботлана, сидевшего в своей лавке. Его болезнь прошла, тело похудело, и все состояние стало хорошим.

Ибн Ботлан позвал его и сказал: «Это ты приходил ко мне некоторое время тому назад? У тебя была водянка, и твое туловище раздулось, а шея похудела. Я еще сказал тебе: «Нет у меня для тебя средства». — «Да, это так», — сказал этот человек. «Чем же это ты лечился, что твоя болезнь прошла?» — спросил Ибн Ботлан. «Клянусь Аллахом, я ничем не лечился, — ответил человек. — Я бедняк, у меня нет ничего, и за мной некому ходить, кроме матери, слабой старухи. У нее был в кувшине уксус, и она каждый день наливала мне его на хлеб». — «Осталось у тебя еще немного этого уксуса?» — спросил Ибн Ботлан. «Да», — ответил тот человек. «Пойдем со мной, покажи мне кувшин, в котором налит уксус», — сказал врач. Человек пошел с ним в свой дом и показал ему кувшин с уксусом; Ибн Ботлан вылил из него весь уксус и нашел на дне кувшина двух гадюк, успевших уже разложиться. «О сынок, — сказал Ибн Ботлан, — никто не мог излечить тебя до полного выздоровления уксусом, в котором были га-

---

² Известный врач, христианин, оставивший после себя ряд медицинских трактатов. Умер монахом в Антиохии около 1063 года.

дюки, кроме Аллаха, да будет он возвеличен и прославлен!»

У этого Ибн Ботлана бывали удивительно удачные способы в лечении. Вот пример.

Один человек пришел к нему, когда он был в своей лавке в Алеппо. У этого человека пропал голос, и его едва понимали, когда он говорил.

«Каково твое ремесло?» — спросил его Ибн Ботлан, и больной ответил: «Я делаю сита». — «Принеси мне полритля крепкого уксуса», — приказал врач. Тот принес уксус, и Ибн Ботлан сказал. «Выпей его». Больной выпил и присел на минутку. На него напала тошнота, и он изверг с уксусом много грязи. После этого его горло прочистилось, и голос восстановился.

Ибн Ботлан сказал тогда своему сыну и ученикам: «Не лечите никого этим лекарством, вы убьете больного. В пищеводе этого человека задержались частички пыли из сита, и ничто не могло их извлечь, кроме уксуса».

Ибн Ботлан состоял на службе у моего прадеда Абу-ль-Мутавваджа Мукаллада ибн Насра ибн Мункыза³. У моего деда Абу-ль-Хасана Али ибн Мукаллада ибн Насра ибн Мункыза⁴, да помилует его Аллах, появилась какая-то болезнь. Он был тогда еще маленьким мальчиком. Это взволновало его отца, и он испугался, что это проказа. Он позвал Ибн Ботлана и сказал ему: «Посмотри, что появилось на теле у Али». Врач посмотрел на него и сказал: «Я хочу пятьсот динаров, чтобы вылечить его и свести эту болезнь». Мой прадед ответил: «Если бы ты вылечил Али, я бы не удовлетворился, дав тебе пятьсот динаров». Когда Ибн Ботлан увидел гнев моего прадеда, он воскликнул: «О господин, я твой слуга и вполне завишу от твоей милости. Я сказал то, что сказал, только в виде шутки. То, что у Али, это прыщики юности, и когда он вырастет, это пройдет. Не делай же себе из этого заботы. Никакой врач, как и я, не скажет тебе: «Я вылечу

---

³ Абу-ль-Мутаввадж в 20-х годах XI века получил в лен от алеппских Мирдасидов Шейзар.

⁴ Абу-ль-Хасан Али правил Шейзаром в 1059—1082 годах.

его» и не возьмет с тебя за это денег. Сыпь пройдет с возрастом». И все произошло, как он сказал.

В Алеппо была женщина, одна из знатных алеппских женщин, которую звали Барра. На ее голову напал озноб, и она закутывала ее в лучшую шерсть, бархатные шапочки, платки и шарфы, так что казалось, что на ее голове большая чалма, но она все-таки стонала от холода. Она позвала Ибн Ботлана и пожаловалась ему на свою болезнь. Он сказал ей: «Достань мне до завтра пятьдесят мискалей пахучей камфары. Возьми ее в долг или на подержание у какого-нибудь торговца благовониями, и она будет возвращена ему целиком». Больная достала камфару, и на другой день он сбросил с ее головы все, что на ней было, и втер эту камфару ей в волосы. Затем на голову женщины снова надели то, чем она была закутана, но больная все стонала от холода. Она заснула на короткое время и проснулась, жалуясь на жар и недомогание в голове. С нее снимали вещь за вещь все то, что было у нее на голове, пока на ней не остался один платок. Затем она вытряхнула из волос всю камфару, и ощущение холода прекратилось. С тех пор она стала довольствоваться одним платком.

Нечто похожее на это случилось со мной в Шейза-ре. Меня одолел страшный озноб и дрожь без лихорадки. На мне было много одежд и меха, но когда я делал движение сидя, я начинал дрожать, волосы у меня на теле становились дыбом, и я корчился. Я позвал к себе врача шейха Абу-ль-Вафа Тамима и пожаловался ему на то, что испытывал. Шейх сказал: «Принесите мне индийскую тыкву», и, когда ему принесли, разломил ее и сказал: «Съешь ее, сколько сможешь». — «О лекарь, — сказал я, — я чуть не умираю от холода, да и время холодное; как же я съем тыкву в таком холодном виде». — «Ешь, как я тебе говорю», — сказал врач. Я поел, но не успел кончить есть ее, как вспотел, и все ощущение холода прошло. Врач сказал мне: «То, что с тобой было, произошло от разлития желчи, а не от действительного холода».

Я уже говорил выше о некоторых удивительных сновидениях и упомянул в своей книге, озаглавленной

«Книга снов и сновидений», имена тех, кто рассказывает о снах. Я сообщил то, что говорится о снах и о времени сновидений, и привел изречения о них мудрецов, подтвердив их слова выдержками из стихов арабов. Я распространился на эту тему и исчерпал предмет, так что нет нужды упоминать здесь о чем-либо подобном, но мне вспомнился один такой рассказ; я нашел его интересным и записал здесь.

У моего деда Садид аль-Мулька Абу-ль-Хасана Али ибн Мукаллада ибн Насра ибн Мункыза ⁵, да помилует его Аллах, была невольница по имени Лулуа, которая воспитала моего отца Маджд ад-Дина Абу Саяму Муршида ибн Али ⁶, да помилует его Аллах. Когда он вырос и переселился из дома своего отца, она уехала с ним, а когда я появился на свет, эта старуха воспитывала меня, пока я не вырос. Я женился и переехал из дома моего отца, да помилует его Аллах, и она уехала со мной; у меня родились дети, и она воспитала их. Она была праведная женщина, да помилует ее Аллах, постилась и подолгу стояла на молитве.

Время от времени у нее бывали колики. Однажды с ней случился припадок, усилившийся до того, что она лишилась сознания, и ее состояние сочли безнадежным. Она провела так два дня и две ночи, а потом пришла в себя и сказала: «Нет Бога, кроме Аллаха! В каком я была удивительном состоянии! Я встретила всех наших покойников, и они рассказывали мне удивительные вещи и между прочим сказали: «Эти колики не будут уже возвращаться к тебе».

Старушка прожила после этого долгое время, и колики уже не возобновлялись. Она прожила так долго, что приблизилась к ста годам, но тщательно совершала молитвы, да помилует ее Аллах.

Однажды я вошел в ее комнату, которую отвел ей в моем доме. Перед ней стоял таз, и она мыла полотенце для омовений при молитве. «Что ты делаешь, матушка?» — спросил я. «О сынок, — ответила стару-

⁵ Упомянутый несколько выше правитель Шейзара (1059—1082).

⁶ Родился в 1068 году, умер в 1137 году.

ха,—они брали полотенце в руки, а руки у них пахнут сыром. Сколько я ни мою это полотенце, оно продолжает пахнуть сыром».— «Покажи мне мыло, которым ты моешь»,—сказал я, и она вынула его из полотенца, и оказалось, что это кусок сыра. Она думала, что это мыло, и чем больше терла это полотенце сыром, тем больше оно издавало запаха. «О матушка,—сказал я ей,—это кусок сыра, а не мыло». Она взглянула на него и сказала: «Ты прав, о сынок, а я думала, что это мыло».

Да будет прославлен Аллах, правдивейший из говорящих, который сказал: «Кому мы даем долгую жизнь, у того переворачиваем его внешний вид»⁷. Пространность влечет за собой скуку, а событий и происшествий больше, чем можно сосчитать. Страстное стремление к Аллаху, великому и славному, наступает перед последним путешествием, когда жаждешь здоровья на время оставшейся жизни, милости и снисхождения Аллаха при наступлении кончины. Аллах, да будет ему слава,—великодушнейший из всех, кого просят, и ближайший исполнитель надежд. Да будет слава Аллаху единому, и да будет его молитва и привет над господином нашим Мухаммедом и над его родом.

---

⁷ Коран, XXXVI, 68.

П Р И Б А В Л Е Н И Е
В Т О Р О Е

О Х О Т Н И Ч Ъ И
Р А С С К А З Ы

«Аллаху принадлежит одна моя сторона, которой я не погублю; другая — принадлежит забавам и празднествам».

Я упомянул о случайностях войны и о тех бедствиях, сражениях и опасностях, которых я был свидетелем, поведал о том, что пришло мне на память и о чем не заставило забыть время и его течение, ибо моя жизнь затянулась. Я живу в одиночестве и в отдалении от мира, а забывчивость — давнее наследие отца нашего Адама, да будет над ним мир.

Я посвящу особый отдел воспоминаниям об охоте, ловле и охотничьих птицах. Сюда относится то, что я наблюдал в Шейзаре в начале жизни, затем — с царем эмиров атабеком Зенги ибн Ак-Сункаром, да помилует его Аллах, затем — в Дамаске с Шихаб ад-Дином Махмудом ибн Тадж аль-Мулуком, да помилует его Аллах, затем — в Мисре, затем — с аль-Малик аль-Адилем Нур ад-Дином Абу-ль-Музаффаром Махмудом, сыном атабека Зенги, да помилует его Аллах, затем — в Диярбекре с Фахр ад-Дином Кара-Арсланом ибн Даудом ибн Ортуком, да помилует его Аллах.

ОХОТЫ С ОТЦОМ

То, что было в Шейзаре,— это охота с моим родителем, да помилует его Аллах; он страстно любил охоту и увлекался ею и охотничьими птицами, не считая чрезмерными всех своих трат на эту забаву. Охота была его развлечением. У него не было другого дела, кроме сражений, войны с франками и переписывания книги Аллаха, великого и славного, когда он кончал с делами своих товарищей.

Он постоянно постился, да помилует его Аллах, и усердно предавался чтению Корана; охотясь же, он поступал так, как гласит изречение: «Дайте отдых вашим сердцам, и они сохранят память об Аллахе». Я никогда не видел ничего подобного его способу охоты и его распорядительности.

ОХОТЫ С АТАБЕКОМ ЗЕНГИ

Я присутствовал при охоте царя эмиров атабека Зенги¹, да помилует его Аллах, у которого было много охотничьих птиц. Мы подвигались вдоль рек, а сокольниковые ехали впереди нас с соколами, чтобы пускать их на водяных птиц. Они били в барабаны по установившемуся обычаю, и соколы ловили тех, кого ловили, и упускали тех, кого упускали. За ними держали горных кречетов на руках у сокольниковых, и, когда сокол бросался на птиц и упускал их, на птиц выпускали горных кречетов, хотя бы птица и была уже далеко. Они все-таки догоняли и ловили. Их пускали в погону за куропатками, и они настигали их уже во время подъема по склону горы и ловили. Быстрота их полета поистине удивительна. Однажды я находился с атабеком, когда мы были на болоте в окрестностях Мосула и проходили через заросли. Впереди атабека был сокольниковый, на руке у которого сидел ястреб. Взлетел самец рябчик, и сокольниковый спустил ястреба на него. Тот поймал рябчика и снизился. Когда он был на земле, рябчик вырвался из его когтей и взлетел. Но когда он был высоко, ястреб взлетел за ним, захватил его и спустился, держа уже крепко.

Я неоднократно видел атабека, когда он охотился за дикими зверями. Когда загон закрывали и там со-

---

¹ В 1130—1137 годах, во время первой долгой отлучки Усамы из Шейзара еще при жизни отца.

бирались дикие звери, никто не мог войти в загон, а когда какой-нибудь зверь выходил, в него бросали стрелы. Атабек был одним из лучших стрелков; когда к нему приближалась газель, он пускал в нее стрелу, и мы видели, что она точно спотыкается и падает, а потом ее приканчивали. В каждую охоту, при которой я присутствовал, он посылал ко мне со слугой первую газель, которую убивал.

Однажды я присутствовал на его охоте, когда загон уже был закрыт. Это происходило в области Нисибина² на берегах аль-Хирмаса³. Палатки уже были разбиты, и звери добрались до них. Слуги атабека вышли с палками и дубинами и перебили большое количество. В загоне оказался волк; он прыгнул в середине круга на газель, схватил ее и припал к ней. Его убили, когда он был над ней.

Я присутствовал также на его охоте в Санджаре⁴. К нему подъехал один всадник из его приближенных и сказал: «Там лежит гиена». Атабек отправился вместе с нами в соседнюю долину. Гиена спала на скале на склоне долины. Атабек спешил, подошел к гиене и остановился против нее. Он пустил в нее стрелу и бросил в глубину долины. Туда спустились и принесли к нему гиену мертвой. Я видел его еще раз в окрестностях Санджара, когда ему указали на зайца. Он приказал всадникам окружить зайца, а один слуга, по его приказанию, понес рысь, как носят гепардов. Атабек выехал вперед и пустил рысь на зайца. Заяц вошел между ног лошадей, и с ним нельзя было справиться. До этого времени я не видел, чтобы рысь охотилась.

---

² *Нисибин* — древний город к северо-западу от Мосула, к югу от Мардина.

³ Приток Хабур.

⁴ Город к юго-востоку от Нисибина, к западу от Мосула.

ОХОТЫ В ДАМАСКЕ

Я видел в Дамаске во дни Шихаб ад-Дина Махмуда ибн Тадж аль-Мулука¹ охоту за птицами, газелями, дикими ослиами и козулями. Однажды я был с ним, когда мы выехали в заросли Банияса². Земля была покрыта густой травой. Мы убили большое число козуй и разбили палатки кругом. Когда мы сошли с лошадей, в середине круга поднялась козуля, которая спала в траве. Ее захватили среди палаток. Когда мы возвращались, я заметил одного человека, который увидел белку на дереве. Он рассказал об этом Шихаб ад-Дину. Тот пришел, остановился под деревом и пустил в зверька две или три стрелы, но не попал. Он оставил его и уехал, как будто рассерженный, что не попал в него. Я увидел тогда одного тюрка, который подошел к животному, пустил в него стрелу и попал как раз в середину. Его передние лапы были парализованы, но он повис на задних со стрелой в туловище. Толькос когда дерево потрясли, белка упала. А между тем, если бы эта стрела попала в сына Адама, он бы сейчас же умер. Да будет же слава творцу тварей!

---

¹ Усама переехал в Дамаск ко двору Буридов после смерти отца в 1133 году и пробыл там первый раз до 1144 года.

² *Банияс* — город на южных отрогах Антиливана, около истоков Иордана.

ОХОТЫ В ЕГИПТЕ

Я видел также охоту в Мисре¹. У аль-Хафиза лидин-Аллаха Абд аль-Меджида Абу-ль-Маймуна², да помилует его Аллах, было много охотничьих птиц: разных соколов, заморских кречетов. За ними смотрел главный сокольничий, выезжавший с ними на охоту два дня в неделю. Большинство его помощников были пешие, и птицы сидели у них на руках. В дни их выездов на охоту я садился на лошадь, чтобы развлечься этим зрелищем. Главный сокольничий пошел к аль-Хафизу и сказал, как бы ожидая распоряжения: «Твой гость такой-то выезжает с нами». — «Выезжай с ним, — сказал аль-Хафиз, — пусть он полюбуется на охоту птиц». Однажды мы выехали на охоту. С одним из сокольничих был сокол с красными глазами, сменивший перья дома. Мы увидели журавлей, и главный сокольничий сказал этому охотнику: «Ступай, напусти на них красноглазого сокола». Тот выехал вперед и бросил сокола на журавлей. Они улетели, но сокол поймал одного из них вдаль от нас и заставил его спуститься на землю. Я сказал одному из своих слуг, сидевшему на породистой лошади: «Направь свою лошадь к журавлю, сойди на землю, воткни клюв птицы в землю, держи его крепко и помести его ноги под своими, пока мы не подъедем к тебе». Слуга поехал

¹ В 1144—1154 годах.

² *Аль-Хафиз* — фатимидский халиф (1130—1149).

и выполнил то, что я ему сказал. Тут подъехал сокольник, убил журавля и покормил сокола. Главный сокольник, вернувшись, рассказал аль-Хафизу все, что случилось и что я сказал слуге. «О господин наш,— добавил он,— его слова — слова настоящего охотника». — «Какое у него еще дело, кроме боев и охоты», — сказал аль-Хафиз. С охотниками были соколы, которых они напускали на летящих цапель. Когда цапля замечала сокола, она начинала кружиться и подниматься выше, а сокол кружил с другой стороны, а потом взмывал над цаплей и, бросаясь на нее сверху, схватывал.

В этой стране водятся птицы, называемые «аль-буджж», похожие на фламинго, на которых тоже охотятся, и водяные птицы в нильских рукавах, охота на которых тоже очень легка. Газелей у них мало, но зато в этой области есть «коровы сынов Израиля» — маленькие коровы с рогами, как у настоящих коров, но они сами меньше коров и очень быстро бегают. Из Нила к ним выходят животные, которых они называют «морской лошадь». Они похожи на маленькую корову, глаза у них небольшие, шерсти мало, точно у буйвола. В нижней челюсти у них длинные клыки, а в верхней — отверстие для них, так что концы высываются у них из-под глаз. Их крик напоминает крик кабана, и они не вылезают из пруда с водой. Они едят хлеб, траву и ячмень.

ОХОТА В АККЕ

Я поехал однажды с эмиром Му'ин ад-Дином¹, да помилует его Аллах, в Акку к королю франков Фулько, сыну Фулько². Мы увидели там одного генуэзца, который прибыл из франкских земель. С ним был большой сокол, сменявший перья, который охотился за журавлями, и маленькая собака. Когда он пускал сокола на журавля, собака бежала под соколом, и когда он захватывал птицу и спускался с ней на землю, собака вцеплялась в нее зубами, и та не могла от нее вырваться. Этот генуэзец сказал нам: «У нас охотятся на журавлей только с теми соколами, в хвосте которых тринадцать перьев». Мы сосчитали перья хвоста его сокола, и их оказалось именно столько. Эмир Му'ин ад-Дин попросил этого сокола у короля франков, и его отобрали у генуэзца вместе с собакой. Король подарил сокола эмиру Му'ин ад-Дину, и он отправился с нами. На пути я видел, что он бросается на газелей так, как бросается на мясо. Мы приехали с ним в Дамаск, но жизнь его там оказалась непродолжительной, он ни разу не участвовал в охоте и умер.

---

¹ *Му'ин ад-Дин Анар* — правитель Дамаска при Буридах.

² *Фулько V* — король иерусалимский (1131 — 1142), в союзе с которым находились одно время дамасские Буриды.

ОХОТЫ У КРЕПОСТИ КАЙФА

Я принимал участие в охоте в крепости Кайфа¹ вместе с эмиром Фахр ад-Дином Кара-Арсланом ибн Даудом, да помилует его Аллах. Там было много куропаток, болотных курочек и рябчиков. Что касается водяных птиц, то они водятся на берегу в зарослях, очень обширных, так что соколы ничего не могут с ними сделать. Главный предмет их охоты — антилопы и горные козы. Они устраивают для них сети, которые протягивают в долинах, и загоняют туда коз, так что они запутываются. Этих животных там много, и места охоты на них недалеко, так же как и на зайцев.

---

¹ Крепость *Кайфа*, в Диарбекре, у северо-восточной границы Сирии, была местопребыванием Усамы в 1164—1174 годах.

ОХОТЫ С НУР АД-ДИНОМ

Я также видел охоту с аль-Малик аль-Адилем Нур ад-Дином¹, да помилует его Аллах. Я был с ним вместе в области Хама. Ему показали сидящую зайчиху, он пустил в нее стрелу. Зайчиха вскочила и убежала в нору, где и скрылась. Мы поскакали за ней, а Нур ад-Дин остановился над норой. Ас-Сейид аш-Шериф Беха ад-Дин, да помилует его Аллах, показал мне ногу зайчихи, отрезанную стрелой сверху бедра. Острие наконечника стрелы пронзило брюхо зайчихи, и оттуда выпала матка. После этого зайчиха убежала и скрылась в норе. Нур ад-Дин приказал одному из ловчих сойти с коня и снять сапоги. Он проник за зайчихой, но не добрался до нее. Я сказал тому, у кого была матка зайчихи, в которой было двое зайчат: «Вскрой ее и зарой их в землю». Он так и сделал, а детеныши еще двигались и жили.

Однажды я был вместе с Нур ад-Дином, когда собаку пустили на лисицу. Мы были в долине Кара-Хисар в области Алеппо. Нур ад-Дин поскакал за лисицей вместе со мной. Собака настигла лисицу и схватила ее за хвост, но та повернула к ней голову и укусила ее за нос. Собака начала выть, а Нур ад-Дин,

---

¹ *Нур ад-Дин* — сын и преемник атабека Зенги, гостеприимством которого в Дамаске Усама пользовался в 1154—1164 годах.

да помилует его Аллах, рассмеялся. Лисица отпустила собаку и скрылась в своей норе. Мы так и не могли ее захватить.

Однажды, когда мы сидели на конях под крепостью Алеппо с северной стороны города, Нур ад-Дину принесли сокола. Нур ад-Дин сказал Наджм ад-Дину Абу Талибу ибн Али курду², да помилует его Аллах: «Скажи этому (т. е. мне), чтобы он взял этого сокола и выдрессировал его». Когда Наджм ад-Дин передал мне это, я сказал: «Я не умею хорошо это делать». — «Вы постоянно охотитесь, и ты не можешь хорошо обучить сокола!» — воскликнул Нур ад-Дин. «О господин мой, — ответил я, — мы не обучаем их сами, у нас есть сокольничие и слуги, которые их дрессируют и охотятся с ними перед нами». Я так и не взял сокола.

---

² Сын правителя Хама.

ОХОТЫ С ОТЦОМ В ШЕЙЗАРЕ

Я видел при охоте с этими великими людьми очень многое, и мне не хватит времени отдельно упомянуть обо всем этом. Они могли располагать всем, чем только хотели, для охоты и ее приспособлений и всего прочего, но я не видал ничего подобного охоте моего отца, да помилует его Аллах. Не знаю, может быть, я смотрел на него глазами любви, ведь сказал же поэт:

И все, что ни делает любимый, — любимо.

Но не знаю, может быть, мой взгляд на него соответствовал действительности. Я расскажу кое-что об этом, чтобы мог судить о нем тот, кто на этом остановится.

Мой отец, да помилует его Аллах, проводил свое время за чтением Корана, постом и охотой в течение дня, а по ночам переписывал книгу великого Аллаха. Он собственноручно списал сорок шесть полных копий Корана, да помилует его Аллах, и две из них были разукрашены золотом. Один день он выезжал на охоту, другой день отдыхал и постоянно постился.

У нас в Шейзаре было два места охоты. Одно — для охоты на куропаток и зайцев на горе к югу от города, а другое — для охоты на водяных птиц, рябчиков, зайцев и газелей на реке в зарослях к западу от города. Отец много тратил, отправляя некоторых

приближенных в разные города для покупки соколов, и посылал даже в Константинополь. Ему привезли оттуда соколов; слуги взяли с собой голубей, которых, по их мнению, должно было хватить для соколов, бывших с ними. Но море изменило им, и они задержались в пути настолько, что бывший с ними запас пищи для соколов пришел к концу. Они дошли до такой крайности, что стали кормить соколов рыбой, что отозвалось на их крыльях, перья которых стали ломаться и выпадать. Когда слуги отца вернулись в Шейзар с соколами, среди них все же были редкостные соколы.

У моего отца служил сокольничий, очень опытный в дрессировке соколов и уходе за ними, которого звали Ганаим. Он излечил крылья привезенных соколов и охотился с ними, причем некоторые сменили у него перья. Ганаим доставал и покупал большую часть соколов из долины Ибн аль-Ахмар, платя за них дорогую цену. Он позвал к себе несколько человек, живших на горе, расположенной поблизости от Шейзара, из жителей Башилы, Ясмалиха и Хиллет Ара, предложил им сделать у себя ловушки для соколов. Он одарил этих людей, и они ушли и построили себе хижины для охоты. Они поймали соколят, соколов, уже сменивших перья, и белых ястребов и снесли их моему отцу. «О господин наш,— сказали они ему,— мы бросили свой заработок и пашни, служа тебе, и хотели бы, чтобы ты брал у нас все, что мы наловим, и назначил нам неизменную цену, которую бы мы знали». Отец установил цену соколенка в пятнадцать динаров, птенца ястреба — в половину меньше. Сокола, сменившего перья, он оценил в десять динаров, а такого же ястреба — в половину этой цены. Таким образом, горцам открылась возможность получать динары без всякого труда и утомления. Они делали себе домик из камней по своему росту, накладывали сверху бревно и скрывали все это соломой и травой. Затем они устраивали в домике отверстие, брали голубя, привязывали его ногами к палке и высовывали из этого отверстия. Они двигали палку и вместе с ней птицу, и она развертывала крылья. Сокол видел голубя, бросался

на него и схватывал его. Когда охотник замечал сокола, он пододвигал палку к отверстию и, протянув руку, схватывал за ноги сокола, вцепившегося в голубя. Охотник снимал птицу, завязывал ей глаза, а на другой день с утра доставлял ее к нам. Он брал ее цену и возвращался дня через два в свой домик. Число охотников умножилось, так же как и соколов, пока их не развелось у нас столько, как кур. Некоторые из них участвовали в охоте, а некоторые сидели на шестах, так как их было много.

На службе у моего отца, да помилует его Аллах, были сокольничие и псаря. Отец научил нескольких своих невольников дрессировать соколов, и они стали в этом искусны.

Отец выезжал на охоту, а мы, четверо его сыновей, были с ним. С нами были слуги, запасные лошади и оружие, так как мы не были в безопасности от франков ввиду их близости от нас¹. С нами выезжало много соколов, десять или около того, а с отцом — два сокольничих, два надсмотрщика за гепардами и два псаря. С одним из них были салукские собаки, а с другим — византийские. И в тот день, когда отец отправлялся к горе на охоту за куропатками, будучи еще вдали от нее, он говорил нам, выезжая на дорогу, ведущую к горам: «Пусть каждый из вас, кто не дочитал Корана, отъедет в сторону и дочитает». Мы, дети нашего отца, знали Коран наизусть. Мы разъезжались в разные стороны и читали Коран до тех пор, пока отец не доезжал до места охоты и не приказывал позвать нас. Он спрашивал, сколько прочел каждый из нас, и, когда мы ему это сообщали, говорил: «Я прочел сто стихов Корана или около этого». Отец, да помилует его Аллах, читал Коран так, как он был ниспослан. Когда же мы достигали места охоты, он отдавал приказ своим слугам, и некоторые из них разъезжались по сторонам с сокольничими, и когда где-нибудь взлетала куропатка, с той стороны всегда был сокол, которого на нее напускали. С отцом было

---

¹ Апамея, принадлежавшая франкам с 1106 года, находилась только в 20 километрах от Шейзара.

сорок человек невольников и приближенных, опытнейших людей в охоте, и редко случалось, что улетала какая-нибудь птица или поднимался заяц или газель, и мы не излавливали ее. Достигнув гор, мы охотились до вечера и возвращались. Накормив соколов, мы бросали их в горные пруды, где они пили и купались. После сумерек мы возвращались в город.

Когда мы выезжали на водяных птиц и рябчиков, это был для нас день забавы. Мы выезжали на охоту из ворот города и подъезжали к зарослям. Гепарды и ястреба оставались снаружи зарослей, а мы подходили к ним с соколами. Если взлетал рябчик, сокол захватывал его, а если выпрыгивал заяц, выпускали на него сокола, и он также ловил его, а если нет, заяц выбегал к гепардам, и их пускали на него. Если же подымалась газель, она выбегала к гепардам, и их напускали на нее, и они ее ловили, а если нет, на нее пускали ястребов, и никакая дичь не уходила от нас иначе как по прихоти судьбы. В зарослях были большие кабаны. Мы подъезжали к ним галопом и убивали их. Мы испытывали, убивая их, самое большое наслаждение за всю охоту. Мой отец так организовывал охоту, точно организовывал сражение или важное дело. Ни один из его приближенных не отвлекался разговором со своим товарищем, и у них не было другой заботы, как тщательно наблюдать за землей, чтобы увидеть зайца или птицу в ее гнезде.

Между моим отцом и сыном Рубена², Торосом, Левон-армянином³, владыками Массисы, Антартуса, Аданы и ущелий⁴, существовала большая дружба, и они обменивались письмами. Главной причиной этого было увлечение его соколами. Армяне каждый год посылали ему партию соколов штук в десять или около того, которых приносили на руке пешие армянские сокольничие; кроме того, посылали византийских со-

---

² *Рубен* — армянский князь из династии Багратидов, около 1080 года добившийся самостоятельности.

³ *Левон* — родственник Жоселена, графа эдесского, преемник Рубена, умерший в византийском плену в 1144 году.

⁴ Названные местности находятся в Киликии на границе с Малой Азией.

бак. Отец же посылал к ним лошадей, благовония и египетские материи. К нам попадали от армян красивые, редкостные соколы. В каком-то году у нас собрались соколы, принесенные из ущелий, среди которых был молодой сокол, похожий на орла, и другие соколы поменьше. С гор же нам доставили несколько соколов, между которыми был сокол, похожий размерами на сероголовых, молодой, ширококостый, еще не сравнившийся с другими. Однако сокольничий Ганаим говорил нам: «Среди этих соколов нет похожего на этого сокола аль-Яхшура. Он не оставит никакой дичи непоиманной». Мы не верили его словам. Ганаим обучил этого сокола, и он стал таким, как тот предполагал. Это был один из самых ловких, быстролетных и умелых соколов. Он сменил у нас перья и вышел из линьки еще лучшим, чем был. Этот сокол жил у нас долго и менял перья в продолжение тринадцати лет. Наконец он сделался как бы членом семьи и охотился как бы по долгу службы, а не так, как обыкновенно бывает у хищных птиц, которые охотятся по инстинкту, для самих себя. Место этого сокола было всегда у отца, да помилует его Аллах, и он не оставлял его у сокольничего.

Сокольничие же обыкновенно держат у себя сокола ночью и заставляют его голодать, чтобы потом лучше охотиться, но этот сокол обходился сам и делал все, что от него требовалось. Когда мы выезжали на охоту за куропатками, с нами было несколько соколов. Мой отец отдавал аль-Яхшура кому-нибудь из сокольничих и говорил ему: «Удались с ним и не посылай его вместе со всей охотящейся стаей. Походи с ним по горе». Однажды, когда сокольничий с соколом удалились, охотники увидели куропатку, притаившуюся под деревом. Они сказали об этом моему отцу. «Подайте сюда аль-Яхшура», — крикнул он. Как только отец поднял к соколу свою руку, тот слетел с руки сокольничего и сел на руку отца без всякого зова. Затем он вытянул голову и шею и остановил свой взгляд на сидящей куропатке. Мой отец бросил в нее палку, бывшую у него в руке, и птица вспорхнула. Отец пустил тогда на нее аль-Яхшура, и тот поймал ее на расстоянии

десяти локтей. Сокольник спустился к нему, запутал ему ноги и принес к отцу. «Отойди с ним в сторону»,— сказал отец. Когда охотники увидели другую притаившуюся куропатку, сокол сделал с ней то же самое и поймал таким образом пять-шесть куропаток, хватывая их на расстоянии десяти локтей. Затем отец сказал сокольнику: «Накорми его».— «О господин,— ответил сокольник,— разве ты не оставишь его, чтобы нам поохотиться с ним».— «О сынок,— сказал мой отец,— у нас десять соколов, с которыми мы можем охотиться, а этот сокол уже сделал столько вылетов, что может сократить свою жизнь». Сокольник кормил его и уходил с ним в сторону. Когда охота приходила к концу, мы кормили соколов и пускали их в воду, где они пили и купались, а аль-Яхшур сидел на руке сокольнича. Когда мы приближались к городу, возвращаясь обратно, и были в горах, отец говорил: «Подайте сюда аль-Яхшура»,— и нес его на своей руке. Если на пути перед ним взлетала куропатка, он бросался на нее и ловил ее, пока не делал десять вылетов или больше, смотря по тому, сколько перед ним взлетало куропаток. Сокол был сыт и не вонзал клюва в горло куропатки и не пробовал ее кровь. Когда мы входили в дом, отец говорил: «Подайте чашку воды». Ему приносили чашку с водой, и отец придвигал ее к соколу. Аль-Яхшур был на руке у отца, да помилует его Аллах, и пил из чашки. Если он хотел купаться, то начинал болтать клювом в воде и давал понять, что он хочет купаться. Тогда отец приказывал принести большой таз с водой и ставил его перед соколом. Тот взлетал и опускался на середину таза, барахтался в воде, пока не поплаывает вдоволь. Потом он подымался, его сажали на большую деревянную перчатку, сделанную для него, и придвигали к нему жаровню. Сокола причесывали и смазывали жиром, так что он высыхал от воды. Затем для него клали свернутый мех, сокол опускался на него и спал. Он оставался спать на этой подстилке среди нас, пока не проходила часть ночи, и когда отец хотел войти в гарем, он говорил одному из нас: «Снеси сокола». Его так и несли спящим на меховой подстилке и клали ря-

дом с постелью моего отца, да помилует его Аллах. Этот сокол совершил много удивительного, но я упомяну лишь о том, что придет мне на память, ибо мой век затянулся, и годы заставили меня забыть многое из его особенностей.

Вот один пример: в доме моего отца были голуби и зеленые водяные птицы со своими самками, а также курицы из породы тех, которые ходят между коровами и ловят дворовых мух. Мой отец приходил с этим соколом на руке и садился на скамеечку во дворе, сокол сидел рядом с ним на деревянной перчатке. Он не гонялся за птицами, не бросался на них, как будто у него и не было привычки охотиться за ними. Зимой воды в окрестностях Шейзара разливались, и болота за стенами города делались как бы протоками, где заводились птицы. Мой отец приказывал сокольничему и одному из слуг выйти и приблизиться к этим птицам. Он сам брал аль-Яхшура на руку, стоял с ним на верху крепости, показывал ему птиц. Крепость была к востоку от города, а птицы — к западу. Когда отец замечал птиц, то пускал его, и он опускался и летел над городом, пока не вылетал из него и не догонял птиц. Сокольничий бил для него в барабан, птицы взлетали, и он ловил некоторых. Между птицами и тем местом, откуда пускали сокола, было большое расстояние.

Мы хаживали на охоту за водяными птицами и, возвращаясь после первой трети ночи, слышали крик птиц в больших заливах поблизости от города. Отец говорил: «Подайте сюда аль-Яхшура!» Он брал его сам, когда сокол был сыт, и подходил к птицам. Сокольничий бил в барабан, чтобы птицы взлетели, а потом отец бросал сокола на них. Если ему удавалось поймать одну из них, он опускался среди нас. Сокольничий спускался к нему, запутывал его ноги и поднимался с ним наверх. Если же сокол не ловил ни одной птицы, он спускался в какую-нибудь пещеру на берегу реки, и мы не видели и не знали, куда он спустился. Мы оставляли его и возвращались в город. На другое утро сокольничий выходил с зарей из города, схватывал этого сокола и поднимался с ним в

крепость к моему отцу, да помилует его Аллах. «О господин, — говорил он отцу, — всю ночь он чистил свои перья⁵. Сядь на коня и посмотри, что нам делать сегодня».

От этого сокола не уходила никакая добыча, начиная от перепела и кончая гусем и зайцем. Сокольник очень хотел охотиться с ним на журавлей и перелетных птиц, но отец не давал ему это делать, говоря: «На журавлей и перелетных птиц будем охотиться с сероголовыми соколами». В каком-то году этот сокол перестал выполнять то, что было для него привычно на охоте, до такой степени, что, когда его напускали на дичь и он промахивался, он не возвращался на зов. Он ослаб и перестал купаться, и мы не знали, что с ним. Потом он исправился от своих недостатков и стал охотиться. Однажды он выкупался. Сокольник поднял его из воды, и его мокрые перья взъерошились с одной стороны. Оказалось, что на боку сокола нарыв величиною с миндалину. Сокольник принес его к отцу и сказал: «О господин, вот что мешало соколу и едва не погубило его». Отец схватил сокола и выжал нарыв; оттуда вышло что-то сухое, похожее на миндалину. Больное место затянулось, и аль-Яхшур вернулся к птицам, как говорится, «с мечом и ковриком для казни».

Шихаб ад-Дин Махмуд сын Караджи, в то время владыка Хама, посылал каждый год за соколом аль-Яхшуром, требуя его к себе. Сокол отправлялся к нему с сокольником и оставался у него двадцать дней. Шихаб ад-Дин охотился с ним, а затем сокольник брал его и возвращался. Этот сокол умер в Шейзаре. Случилось, что я посетил Шихаб ад-Дина в Хама. Однажды утром, когда я был там, вдруг появились чтецы Корана, люди с криком «Бог велик!» и много жителей города. Я спросил: «Кто это умер?», и мне сказали: «Одна из дочерей Шихаб ад-Дина». Я хотел пойти за похоронами, но Шихаб ад-Дин воспротивился этому и удержал меня. Шествие вышло из города, и умершую похоронили на холме Сакрун. Когда они

---

⁵ Текст искажен и не поддается переводу.

вернулись, Шихаб ад-Дин спросил меня: «Знаешь, кто это умер?» — «Говорят, что это твой ребенок», — ответил я. «Нет, клянусь Аллахом! — воскликнул Шихаб ад-Дин. — На самом деле это сокол аль-Яхшур. Я услышал, что он умер, и послал взять его. Я устроил гроб и носилки и похоронил его, как он этого заслуживал».

У моего отца, да помилует его Аллах, был гепард, который был тем же среди гепардов, чем аль-Яхшур среди соколов. Его поймали диким; это был один из самых громадных гепардов. Егерь поймал его, связал и принудил к повиновению. Его сажали на лошадь, но он не хотел охотиться. С ним делались корчи, как с человеком, у которого поражен ум, и он испускал пену. Ему подводили газеленка, но он не бросался на него и не хотел его, но наконец обнюхивал его и схватывал зубами. Это продолжалось долгое время, около года. Однажды мы выехали в заросли, и я вошел на гору к кустарнику, остановясь перед входом туда. Егерь с этим гепардом был поблизости от меня. Из заросли поднялась газель и вышла ко мне. Я толкнул лошадь, бывшую подо мной, одну из лучших лошадей, желая повернуть газель к гепарду. Лошадь быстро догнала ее, сшибла грудью и опрокинула. Гепард прыгнул к газели и поймал ее, как будто он спал и проснулся. Он как бы говорил: «Берите добычи, сколько хотите». С тех пор, когда этот гепард видел газель, он хватал ее, и егерь не мог его удержать. Гепард тащил животное и опрокидывал его, не останавливаясь, как останавливаются другие гепарды в преследовании добычи. Но в то время когда егерь говорил: «Он остановился», — гепард опять пускался бежать и схватывал газель.

Мы охотились в Шейзаре обыкновенно за коричневой газелью, а это большой породы газель. Когда мы выходили с этим гепардом на высоты восточной стороны, где водились белые газели, мы не позволяли егерю скакать с ним вперед на лошади, пока нельзя было захватить коричневую газель. Иначе он тащил его, опрокидывал и бросался на других газелей. Казалось, будто он считает их детенышами, — так малы белые

газели. Этот гепард, единственный из остальных, был в доме моего отца, да помилует его Аллах. У отца была служанка, ходившая за гепардом. В пристройке дома у него было свернутое одеяло, под которым было подложено сено. В стене дома был вбит кол; егерь возвращался с гепардом с охоты к двери дома и спускался здесь животное. Там была кормушка. Потом гепард отправлялся во двор, подходил к подстилке и спал на ней. Невольница приходила и привязывала гепарда к колу, вбитому в стене. Во дворе же, клянусь Аллахом, было около двадцати коричневых и белых газелей, жеребцов, горных коз и молодых газелей, родившихся в доме. Гепард не преследовал их, не пугал и не сходил со своего места. Когда он входил в дом на свободе, он не поворачивался к газелям. Я видел, как невольница, ходившая за гепардом, расчесывала его тело гребнем. Он не противился и не убегал. Однажды этот гепард помочился на одеяло, посланное для него. Невольница трясла и била его за то, что он намочил одеяло, и он не рычал на девушку и не ударил ее.

Однажды я видел этого гепарда, когда перед егерем выскочили два зайца. Гепард догнал одного, поймал, схватил зубами и погнался за другим. Он догнал его и начал бить передними лапами, так как пасть у него была занята первым зайцем. Нанеся ему передними лапами несколько ударов, гепард остановился, и заяц ушел.

С нами вместе охотился ученый шейх Абу Абдаллах, толедский грамматик ⁶, да помилует его Аллах. В области грамматики это был Сибавейх ⁷ своего времени, и я читал грамматику под его руководством в течение почти десяти лет. Он возглавлял «дом науки» в Триполи. Когда франки захватили этот город ⁸, мой отец и дядя, да помилует их обоих Аллах, послали выкупить этого шейха Абу Абдаллаха и Яниса-переписчика. Этот последний по своему почерку приближался к

⁶ Один из двух наиболее близких учителей Усамы.

⁷ Сибавейх — величайший арабский грамматик раннего периода (умер около 796 г.).

⁸ Произошло это летом 1109 года.

стилю Ибн аль-Бавваба⁹. Янис провел у нас в Шейзаре некоторое время и переписал для отца, да помилует его Аллах, два списка Корана. Затем он переехал в Миср и там умер.

Я видел со стороны шейха Абу Абдаллаха нечто удивительное. Я однажды вошел к нему, чтобы читать под его руководством, и нашел перед ним грамматические книги: «Книгу Сибавейха»¹⁰, «Книгу об особенностях» Ибн Джинни¹¹, «Книгу разъяснений» Абу Али Фарисийского¹², «Книгу блеска»¹³ и «Книгу предложений»¹⁴. «О шейх Абу Абдаллах, — воскликнул я, — ты прочитал все эти книги?» — «Я читал их, — ответил он, — или, вернее, клянусь Аллахом, я записал их на табличках и выучил наизусть. А хочешь знать, возьми одну из тетрадей, открой ее и прочти с начала страницы одну строчку». Шейх прочел мне наизусть всю страницу и читал дальше, пока не дошел до конца всех тетрадок. Я увидел с его стороны великое дело, непосильное для других людей.

Это посторонняя вставка; ей не место в общем ходе рассказа о том, что я видел.

Абу Абдаллах присутствовал с нами при охоте этого гепарда. Шейх сидел верхом, вытянув ноги вперед. На земле было много шипов, которые изранили ноги до крови, но он был погружен в наблюдение за охотой гепарда и не чувствовал боли в ногах, так он был занят зрелищем того, как гепард подкрадывается к газелям, бежит за ними и прекрасно охотится.

Мой отец, да помилует его Аллах, имел счастье на редкостных, превосходных охотничьих птиц. Их было у него очень много, и среди них попадались выдающиеся. В каком-то году у него был сокол с красными гла-

---

⁹ Знаменитый арабский каллиграф (умер в Багдаде в 1022 или 1032 г.).

¹⁰ Основное грамматическое сочинение Сибавейха у арабов в знак особого уважения называлось, так же как Коран, просто «книга».

¹¹ Филолог Абу-ль-Фатх Осман ибн Джинни (умер в 1002 г.).

¹² Абу Али аль-Хасан аль-Фариси (умер в 987 г.).

¹³ Сочинение упомянутого Ибн Джинни. Его заглавие «Китаб аль-лума» читается и толкуется различно.

¹⁴ Сочинений с таким заглавием было несколько.

замы, сменивший перья в доме. Это был превосходный сокол. От моего дяди «Венца эмиров» Абу-ль-Мутав-валжа Мукаллада, да помилует его Аллах, пришло письмо из Мисра ¹⁵, где он находился на службе у аль-Амира би-ахкам-Аллаха ¹⁶. Дядя писал: «Я слышал на собрании у аль-Афдаля ¹⁷ упоминание о соколе с красными глазами, и аль-Афдаль расспрашивал подробно о нем и об его охоте». Отец, да помилует его Аллах, послал этого сокола с сокольников к аль-Афдалю. Когда сокольник явился к нему, тот спросил: «Это и есть сокол с красными глазами?» — «Да, господин мой», — ответил сокольник. «За какой дичью он охотится?» — спросил аль-Афдаль. «Он ловит перепелов, перелетных птиц и разную другую дичь», — ответил сокольник. Этот сокол остался в Египте некоторое время, а потом вырвался из плена и улетел. Он оставался год в пустыне в зарослях сикомора и сменил там перья. Потом его опять поймали. К нам пришло письмо от моего дяди, да помилует его Аллах. Он писал: «Сокол с красными глазами пропал и сменил перья в сикоморах. Его снова поймали и охотились с ним. Этот сокол явился для птиц источником великих бед». Однажды мы были у моего отца, да помилует его Аллах, когда к нему пришел один крестьянин из Мааррат ан-Ну'ман ¹⁸. С ним был сокол, сменивший перья. Перья его на крыльях и хвосте были сломаны, а размером он был с большого орла. Я никогда не видел сокола, подобного этому. Крестьянин сказал: «О господин, я ловил силком куропаток, а этот сокол ударил по куропатке, попавшей в силок. Я поймал его и принес тебе». Отец взял сокола и щедро вознаграждал того, кто подарил ему сокола. Сокольник вылечил его перья у нас и приручил. Этот сокол был опытный охотник и сменил перья дома. Он вырвался от франков и сменил перья в горах аль-Маарры. Он оказался одним из самых быстрых и ловких соколов.

¹⁵ Египта или Каира.

¹⁶ *Аль-Амир* — фатимидский халиф (1101—1130).

¹⁷ *Аль-Афдаль* — влиятельный везир трех фатимидских халифов, казненный при аль-Амире в 1121 году.

¹⁸ Селение к югу от Алеппо.

Однажды я был вместе с отцом, да помилует его Аллах, когда мы выехали на охоту. Издали к нам приближался человек, несший с собой что-то такое, чего мы не могли рассмотреть. Когда он подошел к нам, оказалось, что это молодой кречет, один из самых больших и красивых кречетов. Птица расцарапала руки человека, который ее нес. Тогда он перевернул его головой вниз, крепко держа за ноги, и кречет висел, распутив крылья. Подойдя к нам, этот человек сказал: «О господин, я поймал эту птицу и принес ее тебе». Отец отдал кречета сокольничему, и тот выходил его и залечил те из его перьев, которые сломались. Но опыт с этим кречетом не оправдал его внешнего вида, так как охотник погубил его своим обращением с ним. Ведь кречет — как весы, и самая ничтожная вещь портит и губит его. А этот сокольничий был известный мастер в обучении птиц.

Когда мы выходили из ворот города на охоту, с нами было все снаряжение для охоты, вплоть до сетей, луков, лопат и крючьев для дичи, которая прячется в берлогах. С нами были охотничьи птицы, соколы разных пород и кречеты, а также гепарды и собаки. Когда мы выходили из города, отец пускал кружить в воздухе двух кречетов, и они не переставали кружить над выездом. Когда один из них уклонялся от направления пути, сокольничий начинал помахивать и указывать рукой, какой стороны нужно было держаться, и кречет, клянусь Аллахом, сейчас же возвращался и летел в этом направлении. Я видел, как отец пустил кречета кружить над стаей вяхирей, опустившихся на болото. Когда кречет приготовился броситься на птиц, для него били в барабан. Птицы взлетели, и кречет ринулся на них. Он ударил одного вяхиря по голове, оторвал ее, схватил птицу и спустился. Клянусь Аллахом, мы везде разыскивали эту голову, но не нашли ни следа от нее. Она упала далеко в воду, так как мы были поблизости от реки.

Один из слуг моего отца, по имени Ахмед ибн Муджир, который не был среди тех, кто выезжал с отцом на охоту, сказал ему однажды: «О господин, я бы очень хотел посмотреть охоту». — «Подведите для Ахмеда

коня, пусть он сядет и едет с нами», — сказал отец. Мы выехали на охоту за рябчиками. Один рябчик-самец взлетел и быстро замахал крыльями, как они обыкновенно это делают. На руке моего отца, да помилует его Аллах, сидел аль-Яхшур. Отец пустил его, и он полетел, стелясь над землей, так что трава хлестала его грудь. Рябчик же поднялся на большую высоту. Ахмед ибн Муджир сказал моему отцу: «О господин мой, клянусь твоей жизнью, он забавляется с рябчиком, прежде чем поймать его».

Из земли румов моему отцу послали византийских породистых собак, самцов и самок. Они у нас размножились, и охота на птиц была их врожденной способностью. Я видел одну из этих собак — маленького щенка, который вышел сзади собак, бывших с псарем. Этот последний пустил сокола на рябчика, подававшего голос из-за кустов на берегу реки. За соколом послали собак, чтобы они заставили взлететь рябчика, щенок остановился на берегу. Когда рябчик взлетел, щенок прыгнул за ним с берега и упал в середину ручья. Он не умел охотиться и никогда еще не принимал участия в охоте. Я видел еще одну из этих византийских собак, когда куропатка подала голос на горе в непроходимых зарослях белены. Собака вошла к куропатке и задержалась в кустах. Затем мы услышали внутри в зарослях белены треск, и отец, да помилует его Аллах, сказал: «В кустах дикий зверь; собака погибла». Но через минуту собака вышла, таща за ногу шакала, бывшего в кустах, которого она загрызла, потащила и вытащила к нам.

Мой отец, да помилует его Аллах, отправился в Исфахан¹⁹ ко двору султана Мелик-шаха²⁰, да помилует его Аллах. Он рассказал мне впоследствии следующее: «Когда я закончил свои дела у султана и хотел уехать, я пожелал взять с собой охотничью птицу, чтобы забавляться ею по дороге. Мне принесли сокола и с ним ученую ласку, выгонявшую рябчика из зарослей белены.

¹⁹ Путешествие это относится к 1085 году, когда отцу Усамы, Муршиду, было 18 лет.

²⁰ Сельджукский султан Мелик-шах правил в 1071 — 1092 годах.

Я взял также сероголовых соколов для охоты за зайцами и дрофами. Уход за соколами еще более затруднил этот далекий и тяжкий путь».

У моего отца, да помилует его Аллах, были прекрасные салукские собаки. Однажды отец пустил соколов на газелей, когда земля сделалась вязкой от грязи после дождя. Я был с ним, еще маленьким мальчиком, и сидел на кляче, принадлежавшей мне... Лошади остальных всадников остановились и не двигались в грязи, а моя кляча вследствие легкости моего тела справилась со всеми трудностями. Сокол и собака свалили газель на землю, и отец сказал мне: «Усама, поезжай к газели, сойди с коня и держи ее за ноги, пока мы не подъедем». Я так и сделал, а отец, да помилует его Аллах, подъехал и приколот газель. С ним была желтая породистая собака, которую называли Хаматкой. Она свалила газель и стояла на месте. Вдруг стадо газелей, одну из которых мы поймали, опять направилось к нам. Отец, да помилует его Аллах, схватил эту собаку за ошейник и повел ее мерным шагом, чтобы она заметила газелей. Потом он пустил ее на животных, и она поймала еще одну газель. Мой отец, да помилует его Аллах, несмотря на то что был грузен телом и стар годами и постоянно постился, целый день не переставая скакал на лошади и не выезжал на охоту иначе, как на породистой кобыле или коне. Мы, четыре его сына, выезжавшие с ним, уставали и утомлялись, а он не слабел от утомления и не уставал. Ни одному из его егерей, конюхов или оруженосцев не позволялось замедлить свою скачку за дичью.

У меня был один слуга, по имени Юсуф, который нес мое копье и щит и вел на поводу мою лошадь. Он не скакал за дичью и не преследовал ее. Мой отец гневался на него за это каждый раз, когда мы выезжали на охоту. Мой слуга сказал ему: «О господин мой, никто из присутствующих, упаси Аллах, не приносит тебе столько пользы, как твой сын Усама, позволь же мне находиться за ним с его лошадью и оружием. Если он тебе понадобится, ты найдешь его, и считай, что меня с вами нет». После этого отец уже не бранил Юсуфа и не сердился за то, что он не скачет за дичью.

Владыка Антиохии пошел против нас, сражался с нами и ушел, не заключив мира ²¹. Мой отец, да помилует его Аллах, выехал на охоту, хотя аррьергард франков еще не удалился от города. Наша конница преследовала франков, и они повернули к ней. Мой отец уже отдалился от города, и когда франки подошли обратно к городу, отец поднялся на Телль Сиккин. Он увидел франков, которые были между ним и городом, но продолжал оставаться на холме, пока франки не ушли от города. Тогда отец возвратился к охоте.

Он гонял козуль в области крепости аль-Джиср ²², да помилует его Аллах, и однажды свалил из них пять или шесть, сидя на своей темно-гнедой кобыле, которую называли «кобыла Хурджи» по имени ее хозяина, который ее продал. Отец купил у него эту кобылу за триста двадцать динаров. Когда он гнал последнего оленя, передняя нога лошади попала в яму, вырытую для кабанов. Лошадь опрокинулась на отца и сломала ему ключицу. Затем она поднялась, ускакала локтей на двадцать, пока отец лежал сброшенный, но вернулась и остановилась над его головой, испуская жалобное ржание, пока отец не поднялся и его слуги, подойдя к нему, не посадили его на лошадь. Вот как поступают арабские лошади.

Я выехал с отцом, да помилует его Аллах, направляясь в горы на охоту за куропатками. Один из его слуг, по имени Лулу, да помилует его Аллах, спустился вниз по какому-то делу, когда мы были вблизи от города, на заре. Под Лулу была рабочая лошадь. Когда она увидела тень колчана своего хозяина, она испугалась ее, сбросила Лулу и сама убежала. Клянусь Аллахом, я скакал за ней вместе со слугами от зари до захода солнца, пока мы не загнали ее в конюшню одного человека в какой-то заросли тростника. Конюшие протянули впереди лошади веревку и схватили ее, как хватают дикого зверя. Я взял лошадь и возвратился. Мой отец, да помилует его Аллах, стоял около самого города, ожидая меня; он не охотился и не уезжал домой.

---

²¹ Событие относится, по-видимому, к 1108 или 1110 году.

²² Часто упоминавшееся предмостное укрепление в Шейзаре.

Такие лошади больше похожи на диких зверей, чем на лошадей.

Отец, да помилует его Аллах, рассказал мне следующее:

«Я выезжал на охоту, и со мной выезжал начальник Абу Тураб Хайдер, сын Катрамы, да помилует его Аллах. Это был наставник моего отца, и отец выучил с ним наизусть Коран и занимался с ним арабским языком. Когда мы прибывали на место охоты, он сходил с коня, садился на скалу и читал Коран, а мы охотились вокруг него. Когда мы кончали охоту, шейх садился на лошадь и ехал с нами. Однажды он сказал: «О господин наш, я сидел на камне, когда маленькая куропатка торопливо, несмотря на усталость, подлетела к скале, на которой я сидел, и спряталась. Вдруг сзади показался сокол. Он был еще далеко от нее и спустился на землю напротив меня. Лулу принялся кричать: «Смотри, смотри, господин наш!». Он подсказал, а я говорил: «О боже, скрой птицу». — «О господин наш, где куропатка?» — спросил Лулу. «Я ничего не видел, — ответил я, — сюда никто не залетал». Лулу сошел со своей лошади и обошел кругом камня, заглянул под него и увидел куропатку. «Я говорю, что куропатка здесь, — воскликнул он, — а ты говоришь, что нет». Он захватил ее, о господин наш, сломал ей ноги и бросил соколу, — закончил шейх, — а мое сердце разрывалось за нее».

Этот Лулу, да помилует его Аллах, был опытейшим охотником. Однажды я видел его, когда к нам появились из пустыни отбившиеся от стаи зайцы. Мы выехали на охоту за ними и ловили много их; это были маленькие красные зайцы. Я был свидетелем того, как Лулу обнаружил десять зайцев, ранил девять из них своими стрелами и захватил их. Затем он выгнал десятого зайца, но отец, да помилует его Аллах, сказал ему: «Оставь его, сохрани его для собак, это будет для них забавой». Зайца сохранили и пустили на него собак, но заяц убежал и спасся. «О господин мой, — сказал Лулу, — если бы ты мне позволил, я бы его ранил и поймал».

Однажды при мне подняли зайца и пустили на него собак. Заяц спрятался в нору в области Хувайбы, за

ним вошла в нору черная собака, но сейчас же вышла, корчась. Она упала и умерла, и мы не успели уйти, как она лопнула, околела и разложилась. Прозизошло это потому, что ее ужалила в норе змея.

Вот один из удивительных случаев, виденных мною на охоте с соколами. Я выехал с отцом, да помилует его Аллах, после дождей, которые долго не прекращались и мешали нам в течение нескольких дней. Когда дождь перестал, мы выехали с соколами, желая поохотиться на водяных птиц. Мы увидели птиц, плескавшихся в болоте под холмом. Мой отец выехал вперед и пустил на них сокола, сменившего перья дома. Сокол поднялся вверх с птицами, ударил некоторых из них и спустился, но мы не видели с ним никакой добычи. Мы сошли около него с коней, и оказалось, что он поймал скворца и покрыл его своей лапой. Он не ранил его и не причинил ему вреда. Сокольник сошел с коня и освободил скворца целым.

Я видел со стороны диких гусей горячность и доблесть, подобную горячности и доблести людей. Однажды мы пустили соколов на стаю гусей и стали бить в барабан; птицы взлетели, а соколы бросились преследовать одну из них и выхватили ее из среды остальных. Мы были в отдалении от нее, она закричала, и пять-шесть гусей бросились к ней и принялись бить соколов своими крыльями. И если бы мы поспешно не подъехали к ним, они бы освободили пойманную птицу и сломали бы крылья соколов своими клювами. Эта горячность противоположна горячности дрофы, потому что, когда к ним приближается сокол, они спускаются на землю, и какие бы круги ни описывал вокруг нее сокол, она поворачивается к нему хвостом, а когда он приближается к ней, она бросает в него свои извержения и мочит ему перья, засоряет ему оба глаза и улетает; если же то, что она делает, не попадает в цель, сокол схватывает ее.

Примером необыкновенной охоты соколов моего отца, да помилует его Аллах, может служить следующее. На руке отца был молодой замечательный сокол. У одного ручья водились аймы, а это большая птица, цветом похожая на цапель, только они больше журавлей,

и расстояние от конца одного их крыла до конца другого крыла — четырнадцать пядей. Сокол начал преследовать птицу, отец пустил его на нее и стал бить в барабан. Айма взлетела, и сокол бросился на нее, схватил ее, и оба упали в воду; это было причиной спасения сокола, а иначе айма убила бы его своим клювом. Один из слуг отца бросился в воду одетым и вооруженным, он схватил айму и вытащил ее. Когда она оказалась на земле, сокол начал смотреть на нее, кричать и улетать от нее. Он никогда больше ей не показывался. Я не видел, чтобы другие соколы охотились на эту птицу, потому что она такова, как сказал Абу-ль-Ала сын Сулеймана²³ о грифоне²⁴: «Я смотрю на грифона, как на птицу слишком большую для того, чтобы за ней охотились».

Мой отец, да помилует его Аллах, отправлялся к крепости аль-Джиср, изобиловавшей дичью. Он оставался там несколько дней, а мы были с ним и охотились за куропатками, рябчиками, водяными птицами, козулями, газелями и зайцами. Однажды он отправился к крепости, и мы выехали на охоту за рябчиками. Отец пустил на рябчика сокола, которого нес и обучил невольник по имени Николай. Николай поскакал вслед за соколом, когда рябчик подал голос из чащи. Вдруг крики Николая наполнили наши уши, и он вскачь вернулся обратно. «Что с тобой?» — спросили мы его. «Лев вышел из чащи, в которой засел рябчик! — ответил Николай. — Я оставил там сокола и убежал». Но лев оказался таким же трусом, как и Николай. Когда он услышал колокольчики сокола, он вышел из зарослей и бросился бегом в чашу.

Выезжая на охоту, мы отдыхали на обратном пути около Бушамира, маленькой речки близ крепости. Мы посылали привести рыбаков и видели с их стороны удивительные вещи. Среди них был один, у которого была тростниковая палка с дротиком на конце, похожим на

---

²³ Абу-ль-Ала — знаменитый слепой поэт-философ из аль-Маарры (умер в 1057 г.).

²⁴ Грифон — только условная передача арабского названия аль-Анка, под которым разумеется какая-то мифическая птица. Некоторые хотят видеть в ней феникса.

пику, в середине трости был желобок и в нем три железных зубца; каждый из них был длиной в локоть. На конце тростника была укреплена длинная веревка, привязанная к руке рыбака²⁵; этот последний стоял на берегу в узком месте реки и смотрел на рыб, которых ударял этой тростью с железными зубцами и неизменно попадал в цель. Затем он подтягивал трость с помощью этой веревки и вытаскивал из воды с рыбой на ней. У другого рыбака был кусок дерева величиной с кулак, на одном конце которого был железный шип, а на другом — веревка, привязанная к его руке. Рыбак спускался, плыл по воде и высматривал рыб; он протыкал их шипом и оставлял их в воде, а затем подымался и подтягивал их с помощью веревки, так что вытаскивал и шип и пойманную рыбу. Еще другой рыбак спускался в воду и плыл, проводя руками под деревьями ивы, росшими по берегам. Он захватывал рыб, всовывая свои пальцы под жабры так, что они не двигались и не убегали; рыбак ловил их и выходил из воды. Это доставляло нам такое же развлечение, как развлечение при охоте с соколами.

Дождь и ветер, не прекращаясь, свирепствовали против нас в течение нескольких дней, когда мы были в крепости аль-Джисра, а затем дождь прекратился на некоторое время. Ганаим, сокольник, пришел к нам и сказал моему отцу: «Соколы голодны и отлично подходят для охоты. Наступила хорошая погода, и небо прояснилось. Не выйдешь ли на охоту?» — «Хорошо», — ответил отец. Мы сели на коней, но не успели выехать дальше равнины, как ворота небес разверзлись и полил дождь. Мы сказали Ганаиму: «Ты утверждал, что погода стала хорошей и небо ясно, и вывел нас под такой дождь». — «А разве не было у вас глаз, чтобы видеть тучи и признаки дождя?» — ответил Ганаим. — «Вы могли мне сказать: «Ты лжешь себе в бороду! Погода нехороша, и небо небезоблачно». Этот Ганаим был отличный мастер в дрессировке кречетов и соколов, опытный человек в уходе за охотничьими птицами, интересный

---

²⁵ Не совсем ясное по тексту описание имеет в виду, вероятно, какую-нибудь разновидность остроги или гарпуна.

собеседник и прекрасный друг. В охотничьих птицах он видел и то, что ведомо, и то, что неведомо. Однажды мы выехали на охоту из крепости Шейзар и заметили что-то у мельницы аль-Джалали. Это оказался журавль, лежавший на земле. Слуга сошел с коня и перевернул его; журавль был мертв, но его тело было еще теплое и не успело остыть. Журавля увидел Ганаим и сказал: «Его поймал аль-Лазик²⁶. Посмотри-ка ему под крылья». Оказалось, что бок журавля проклеван и сердце съедено. «Аль-Лазик такая же охотничья птица, как аль-Аусак, — сказал Ганаим. — Она настигает журавля, вцепляется ему под крыло, проклевывает отверстие между ребер и съедает сердце».

Аллах, да будет ему слава, судил мне поступить на службу к атабеку Зенги, да помилует его Аллах²⁷. К нему доставили охотничью птицу, похожую на аль-Аусака, с красным клювом и ногами. Веки ее глаз также были красны. Это была одна из лучших птиц, и говорили, что этот аль-Лазик пробыл у него лишь несколько дней, а потом перегрыз клювом свои ремни и улетел.

Однажды отец, да помилует его Аллах, выехал на охоту за газелями, и я был с ним, еще маленький мальчик. Он приехал к «Долине Мостов»; там оказались разбойники-рабы, прабившие на дороге. Отец схватил и связал их и отдал в руки нескольких своих слуг, чтобы те отвели их в тюрьму в Шейзаре. Я взял у кого-то из них пикку, и мы отправились дальше на охоту. Нам встретилось стадо диких ослов. «О господин, — сказал я отцу, — я не видал диких ослов до сего дня; если прикажешь, я пойду посмотрю на них». — «Сделай так», — сказал отец. Подо мной была гнедая чистокровная лошадь, и я поскакал, держа в руке эту самую пикку, которую взял у разбойников. Я попал в середину стада, отделил из него одного осла и стал колоть его пиккой. Но это не причинило осла никакого вреда от слабости моей руки и малой остроты лезвия. Я погнал осла, пока

---

²⁶ *Аль-Лазик* и *аль-Аусак*, упоминающийся ниже, по-видимому, представляют не столько собственные имена, сколько названия особых разновидностей охотничьих птиц.

²⁷ Как упоминалось неоднократно, Усама был при дворе атабека Зенги в 1130 — 1137 годах.

не пригнал его к товарищам, и они его поймали. Мой отец и те, кто был с ним, очень удивились быстроте бега гнедой лошади.

Аллах, да будет ему слава, судил мне выехать однажды развлечься на реку у Шейзара на этой лошади. Со мной был чтец Корана, который декламировал стихи, читал или пел. Я сошел под деревом с лошади и вручил ее слуге, который надел на нее путы, стоя на краю реки. Лошадь побежала и упала на бок в реку. Каждый раз, когда она хотела встать, она снова падала из-за пут. Слуга был маленький и не мог освободить ее, а мы ничего не знали и не видели. Когда лошадь стала близка к смерти, он закричал нам, и мы подошли к ней, когда она была при последнем издыхании, и разрезали ее путы. Мы вытащили ее, и она умерла, хотя вода, в которую она погрузилась, не доходила ей до плеч. Причиной ее гибели были только путы.

Мой отец, да помилует его Аллах, выехал однажды на охоту. С ним выехал эмир по имени Самсам, бывший на службе у Фахр аль-Мулька ибн Аммара, владыки Триполи, человек малоопытный в охоте. Отец напустил на водяных птиц сокола, который схватил одну из них и упал посреди реки. Самсам начал бить рукой об руку и говорить: «Нет мощи и нет силы, кроме как у Аллаха! Как случилось, что я выехал на охоту в этот день?» Я сказал ему: «О Самсам, ты боишься за сокола, что он утонет». — «Да, — ответил он, — сокол схватил утку и погрузился с ней в воду, как же ему не потонуть?» Я засмеялся и сказал: «Сейчас он подыметяся». Сокол схватил птицу за голову и плыл с ней, пока не поднялся. Самсам стал удивляться этому и прославлять Аллаха, да будет ему слава, и восхвалять его за спасение сокола.

Животные погибают разнообразной смертью. Мой отец, да помилует его Аллах, пустил однажды белого ястреба на куропатку. Куропатка упала в кусты, и ястреб вошел туда с нею. В кустах был шакал, который схватил ястреба и оторвал ему голову, а это был один из отборных и самых быстролетных ястребов. Я видел еще такой пример гибели охотничьих птиц. Однажды я выехал на охоту, и передо мной ехал слуга, с которым

был белый ястреб. Он пустил его на воробьев, и ястреб схватил одного из них. Слуга подошел и хотел взять воробья. Ястреб затряс головой, его вырвало кровью, и он упал мертвый, а воробей остался растерзанным в его когтях. Да будет слава тому, кто определяет срок кончины!

Однажды я проходил мимо двери, которую мы прорубили в крепости для постройки, находившейся поблизости. Со мной был самострел. Я увидел воробья на стене, под которой я стоял. Я пустил в воробья пулю, но промахнулся, и воробей улетел. Мои глаза следили за пулей, которая падала на землю вдоль по стене. Воробей же высунул голову через щель в стене, пуля упала ему на голову и убила его. Воробей упал передо мной на землю, и я прикончил его. То, что я его поймал, не было результатом моего намерения или определенного решения.

Мой отец, да помилует его Аллах, пустил однажды сокола на зайца, появившегося у нас в зарослях, пусто поросших терновником. Сокол схватил зайца, но тот вырвался от него. Сокол сел на землю, а заяц убежал. Я пустил вскачь чистокровную караковую лошадь, на которой сидел, чтобы догнать зайца, но передняя нога лошади попала в яму, и она перевернулась вместе со мной, так что мои руки и лицо оказались утыканными шипами терновника. Задняя нога лошади была вывихнута. Сокол же поднялся с земли, когда заяц ушел на далекое расстояние, догнал его и поймал. Казалось, что единственной его целью было погубить мою лошадь и принести мне вред, заставив упасть в терновник.

Однажды утром первого числа реджеба, когда мы постились, я сказал отцу, да помилует его Аллах: «Я бы очень хотел выехать отвлечься от поста охотой²⁸». — «Поезжай», — сказал отец. Я выехал вместе с братом Беха ад-Даула Абу-ль-Мугисом Мункызом, да помилует его Аллах, направляясь в заросли. С нами было несколько соколов. Мы вошли в заросли лакричника и

---

²⁸ Пост у мусульман, как известно, выражается в воздержании от всякой пицци и питья от восхода до захода солнца.

подняли кабана-самца. Мой брат ударил кабана копьём, ранил его, и тот вошел в заросли. Мой брат сказал: «Сейчас его рана заставит его вернуться. Он выйдет, я встречу его, ударю копьём и убью». — «Не делай этого, — сказал я, — кабан ударит твою лошадь и убьет ее». Пока мы разговаривали, кабан вышел, направляясь в другую заросль. Мой брат встретил его и ударил по горбу, так что сломался кончик копья, которым он нанес удар. Кабан залез под гнедую лошадь моего брата, жеребую десять месяцев, с белыми ногами и хвостом, ударил ее и свалил вместе с всадником. У лошади оказалось вывернуто бедро, и она погибла, а у моего брата оторвало мизинец на руке, и его перстень сломался. Я поскакал за кабаном, который вошел в густые заросли лакричника и асфоделя, где были спящие быки, которых я не видал из болота, где стоял. Один из быков поднялся и толкнул мою лошадь в грудь. Я упал так же, как и лошадь, узда которой оборвалась. Я поднялся, сел на коня и догнал быка, который бросился в воду. Я остановился на берегу реки и уколол быка своим копьём. Копье вонзилось в тело быка и сломалось там на расстоянии двух локтей. Когда копьё сломалось, лезвие его осталось в теле быка. Бык поплыл к противоположному берегу. Мы закричали несколькими людям на той стороне, которые делали кирпичи для постройки домов в одной из деревень моего дяди. Они подошли и остановились над быком, который попал под выступ берега и не мог оттуда выбраться. Они стали бросать в него громадными камнями и почти убили его. Я сказал своему стремянному: «Спустись к быку». Стремянный снял доспехи, разделся, взял его за ноги и притащил к нам, говоря: «Пусть Аллах дарует вам узнать благословение поста в реджеб, который мы начали нечистым кабаном». Если бы у кабана были такие же когти и зубы, как у льва, он был бы еще больше опасен, чем лев. Я видел одну самку кабана, которую мы отогнали от детенышей. Один из поросят стал бить мордой копыто лошади слуги, бывшего со мной. А ростом этот поросенок был с котенка. Мой слуга вынул из колчана стрелу и нагнулся к поросенку, проткнул его ею и поднял на стреле. Я удивился тому, что этот поро-

сенок возмущается и бьет копыто лошади, когда его самого можно поднять на кончике стрелы.

Еще один удивительный случай на охоте. Мы выезжали на гору, чтобы поохотиться за куропатками. С нами было десять соколов, с которыми мы охотились весь день. Сокольник разъехался по горе, и с каждым из них было два-три конных невольника. С нами оставались два псаря, из которых одного звали Бутрус, а другого — Зарзур Бадия. Каждый раз, когда сокола пускали на куропатку и она подавала голос, ему кричали: «Эй, Бутрус!», и он бежал так быстро, как дромадер, и так весь день он бегал от горы к горе вместе со своим товарищем. Когда мы, покормив соколов, возвращались обратно, Бутрус брал большой камень и бежал за каким-нибудь невольником, ударяя его камнем. Слуга тоже брал камень и бил Бутруса. Бутрус не переставал гоняться за слугами, хотя они были на лошадях, а он пеший, и бросать в них камнями от самой горы до ворот города, как будто и не бегал весь день от одной горы к другой.

Удивительное отличие византийских собак заключается в том, что они не едят птиц, а если и едят, то только голову или ноги, на которых нет мяса, или кости, мясо которых съели соколы. У моего отца, да помилует его Аллах, была черная собака. Слуги ставили ей вечером на голову светильник и садились играть в шахматы. Собака не двигалась и не уходила, пока ее глаза не начинали гноиться. Мой отец, да помилует его Аллах, сердился на слуг и говорил им: «Вы губите эту собаку». Но они не оставляли ее в покое.

Эмир Шихаб ад-Дин Малик ибн Салим ибн Малик, владыка крепости Джа'бара²⁹, подарил моему отцу, да помилует его Аллах, ученую собаку, которую пускали под соколом на газелей. Она показывала нам удивительные вещи. Охота с соколами происходила в таком порядке. Сначала пускали переднего. Он вцеплялся в ухо газели и наносил ей удары. Потом пускали его помощника, который ударял другую газель, а когда пу-

²⁹ Крепость *Джа'бара* была расположена в верхнем течении Евфрата, между Балисом и ар-Раккой.

скакивал второго помощника, он делал то же самое. Так же пускали и четвертого. Каждый сокол ударял одну из газелей. Первый из них вцеплялся газели в ухо и отделял ее от других газелей. Остальные соколы поворачивались к нему и оставляли тех газелей, которым наносили удары. Эта собака бежала под соколами и поворачивалась только к тем газелям, на которых сидел один из них. Если случалось, что показывался орел, соколы оставляли газелей, те убегали, а соколы начинали кружить. Мы видели, что эта собака бросала газелей, когда от них улетали соколы, и начинала бегать и кружиться на земле, подобно тому, как соколы кружились в воздухе. Она не переставала кружиться под ними, пока те не спускались на зов. Тогда останавливалась и шла вслед за лошадьми. Между Шихаб ад-Дином Маликом и моим отцом, да помилует их обоих Аллах, была большая дружба, и они обменивались письмами и гонцами. Шихаб ад-Дин однажды прислал сказать отцу: «Мы выехали на охоту за газелями и поймали три тысячи детенышей в один день». Это объясняется тем, что газели изобилуют в области крепости Джа'бара. В то время, когда газели приносят детенышей, охотники выходят на конях и пешком и забирают тех детенышей, которые родились в эту ночь, в предыдущую или за две-три ночи раньше. Они собирают их, как собирают хвост или сено. Рябчики попадают у них в зарослях на Евфрате в большом количестве, и если вскрыть внутренности рябчика, вынуть то, что в нем находится, и набить волосами, запах птицы не портится на много дней.

Однажды я видел рябчика, которому вскрыли живот и вынули желудок. Там оказалась змея длиною около пяди, которую рябчик съел.

Один раз мы убили змею, из желудка которой вышла другая змея, проглоченная первой. Она была здорова, немного меньше ее и уползла.

В природе всех животных лежит вражда сильного к слабому.

Несправедливость — одно из свойств души, и если ты найдешь воздерживающегося, это потому, что у него есть причина не быть несправедливым.

Я не в силах и не в состоянии перечислить все охоты, в которых участвовал за семьдесят лет моей жизни. Да ведь и тратить время на пустые рассказы — одно из величайших бедствий. Я прошу прощения у великого Аллаха, если потрачу то небольшое, что осталось мне от жизни, иначе как в повиновении ему и добывании себе награды и воздаяния, и Аллах благословенный и великий простит прехи и одарит в своей милости дарами. Он милосерд; надеющийся на него не будет обманут, а просящий не будет им отвергнут.

БИБЛИОГРАФИЯ¹

Честь открытия арабского текста автобиографии Усамы принадлежит французскому ученому Н. Degenbourg'у. История этой находки летом 1880 года в Эскуриале не лишена известного интереса и обстоятельно изложена им в одной статье².

Degenbourg является единственным ученым, который серьезно занялся этим автором и ввел его в обиход европейской науки. В 1886 году он издал найденный им арабский текст³. Работа была встречена с большим интересом востоковедами всех стран, отметившими важное значение памятника в самых разнообразных отношениях. Некоторые рецензии вносили ряд поправок в текст, очень искаженный переписчиками рукописи Эскуриала; другие представляли иногда целые монографии как относительно автора, так и отдельных деталей его труда. Среди первых надо особенно выделить работы С. Landberg'a⁴, А. Krumer'a⁵,

¹ Мы воспроизводим полностью первое издание «Книги назидания», включая и библиографию, составленную И. Ю. Крачковским еще в 1922 году, но не потерявшую ценности до сих пор. О более новых работах об Усаме и его произведениях, как и о новых изданиях текста см. С. Brockelmann, *Geschichte der arabischen Literatur. Erster Supplementband*, Leiden, Brill, 1937, S. 552.— *Ред.*

² «Comment j'ai découvert en 1880 à l'Escurial le manuscrit arabe contenant l'autobiographie d'Ousama Ibn Mounkidh» (в предисловии к немецкому переводу G. Schumann'a, о котором см. ниже).

³ «Ousama Ibn Mounkidh. Un émir syrien au premier siècle des Croisades (1095—1188). Deuxième partie. Texte arabe de l'autobiographie d'Ousama», Paris, 1886.

⁴ «Critica arabica», № II, Leide, 1888.

⁵ «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», II, 1888, S. 265—268.

М. J. de Goeje⁶; среди вторых в особенности P. de Lagard'a⁷ с целым рядом ценных экскурсов, J. Wellhausen'a⁸, Th. Nöldecke⁹, Ign. Goldziher'a¹⁰, двух анонимов¹¹. Тогда же появилась и единственная до сих пор статья об Усаме на русском языке, принадлежащая перу арабиста барона В. Р. Розена¹².

После издания текста Degenbourg приступил к обработке и опубликованию всех доступных материалов, относящихся к Усаме. В том же 1886 году им была издана одна арабская биография Усамы¹³, через два года — отрывок из одного его сочинения¹⁴, а в 1893 году — целый том относящихся к нему материалов¹⁵. Попутно он разрабатывал в мелких статьях отдельные вопросы, вызываемые автобиографией: о словах, заимствованных в эту эпоху у франков¹⁶, о положении женщин¹⁷ и евреев¹⁸.

Завершением всех этих работ явилось обстоятельное исследование, посвященное жизни Усамы и его эпохе, выпущенное двумя выпусками в 1889 и 1893 годах¹⁹. Оно тоже вызвало целый

---

⁶ Ibid., III, 1889, S. 113—116.

⁷ «Göttingische Gelehrte Anzeiger», 1887, S. 294—304.

⁸ «Deutsche Litteraturzeitung», 1886, S. 1608—1610.

⁹ «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», I, 1887, S. 237—244.

¹⁰ «Oesterreichische Monatsschrift für den Orient», X, 1, 1886, S. 77—80.

¹¹ «Literarisches Centralblatt», 1886, S. 1014—1016; «Revue de l'Orient Latin», I, p. 463—464.

¹² «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», т. II, СПб., 1887, стр. 175—178.

¹³ «Ousama Poète. Notice inédite tirée de la Kharidat al Kasr, par Imad ad Din al-Katib» («Nouveaux Mélanges Orientaux», Paris, 1886, p. 113—155).

¹⁴ «Préface du Livre du bâtan par Ousama» (A. Lanier, Recueil de textes étrangers, Paris, 1888, p. I—II).

¹⁵ «Anthologie de textes arabes inédits par Ousama», Paris, 1893.

¹⁶ «Note sur quelques mots de la langue des Francs au douzième siècle d'après le texte arabe de l'autobiographie d'Ousama» («Mélanges Julien Havet», Paris, 1895, p. 305—316).

¹⁷ «Femmes musulmanes et chrétiennes de Syrie au 12-e siècle. Episodes tirés de l'autobiographie d'Ousama» («Mélanges Julien Havet», Paris, 1895, p. 305—316).

¹⁸ «Un passage sur les Juifs du XII siècle» («Jubelschrift zum siebzigsten Geburtstag des Prof. D-r H. Graetz», Breslau, 1887, S. 127—130).

¹⁹ «Ousama Ibn Mounkidh etc. Première partie. Vie d'Ousama», Paris, 1889—1893.

ряд рецензий: J. Wellhausen'a²⁰, Cl. Huart'a²¹ и других²². Среди них следует отметить большую статью барона Carra de Vaux, которая очень хорошо рисует исторический фон современной Усамы действительности²³.

В своем исследовании Degenbourg дал почти полный перевод автобиографии Усамы, расположив отдельные рассказы в хронологическом порядке в разных частях своей работы. Критикой было справедливо указано, что такой прием, необходимый для исследователя-историка, нарушает целостность литературного произведения, отдельные части которого сплетаются у автора по другим принципам. Ввиду этого через два года Degenbourg выпустил полный перевод, точно сохранив форму подлинника²⁴. И на эту работу последовало несколько более или менее серьезных рецензий²⁵.

Последним этапом в знакомстве Европы с Усамой был немецкий перевод автобиографии, исполненный G. Schumann'ом. В 1903 году им был опубликован отрывок из него²⁶, а через два года вышел полный перевод с обстоятельным предисловием и упомянутой вначале статьей Degenbourg'a²⁷. В противоположность французскому переводу немецкий снабжен многочисленными историко-географическими примечаниями и выполнен значительно тщательнее. Среди рецензий на этот труд некоторые тоже заслуживают внимания²⁸.

---

²⁰ «Deutsche Litteraturzeitung», 1894, S. 397 u. ff.

²¹ «Journal Asiatique», 1890, v. 1, p. 502—507.

²² Ch. Pfister — «Revue critique», v. 38, 1894, p. 130—134; H. Hr. — «Literarisches Centralblatt», 1894, S. 884—886; J. Havet — «Revue historique», v. 44, 1890, p. 164; E. R. — «Polybiblion», 1894, p. 154 et seq.; «Saturday Review», v. 77, p. 452 ff.; Ch. Schefer — «Comptes rendus de l'Acad. d'Inscript.», sér. IV, v. 14, p. 316—318.

²³ «Ousama. Un émir syrien au 1-er siècle des Croisades», «Revue des questions historiques», LVIII, 1896, p. 367—390.

²⁴ «Souvenirs historiques et récits de chasse par un émir syrien du douzième siècle. Autobiographie d'Ousama ibn Mounkidh. Traduction française», Paris, 1895.

²⁵ Ch. Pfister — «Revue critique», v. 42, sér. nouv., 1896, p. 333—335; H. Hr. — «Literarisches Centralblatt», 1897, S. 771—772; «Revue historique», LVII, 1895, p. 176—178.

²⁶ «Aus den Memoiren eines syrischen Emirs (Usama)» («Nation», XX, 1903, S. 203—205).

²⁷ «Usama ibn Mounkidh. Memoiren eines syrischen Emirs aus der Zeit der Kreuzzüge. Aus dem arabischen übersetzt», Innsbruck, 1905.

²⁸ G. W. A. Kahlbaum — «Mittheilungen zur Geschichte der Medicin», V. 1906, S. 31—33; O. Herrigel — «Protestantische Monatshefte», B. X, 1907, S. 203; Cl. Klein — «Revue de l'Orient Latin», XI, 1908, p. 499—501.

Для полноты библиографии следовало бы отметить, что воспоминания Усамы благодаря некоторым подробностям вызвали интерес среди любителей охоты и представителей медицины. Ему было посвящено несколько заметок в специальных изданиях по спорту и медицине. Литература этого рода носит слишком специальный характер и к тому же малодоступна в России. Эти обстоятельства лишают возможности указать ее в настоящее время с исчерпывающей полнотой.

В последнее время среди арабских рукописей Азиатского музея Российской Академии наук обнаружен автограф еще одного сочинения Усамы — «Книга стоянок и жилищ», — неизвестного в Европе. Подробное сообщение о рукописи печатается в «Записках Восточного отделения Русского археологического общества», т. XXVI.

И. Крачковский

1922

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
<i>Е. А. Беляев.</i> Век Усамы	5
<i>И. Ю. Крачковский.</i> Усама ибн Мункыз и его воспо- минания	21

КНИГА НАЗИДАНИЯ

Битва при Кыннесрине	43
Осада Шейзара византийцами и франками	44
Первое пребывание Усамы в Дамаске	46
Жизнь и приключения Усамы в Египте	48
Поездка в Сирию	53
События в Египте	61
Переход в Сирию	68
Конец везира Рудвана	75
Вероломство короля франков	80
Честь героя	83
Редкие раны	86
Ловкие конокрады	92
Смерть героя	96
Конец правителя города Хама	97
Знаменитые удары копьем	100
Отец Усамы	104
Военная хитрость франков	110
Насмешка судьбы	112
Исцеление благодаря ране	114
Сражение с франками	117
Стычка с конницей из Хама	119
Подвиг Джум'ы	121
Рыцари у франков	123
Жестокость Танкреда	125

	Стр.
Рыцарь Бадрхава	128
Один стоит многих	130
Верность бедуина	143
Выкуп пленных у франков	145
Чудесное спасение	148
В пасти льва	150
Храбрость и неосмотрительность	152
Благоразумное правление	155
От судьбы не уйдешь	159
Помощь Аллаха	161
Борцы за веру и верность	165
Случаи с лошадьми	168
Готовность к бою	171
Присутствие духа и храбрость Усамы	173
Судьба	177
Случаи со львами	179
Случаи с леопардами	184
Осада Шейзара румами	187
Поход франков на Дамаск	189
Замечательные удары мечом	192
Выдающиеся женщины	195
Нравы франков	208
Трусливые храбрецы	219
Несчастные случаи	221
Твердость духа	225
Помощь Аллаха	228
Помощь страха	232
Опасность от чрезмерной смелости	235
Храбрость от самолюбия	239
Жестокость аль-Ягысыяни	242
Превратности судьбы	246
Жизненного предела не изменить	249
Тягость старости	251
Хвала великому Саладину	253
ПРИБАВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ	257
Рассказы о праведниках	260
Чудесное исцеление	269
Награжденное бескорыстие	271
Редкие случаи исцеления	274

	Стр.
ПРИБАВЛЕНИЕ ВТОРОЕ, Охотничьи рассказы . . .	281
Охоты с отцом	284
Охоты с атабеком Зенги	285
Охоты в Дамаске	287
Охоты в Египте	288
Охота в Акке	290
Охоты у крепости Кайфа	291
Охоты с Нур ад-Дином	292
Охоты с отцом в Шейзаре	294
<i>Библиография . . . . .</i>	<i>321</i>

Усама ибн Мункыз
КНИГА НАЗИДАНИЯ

•

Утверждено к печати Редакционным советом
востоковедной литературы
при Отделении исторических наук
Академии наук СССР

•

Редактор издательства *Ю. Э. Брегель*
Художник *И. А. Тимофеев*
Художественный редактор *Л. С. Эрман*
Технический редактор *Р. А. Негримовская*
Корректоры *Е. А. Мамиконян* и *М. М. Хасман*

•

Сдано в производство 4/IX 1957 г.
Подписано к печати 22/1 1958 г.
Т-00015. Бумага 84x108⁴/₃₂—10,25 печ. л.
16,810 усл. п. л. 14,425 уч.-изд. л. Тираж 50 000 экз.
Цена 10 р.

•

Издательство восточной литературы
Москва, Центр, Армянский пер., д. 2.

•

Набрано в 5-й тип. МПС
Отпечатано в 1-й тип. Трансжелдориздата МПС
Москва, Б. Переяславская, 46. Зак. 159

